
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 29 ИЮЛЬ 1979

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 29 (2714)

14 ИЮЛЯ 1979

Вот оно, поле второй бригады!

Секретарь парткома колхоза «Россия» А. П. Полянский вручает вымпел «Лучший комбайнер района» Н. И. Ковалеву.

РКАЯ ЖАТВА

Солома — это и молоко и мясо. Поэтому ее тщательно сгребают на полях, вывозят на фермы и тут же скирдуют.

Владимиру Данилову есть чем гордиться — его бригада собрала отличный урожай.

Б. СОПЕЛЬНЯК, фото Г. КОПОСОВА, специальные корреспонденты «Огонька»

На Кубани жаркое лето. Жаркое в прямом смысле слова — целыми днями печет белесое от собственного зноя солнце, и жаркое от трудового накала. Полным ходом идет уборка урожая! Людей на полях почти не видно, зато машин множество: комбайны, жатки, трактора, автомобили... Но за штурвалами и баранками люди, которые по восемнадцать часов не покидают кабин и мостиков. Хлеб не ждет. Упустишь день, а то и час — потери будут большие. К тому же труженики Краснодарского края обязались закончить уборку за семь — девять дней!

Мы ехали в колхоз «Россия», Усть-Лабинского района. От краевого центра это около

Во время беседы. Телефото В. Мусаэльяна (ТАСС)

ПРИЕМ Л. И. БРЕЖНЕВЫМ АМЕРИКАНСКОГО СЕНАТОРА Р. БЭРДА

4 июля в Ялте Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев принял видного американского политического деятеля, лидера демократической партии в сенате США Р. Бэрда, находившегося в Советском Союзе по приглашению Парламентской группы СССР.

В состоявшейся беседе были затронуты принципиальные вопросы советско-американских отношений. Л. И. Брежнев отметил, что в результате недавних переговоров в Вене с президентом США Дж. Картером в отношениях между СССР и США открываются неплохие перспективы. Долг обеих стран — приложить необходимые усилия, чтобы эти перспективы стали реальностью. Было подчеркнуто, что развитие советско-американского сотрудничества во имя мира, безусловно, пойдет на пользу и народам обеих стран, и человечеству в целом.

Большое место в беседе было уделено вопросам ограничения стратегических вооружений. Л. И. Брежнев охарактеризовал подписанный в Вене Договор ОСВ-2 и связанные с ним документы как самый крупный до сих пор вклад в дело сдерживания гонки ракетно-ядерных вооружений. Было подчеркнуто, что договор основан на принципе равенства и одинаковой безопасности сторон, на полном равновесии обязательств и интересов как Советского Союза, так и Соединенных Штатов и поддается надежной проверке.

Л. И. Брежнев выразил надежду, что скорейшее вступление в силу Договора ОСВ-2 откроет путь к выработке новых, более далеко идущих мер по ограничению и сокращению стратегических вооружений в ходе переговоров ОСВ-3 и вместе с тем поможет достижению успеха на других направлениях ограничения вооружений и разоружения.

Со своей стороны сенатор Р. Бэрд высказался в пользу позитивного развития отношений между Соединенными Штатами и Советским Союзом, за дальнейшие совместные усилия в поисках взаимоприемлемых решений возникающих проблем.

восьмидесяти километров, но даже за полтора часа езды по прекрасному шоссе можно многое увидеть. Как рачительно, по-хозяйски использована ценнейшая кубанская земля: поля распаханы вплоть до обочины дороги — хлеб растет в полутора метрах от асфальта. Мы привыкли к зеленым островкам травы вокруг телеграфных столбов и опор линий электропередач — здесь таких островков нет. Куда ни глянешь, всюду золотятся хлеба, окаймленные лесозащитными полосами.

Секретарь парткома колхоза «Россия» А. П. Полянский с ходу предложил:

— Если не возражаете, все разговоры в машине. В какую бригаду ехать, решайте сами — их у нас четыре.

— А где самый молодой бригадир? — спросил я.

— Во второй. Владимиру Данилову недавно исполнилось тридцать, а бригадирствует он уже шесть лет. К тому же Володя был делегатом XVIII съезда ВЛКСМ, а чуть позже стал лауреатом премии Ленинского комсомола. Не обошли его и наградами: у Данилова орден Трудового Красного Знамени и «Знак Почета».

Вот и полевой стан бригады. Современный стан — добротное кирпичное здание. Здесь кабинет бригадира, комната для учетчиц и бухгалтера, просторная столовая, светлые спальни, веранда, красный уголок, где можно собрать всю бригаду — сто двадцать пять человек. Газеты, журналы, книги, телевизор, радиоприемник — все это, конечно, тоже есть. Неподалеку машинный двор с гаражами, кузницей и прекрасно оборудованными мастерскими. Текущий ремонт и техническое обслуживание тракторов и комбайнов делается тут же. Чуть в сторонке — механизированный ток с отличными сушилками и зерноочистителями.

Бригадир еще не вернулся с поля, так что у нас было время осмотреть его хозяйство. Порядок везде идеальный!

Поле начинается чуть ли не у самого порога стана. Ячмень уже свален, и полным ходом идет обмолот. Все семь комбайнов работают как хорошо слаженный механизм. К каждому «приписаны» два грузовика с высокими бортами: зерно перегружается из бункеров на ходу. Никто никому не мешает, нет ненужных остановок, перекуров — словом, чувствуется рука опытного дирижера.

А вот и он сам — Владимир Трофимович Данилов. Невысокий, но крепкий, как штангист-легковес, пропыленный, обветренный, с потрескавшимися от жары губами и воспаленными от хронического недосыпа глазами, Володя тем не менее улыбчив, разговорчив, легко откликается на шутку. Три дня мы жили бок о бок на полевом стане — начинали работу в шесть утра, заканчивали в час ночи, и ни разу я не слышал, чтобы Володя не то чтобы на кого-то накричал, а хотя бы повысил голос.

Тогда же, в час первой встречи, он сразу повез нас в поле — нужно было вручить вымпел «Лучший комбайнер района» Н. И. Ковалеву, который намолотил за смену 705 центнеров ячменя. Николай Иванович неохотно остановил комбайн и спустился на землю. С трудом поднимая затекшие от долгого сидения ноги, но бережно переступая через валки, он подошел к секретарю парткома, принял вымпел, коротко поблагодарил и тут же двинулся назад. Пока помощник укреплял вымпел на кабине, Николай Иванович развернул комбайн в конце загона и уверенно повел его на валки ячменя.

Да, на беседы нет ни минуты. Хочешь поговорить, залезай на мостик. Так мы и сделали. Я узнал, что Н. И. Ковалев — коренной ку-

МТС — ПОЛВЕКА

Когда говорят о машинно-тракторных станциях, об их огромной роли в создании и становлении социалистического хозяйства, непременно называют МТС имени Шевченко на Одесщине. Недавно исполнилось полвека со дня ее основания.

В двадцатых годах на прежних помещичьих землях вокруг Березовки стали один за другим появляться переселенческие хутора. Советская власть щедро наделяла землей бедноту из ближних и дальних сел Украины. По соседству был создан совхоз имени Шевченко. В 1925 году сюда пришла первая партия тракторов. Возглавлял эту бригаду бывший красногвардеец, выпускник тракторных курсов Павел Михайлович Малонога. Он и его товарищи — Бочаров, Долгий, Елисеев и Чихун — въехали мартовским бездорожьем на хутор Ламзаки. Встречали их как героев.

Нелегко было первым трактористам. Кулаки всячески пытались задержать поступь нового — поджигали горючее, сыпали в моторы песок, воровали драгоценные запасные части. Но техника в руках преобразователей села становилась непобедимым оружием. Урожай на совхозных полях был в несколько раз больше, чем на участках единоличников. Могла ли быть нагляднее агитация?

А в совхоз приходили новые тракторы. В 1926 году их стало 12, в 1927-м — 20, в 1928-м — 112. Было создано 14 тракторных отрядов, позже на их базе образовалась межселенная, как ее называли тогда, машинно-тракторная станция. Так в причерноморских степях родилась МТС имени Шевченко. Первым ее директором был агроном коммунист Анисим Миронович Маркевич.

К 1929 году первая МТС обслуживала 26 сел с общей площадью земли в 24 тысячи гектаров. У шевченковцев было уже 450 тракторов, 120 комбайнов, 80 молотилок... Больше тысячи трактористов, комбайнеров, шоферов, ремонтников, специалистов сельского хозяйства — вот каким стал коллектив МТС!

За годы первой и второй пятилеток в степи вырос новый, социалистический поселок с двухэтажными жилыми домами, школой, больницей, электростанцией. Очень много для расширения станции сделал Николай Васильевич Дружинин, ставший директором вслед за А. М. Маркевичем. В 1930 году МТС имени Шевченко была награждена орденом Трудового Красного Знамени. Высокие правительственные награды получили и многие механизаторы.

...Война прервала мирный труд. Когда фронт приблизился к степям Украины, шевченковцы Малонога, Ищенко, Васильева, Албов, Сопоров, Грицак и другие, рискуя жизнью, спасали технику, чтобы она не досталась врагу. А потом вместе со всем советским народом встали на защиту Родины.

Григорий Ефимов водил танк с таким же мастерством, как трактор. Феодосия Васильева на самых передовых позициях продолжала свою мирную профессию магнетчицы — заряжала аккумуляторы танков. Андрей Мирошниченко дошел до Берлина. Мужественно сражались и другие шевченковцы.

Мрачную картину разрушения застали в родных местах вернувшиеся фронтовики. Пепелища и развалины... Оккупанты причинили огромный ущерб и МТС.

С первых послевоенных дней начали шевченковцы восстанавливать разрушенное войной хозяйство. Бывший механик МТС, ныне 82-летний пенсионер Иван Денисович Сопоров, рассказывает: «По ярам и балкам откапывали уцелевшую драгоценную технику. Откопали девять «интернационалов» и столько же комбайнов. Еще шесть тракторов оставили нам родные артиллеристы. С тем и начинали свой первый послевоенный сев...»

Тяжелым испытанием для хлеборобов был засушливый 1946 год. Но чиненные и перечиненные «интернационалы» и «натики» в умелых руках работали безотказно.

В день двадцатилетия станции «за успешную работу в деле обслуживания колхозов и обеспечение высоких и устойчивых урожаев» МТС имени Шевченко была награждена орденом Ленина. Этой же награды были удостоены ветераны МТС Павел Михайлович Малонога и Константин Григорьевич Сомов.

Григорий Николаевич Ефимов, Василий Петрович Ткаченко и еще восемь механизаторов получили ордена Трудового Красного Знамени.

Лучшим бригадирам тракторных бригад Ивану Яковлевичу Путенцову, Михаилу Степановичу Дымову, Ивану Афанасьевичу Внученко были присвоены звания Героев Социалистического Труда.

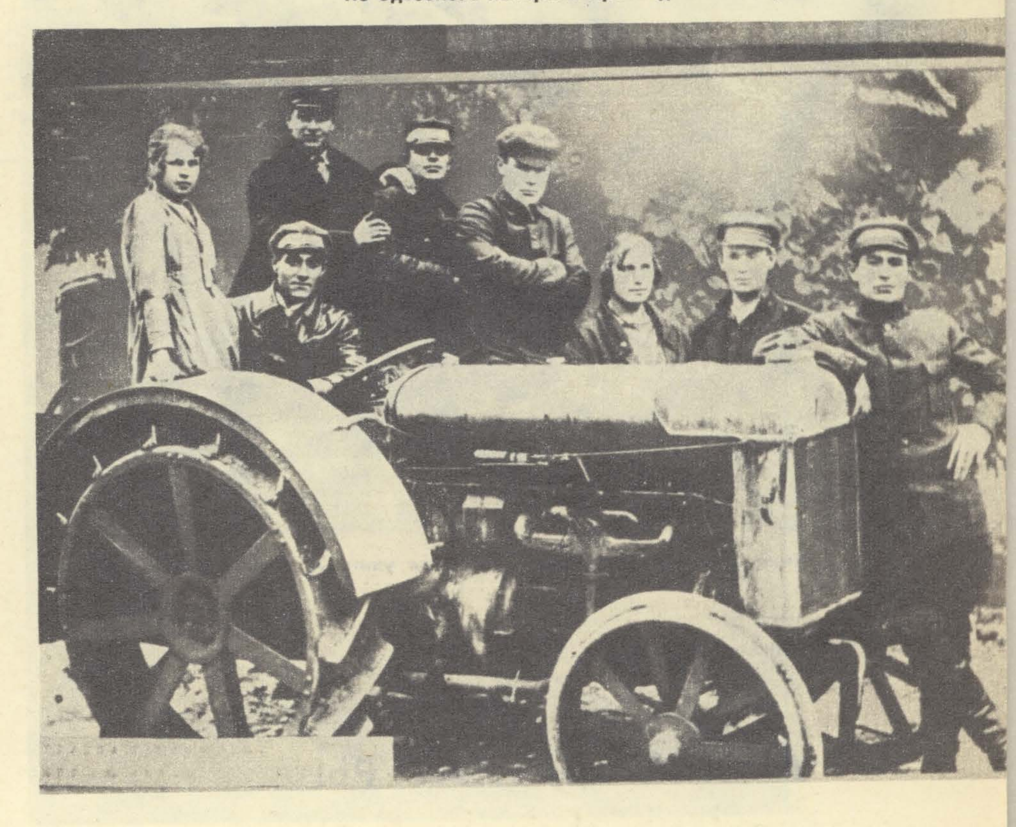
Сегодня наследницей славных традиций первой МТС по праву является вся «Союзсельхозтехника» с ее миллионами квалифицированных механизаторов.

Г. ЯБЛОНСКИЙ,
инженер «Облсельхозтехники»

Одесса.

Группа трактористов — организаторов МТС имени Шевченко. Фото 1926—1927 гг.

Из Одесского историко-краеведческого музея.

банский казак, родился и вырос в станице Некрасовской — сейчас там центральная усадьба колхоза, с шестнадцати лет на тракторе, а потом и на комбайне. Во второй бригаде уже девятнадцать лет; награжден орденом Трудового Красного Знамени и медалью за доблестный труд. Я не спрашивал, тяжело ли работать, не выматывают ли жара и ветер. Что тут спрашивать, когда и так все видно?! Но один вопрос все же задал:

— Что больше любите: пахать, сеять или убирать урожай?

— Был помоложе, любил пахать. А теперь — убирать, причем пшеницу. В прошлом году намолачивал за смену по тысяче центнеров! Через два-три дня перейдем с этого поля на пшеничное. Думаю, урожай будет приличный, центнеров по шестьдесят с гектара возьмем.

Прогноз опытного механизатора полностью подтвердился. А ячменя вторая бригада собрала по 60,5 центнера с гектара — лучший показатель в колхозе.

— Урожай, конечно, хороший,— сказал бригадир.— Но как он нам достался! Ведь за все время ни одного дождя.

— В чем же секрет?

— А секрета нет,— улыбнулся Володя.— Просто мы носим звание «Бригада высокой культуры земледелия». Так что все дело в этом, в высокой культуре земледелия. Как видите, и без помощи природы, а порой даже наперекор ее козням можно получать хороший хлеб. Главное наше оружие — постоянно помнить: убирая сегодняшний урожай, думай о завтрашнем. Бригада работает по принципу уборочно-транспортного комплекса. Это значит, что каждое звено—а их всего шесть— имеет свою, если хотите, стратегическую задачу. У нас две с лишним тысячи гектаров земли, из них семьсот сорок — озимой пшеницы, около ста — ячменя... В день мы обмолачиваем сто гектаров, то есть одно поле. Этим занимаются уборочно-транспортные звенья. На следующий день другое специализированное звено убирает солому. Как только поле освободилось, вносим удобрения и тут же запахиваем: само собой, для этого создано тоже отдельное звено. Основная цель — уничтожить сорняки и закрыть влагу. Потом три месяца, то есть до сева озимых, поля отдыхают. Это и есть небезызвестный полупар. Без него мы ни за что не добились бы таких стабильных урожаев. А наш колхоз уже много лет получает по пятьдесят и более центнеров с гектара. Именно за это в прошлом году колхозу «Россия» было вручено переходящее Красное знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ, колхоз занесен на Всесоюзную доску почета на ВДНХ СССР.

Работа на полевом стане не прекращалась, можно сказать, ни на час. Мы видели, как с первыми лучами солнца появлялись около своих машин механизаторы, как работали они под палящими лучами солнца, а ночью — при свете фар. Мы видели, как сутками не уходили люди с тока, очищая и подсушивая зерно, как выравнивали дороги грейдеры, чтобы не тряхнуло ненароком ни одной машины и не рассыпалось ни зернышка. Видели, как приезжала на стан агитбригада и в шесть утра девчата в нарядах кубанских казачек пели удалые песни, как бойко шла торговля в автолавке, как коротко и сжато проводили политинформации агитаторы, словом, люди не чувствовали себя оторванными от жизни.

Но самое незабываемое — первый каравай из пшеницы нового урожая. Испекли его в настоящей русской печке. До чего же красив и вкусен кубанский каравай 1979 года! Он горьковат, солоноват и сладок. Сколько вложено в него труда, сколько замечательных людей сеяли, растили, убирали и выпекали его! Трудна и сложна жатва этого года. Но, главное, хлеб есть!

Никарагуанские повстанцы во время уличных боев в Леоне.

НИКАРАГУА

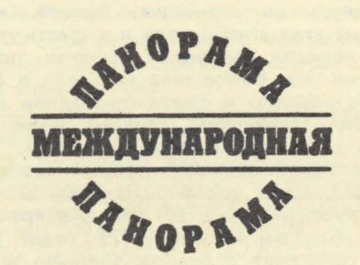
АГОНИЯ ДИКТАТУРЫ

Бойцы Фронта национального освобождения имени Сандино продолжают развивать наступление. Практически на всей территории страны идут упорные бои между повстанцами и национальной гвардией диктаторского режима Сомосы. Сомосовцы несут большие потери в живой силе и технике. Представитель временного демократического правительства национального возрождения Серхио Рамирес опроверг заявления Сомосы о том, что его войска якобы развивают наступление. Диктатор, сказал он, пытается прикрыть военную слабость своего режима дымовой завесой лжи.

Согласно сообщениям информационных агентств, с каждым днем увеличивается число беженцев, спасающихся от зверств сомосовцев. В последнее время в освобожденных районах их число уже достигло 150 тысяч. Повстанцы оказывают беженцам посильную помощь. Как сообщают сотрудники Международного Красного Креста, войска Сомосы вопреки существующим международным нормам препятствуют оказанию помощи раненым и больным, зверски убивают их, мешают доставке продовольствия и медикаментов.

Соединенные Штаты продолжают вмешиваться во внутренние дела Никарагуа с тем, чтобы добиться устраивающего их «урегулирования» никарагуанской проблемы. Как сообщила газета «Нью-Йорк таймс», президент Дж. Картер провел совещание, цель которого «наметить новые шаги в предпринимаемой Соединенными Штатами попытке разрешить кризис в Никарагуа. До сих пор такие попытки наталкивались на оппозицию со стороны всех основных никарагуанских политических группировок».

Представители патриотических сил решительно отвергают любое вмешательство Вашингтона во внутренние дела Никарагуа.

ИЗРАИЛЬ

ОККУПАНТЫ БЕСЧИНСТВУЮТ

Израиль продолжает бесчинствовать на оккупированных арабских территориях. Арабов вынуждают покидать родные места, у них отбирают землю, разрушают жилища. После заключения президентом Египта Садатом предательской сделки с Израилем действия правящих кругов Тель-Авива на оккупированных территориях отмечены еще большей наглостью и вероломством. Разговорами об «административной автономии» Западного берега реки Иордан и сектора Газа власти Израиля стараются лишь прикрыть свою расистскую политику, желание навечно закрепиться на захваченных арабских землях. Премьер-министр Израиля Бегин заявил на съезде своей партии: «Если административный совет, который будет создан на Западном берегу и в секторе Газа, провозгласит палестинское государство, то мы арестуем его 11 членов и восстановим военное правление в 24 часа. Мы никогда не допустим создания палестинского государства. На основе кэмп-дэвидских соглашений и с одобрения Соединенных Штатов и Египта израильская армия останется в Иудее, Самарии и Газе».

В спешном порядке на арабских землях создаются израильские поселения. Арабские земли конфискуются под любым предлогом, то в целях «безопасности» израильских поселенцев, то жителей обвиняют в связях с Организацией освобождения Палестины. Бульдозеры сносят дома, выкорчевывают виноградники и сады. С 1967 года, после захвата чужих земель, оккупанты разрушили около 20 тысяч домов, оставив без крова сотни тысяч палестинцев. А на их месте, как грибы после дождя, вырастает сеть военных и полувоенных израильских поселений, и число их будет расти. Директор департамента по созданию новых поселений Всемирной сионистской организации М. Дроблес огласил планы строительства 20 новых поселений на оккупированных территориях в будущем году. На протяжении следующих пяти лет, сказал он, там расселятся около 200 тысяч израильтян.

Арабское население протестует против беззакония израильских властей. Все чаще вынуждены оккупанты бросать свои воинские подразделения на подавление демонстраций палестинцев. Тюрьмы переполнены арабскими патриотами. Только в 1978 году аресту было подвергнуто более 1600 человек. Ни комендантский час, ни усиленные патрули, ни ужесточение репрессий не могут сломить борьбу палестинцев за освобождение своей родины.

На снимке: на улицах Наблуса на Западном берегу реки Иордан во время антиизраильских выступлений населения.

МЕКСИКА

ТАЙНО ЧЕРЕЗ ГРАНИЦУ

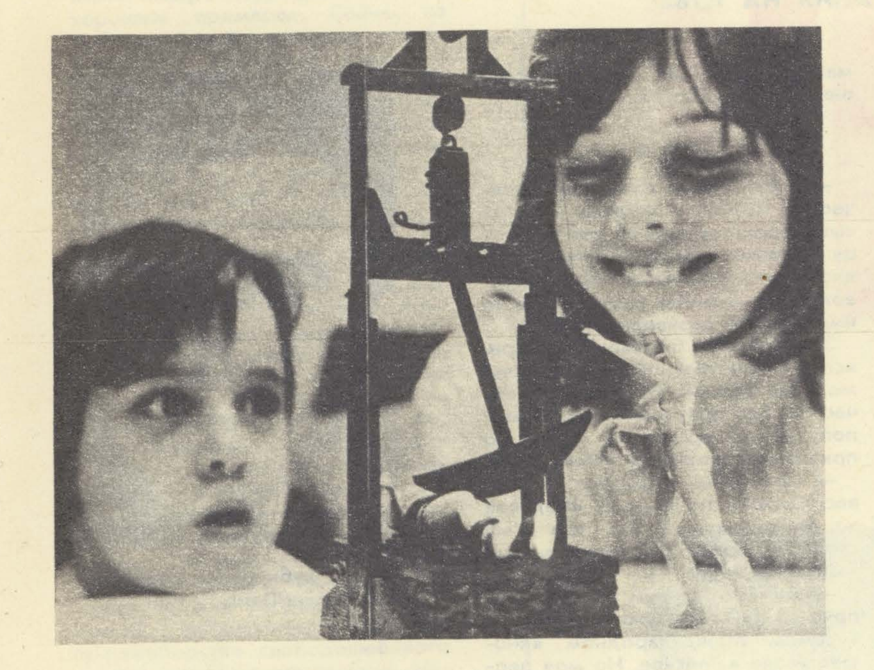
По ту сторону границы, в стране гринго — это Валентино Ромеро знал хорошо, как всякий в Мексике, — он сможет заработать на кусок хлеба, а в Делисьясе, ближайшем городе, находится «Дон». Там у «Дона» контора, на двери которой нет никакой вывески, но он обделывает дела, превратившие его в богатого человека: он нелегально переправляет людей в США. «Дон» — один из тысячи ему подобных, а его контора — одна из сотен, находящихся повсюду в Мексике.

За 500 долларов с человека «Дон» может доставить всю семью в Сьюдад-Хуарес, а оттуда один «койот», то есть контрабандист, надежно переправит их через реку Рио-Гранде в Техас и затем привезет в Чикаго. В указанную сумму включена даже стоимость фальшивых документов. Кроме того, дается «гарантия»: если переправляемых схватят и вернут обратно, то следующая попытка не будет стоить им ни одного песо.

У Ромеро таких денег не было. Он едва осмелился сказать об этом «Дону». Но последний отнесся к его словам спокойно. Он сказал, что может устроить все по цене 100 долларов с человека, правда, переход границы будет через Тихуану на крайнем северо-западе Мексики. Туда Ромеро должен приехать за свой счет, оплата проводника через границу в эту сумму также не входит.

Тысячекилометровая поездка из Росалеса в Тихуану заняла два дня. Валентино Ромеро и его семья имели лишь несколько вещей, которые они несли в двух соломенных кошелках, и карту, на которой «Дон» отметил место, где вернее всего можно перейти границу.

Когда зашло солнце и через 20 минут не стало видно ни зги, семья Ромеро проползла под стальной проволокой и направилась по тропинке, по которой до них прошли тысячи других нелегальных иммигрантов. Вскоре они услышали рокот вертолета, и над ними зажглись прожекторы. Ромеро бро-

ФРГ

ДЕТСКИЕ ИГРЫ

Западногерманская общественность встревожена всевозрастающей детской преступностью в стране. Журнал «Штерн» пишет, что убийства, террор, уличные драки, катастрофы и аварии на транспорте, ставшие действительностью для взрослых, превратились в сюжеты детских игр. Сидящие перед экраном телевизора дети зачастую не могут отличить, что демонстрируется — детективный фильм или новости. Совершенно четко они констатируют одно: выигрывает, как правило, тот, кто быстрее стреляет, быстрее колет, сильнее бьет.

Дети играют на полном серьезе: тринадцатилетний мальчик в Эссене играл в ограбление банка и при этом перерезал горло своему «заложнику». Поблизости от Ганновера трое ребят стреляли из луков по «пленным» маленьким детям, почти два часа подряд до крови избивали их, а потом заявили, что это «доставляло удовольствие». Две четырнадцатилетние девочки в Кевеларе после просмотра по телевидению детективного фильма «Увеселительная прогулка» играли на чердаке и удушили там семилетнего мальчика.

Но не только телевидение повинно в повышенной детской агрессивности. Насилие дети видят часто в своей семье. В результате побоев родителями в ФРГ ежегодно умирают 150 детей, а триста становятся калеками. 85 процентов западногерманских семей все еще считают телесные наказания действенным средством воспитания. Общее число уголовно наказуемых издевательств над детьми неизвестно, равно как неизвестно число родителей, пытающихся урегулировать свои разногласия с сыновьями и дочерьми с помощью рукоприкладства.

Насилие процветает и в школе. Каждый второй ребенок подвергается побоям со стороны учителей. Министерство культуры Рейнланд-Пфальца сообщило следующее: «Вызывает опасение растущая жестокость по отношению к более слабым соученикам». Дети нападают друг на друга, пуская в ход цепи и железные прутья, вымогают деньги у младших.

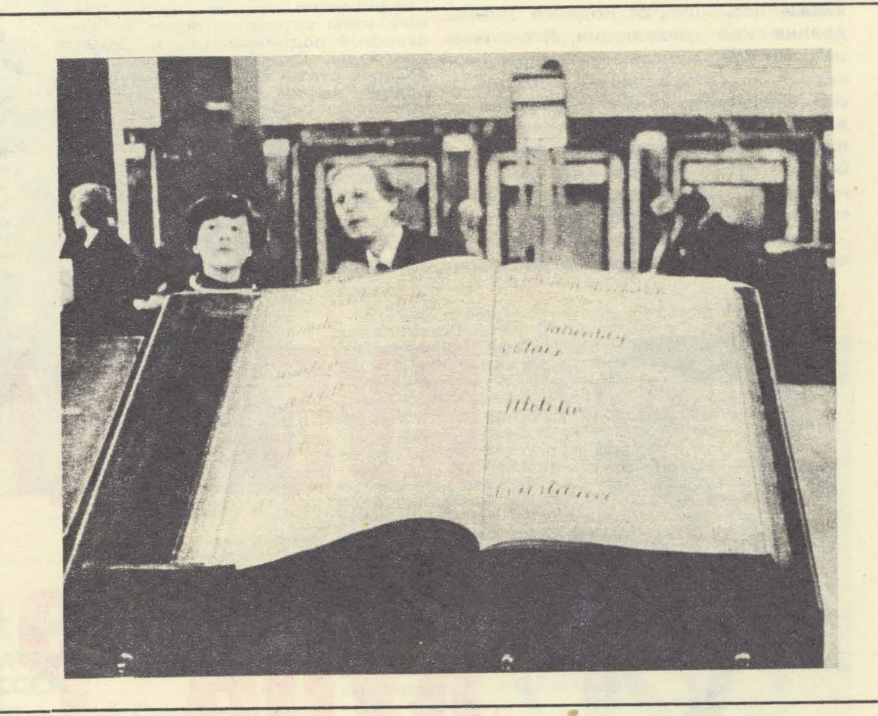
На снимке: игра в гильотину. Такую игрушку можно купить в любом детском магазине ФРГ.

ПИРАТЫ НАШИХ ДНЕЙ

На водных просторах Мирового океана участились случаи морского пиратства: суда бесследно исчезают вместе с грузом и экипажем. Импортеры тщетно дожидаются своих товаров, которые за это время уже стали наживой для других. Отправители, чьи грузы не доставлены по назначению, не знают, с кем иметь дело, поскольку судовладельцы исчезают, а суда списываются как «окончательно потерянные», хотя, вероятно, они еще совершают рейсы. Правительства и страховые компании, портовые, таможенные и полицейские власти растеряны перед лицом около двухсот ставших известными случаев современного пиратства. Изощренные способы пиратства по-прежнему окутаны тайной. Страх перед морской мафией, не останавливающейся ни перед чем, заставляет держать язык за зубами свидетелей и соучастников.

В конце января этого года греческое грузовое судно «Транспорта» покинуло порт Лимасол с грузом виски и сигарет на сумму в 2 миллиона долларов. Во время рейса судно было остановлено пиратским кораблем. Когда экипаж «Транспорта» предпринял попытку оказать сопротивление, пираты открыли огонь. Бандиты в масках поднялись на борт судна и заставили команду перегрузить на их корабль товары. Они захватили с собой капитана, и судно с пустыми трюмами возвратилось в Лимасол. Это лишь один из многих случаев нападения. Современные пираты в отличие от средневековых своих собратьев хорошо вооружены автоматами, пулеметами и гранатами. Нападая стремительно и неожиданно, они так же быстро скрываются с места преступления. Помимо разбоя в открытом море, морские гангстеры занимаются также контрабандой наркотиков, драгоценностей, фальшивых документов. Нередко они выполняют поручения весьма «солидных» клиентов, пользующихся огромным влиянием в различных сферах бизнеса и политики. Последнее обстоятельство объясняет живучесть и неуязвимость морских разбойников.

На снимке: книга компании Ллойда в Лондоне. Ее страницы хранят названия всех пропавших без вести судов.

сились в заросли, но свет преследовал их, и они поняли, что попались...

Не сегодня—завтра они снова попытаются использовать свой шанс и перепраяться через границу, как тысячи других мексиканцев, которых голод и надежда найти хоть какую-нибудь работу гонят с родных мест. В настоящее время в США проживают от пяти до восьми миллионов нелегальных иммигрантов (назвать точную цифру не могут даже американские иммиграционные власти). Большинство из них прозябают в трущобах крупных городов — Нью-Йорка, Чикаго, Лос-Анджелеса. Они заняты там на неквалифицированных работах: в качестве мусорщиков, посудомоек, прислуг, садовников, привратников или упаковщиков. За такую работу платят гроши. Нежелательные чужестранцы не имеют вида на жительство, и им ежедневно грозит высылка домой. Этим пользуются работодатели, выжимая из чужаков последние соки и выплачивая им мизерную заработную плату.

На снимке: арест мексиканцев на границе США.

США

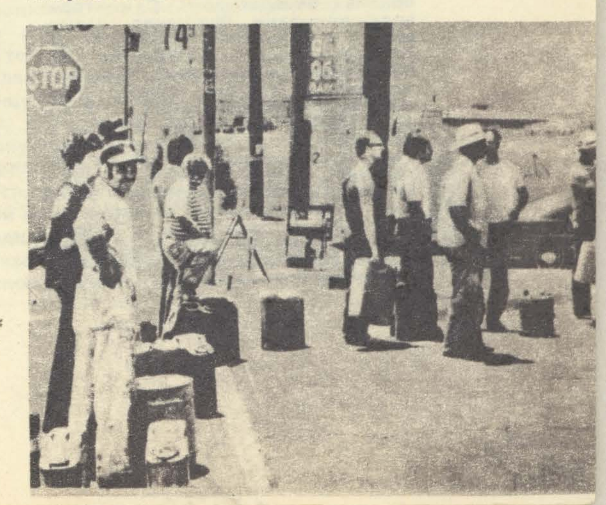
В ОЧЕРЕДИ У БЕНЗОКОЛОНКИ

Острая нехватка горючего, охватывающая все новые районы США, вызывает недовольство американцев. В пригороде Филадельфии—Левиттауне состоялись массовые демонстрации протеста против политики нефтяных монополий, искусственно создающих нехватку бензина. Для разгона демонстраций были брошены отряды полиции. Во время столкновений демонстрантов с вооруженными полицейскими было подожжено несколько машин. Сотни человек ранено, около двухсот—арестовано. В Левиттауне объявлено чрезвычайное положение.

Федеральное расследование ценообразования в нефтеперерабатывающей промышленности показало, что все компании чрезвычайно завышали стоимость своей продукции, получая тем самым бешеные прибыли. При расследовании деятельности нефтяных компаний выявилась картина: семь крупнейших нефтяных монополий завысили цены на свои продукты на 1,7 миллиарда долларов, начиная с 1973 года.

Миллионы американцев с беспокойством следят за тревожными сводками с «экономического фронта». Наиболее быстрыми темпами дорожают нефтепродукты. Цены на бензин в июне подскочили сразу на 3,7 процента по сравнению с предыдущим месяцем, а на топливную нефть — на 8,4 процента. Если такие темпы дороговизны сохранятся в предстоящие месяцы, то за год эти виды топлива подорожают соответственно на 50 и 71 процент. Это весьма ощутимый удар по карману американцев.

На снимке: часами приходится простаивать в очереди у бензоколонки, чтобы купить несколько литров бензина.

КУБА-ДАЛЕКО, КУБА-РЯДОМ

Д. ИВАНОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

«Пассажирский самолет кубинской авиатранспортной компании «Кубана де авиасьон» в среду вечером упал в Карибское море в нескольких километрах к востоку от Барбадоса. Незадолго до катастрофы пилот сообщил, что на борту произошел взрыв. Виновниками взрыва, в результате которого погибли 78 человек, являются кубинские контрреволюционеры». Это сообщение появилось в газетах в октябре 1976 года.

...Гавана. На огромной площади перед монументом Хосе Марти людское море. В скорбном суровом молчании слушают кубинцы Фиделя Кастро, отдавая последние почести своим соотечественникам, погибшим от подлого злодеяния контрреволюции. Я смотрел эти документальные кадры и видел, как отзывались в сердцах собравшихся гневные слова Фиделя, клеймящего бандитские нападения и провокации против свободной Кубы: «Когда сильный и мужественный народ плачет, несправедливость содрогается».

Мне показали кинохронику трехлетней давности в дни, когда все на острове Свободы с огромным интересом следили за событиями двенадцатисерийного художественного телефильма «Все должно быть тихо», посвященного двадцатилетию кубинских органов безопасности. Его названием стала фраза из письма Хосе Марти, в котором великий революционер-патриот разрабатывал детали одной из операций освободительной народной войны...

Подпольщик Фернандо, вырвавшийся из батистовских застенков, бежит в США. Находясь там, он помогает своим товарищам по борьбе, а в 1959 году возвращается на родину. Старый друг и соратник привлекает его к работе в органах безопасности. С контрреволюционерами Фернандо сталкивается в ведомстве, занимающемся строительством объектов легкой промышленности. Он входит в доверие к группе махинаторов, становится главой шайки. ЦРУ завербовывает его в свои агенты, и дальше начинается полная опасностей, самоотверженная работа разведчика... Перед зрителями проходит череда захватывающих событий: обезвреживание попыток кубинской контрреволюции помешать строительству социализма на первой свободной территории Америки; борьба с агентурой ЦРУ в рядах чилийского Сопротивления; срыв покушения на Фиделя Кастро...

Вечером 9 июня вся Куба была у телеэкранов — шла двенадцатая, последняя серия фильма. Когда на следующее утро я приехал в пригород Сьенфуэгоса Пальмиру, первые слова пришедших в муниципальный комитет партии были о фильме, о Фернандо. Кубинцев привлекает мужество, чрезвычайная важность его работы: ведь герой фильма, постоянно рискуя жизнью, защищает революционные завоевания, плоды созидательного труда народа.

Сьенфуэгос — быстро растущий промышленный центр страны на побережье Карибского моря. Я беседовал здесь с советскими специалистами из Киева, помогающими осваивать оборудование на заводе ирригационных машин, построенном с помощью Болгарии; на комбинате азотных удобрений, возведенном по английскому проекту, советские инженеры и рабочие добиваются вывода производства на требуемые мощности. Новостройки и уже действующие предприятия, целые промышленные зоны окружили город со всех сторон, поднимаются и жилые кварталы. Старинный Сьенфуэгос должен стать первым на Кубе городом нового, социалистического типа.

А в Пальмире меня ждала встреча с представителем самой традиционной кубинской профессии — рубщиком сахарного тростника Антонио Риосом. Вот уже пять лет его бригада — лучшая в стране, а сам Антонио четыре года подряд удостаивается звания Национального героя труда.

Антонио сорок девять лет, он участвовал в шести последних сафрах. На его счету 681 тысяча арроб тростника — это рекордный результат. Раньше водил грузовик, но, когда прозвучал призыв, взял в руки мачете и показывает на этой нелегкой работе образцы действительно героического труда.

До революции он закончил лишь три класса — в его родной Песете дальше негде было учиться. Теперь за два года прошел программу шестилетней школы.

— В округе шестьдесят семь школ, два техникума,— с гордостью рассказывает Антонио.— До революции не было ни одной поликлиники — теперь пять. Недавно в одну семью приезжали родственники из Мексики. Они покинули Кубу после пятьдесят девятого года, средняя, так сказать, буржуазия. Видят, у девочки пластинка во рту для выправления зубов. «Сколько стоит?» — спрашивают. «Нисколько». Не понимают: «Как?.. А у нас тысячу шестьсот долларов».

* * *

— ...Для меня самый драматический момент в фильме,— когда сын перестает верить своему отцу — моему герою. Ему представляется, что Фернандо изменил революции, изменил родине, а я не имею права разуверить его.

Это говорит Серхио Коррьери, исполнитель главной роли в фильме «Все должно быть тихо». Сейчас он, без преувеличения, самый популярный артист на Кубе. Но признание пришло к нему давно.

— Советские зрители знают вас, Серхио, по фильму «Человек из Майсинику». У вас там был сходный герой — профессиональный разведчик?

— Да. Этот фильм принес мне приз за лучшую мужскую роль на восьмом Международном кинофестивале в Москве. Но моя первая встреча с советскими зрителями состоялась гораздо раньше — в фильме Калатозова «Я — Куба».

Серхио Коррьери создал запоминающийся образ Хулио Антонио Мельи в картине, посвященной этому славному лидеру студенческой молодежи, который стал в 20-е годы вождем кубинских коммунистов и погиб от рук наемных убийц. В фильме «Воспоминания об отсталости» Коррьери интересно воплотил характер человека, не нашедшего себя в новой действительности.

Герой кубинской революции Франк Паис.

Серхио Коррьери.

В 1968 году Серхио Коррьери, играющий на сцене с семнадцати лет, организует Театр Эскамбрай. Труппа играет перед жителями горного района, где после победы революции не раз находили прибежище ее противники. Зрители вовлекаются в действие, происходящее на сцене, однако такая импровизация — не самоцель.

— Главная задача нашего театра,— говорит Коррьери,— помогать людям вместе решать проблемы, встающие перед ними в жизни. Мы стремимся увидеть мир глазами простого крестьянина, понять его отношение к происходящим революционным изменениям и дать ответ, как правильно поступать.

Вот, например, один из последних спектаклей, поставленных театром,— «Суд». Зрители избирают восемь человек из сидящих в зале — они будут судить бандитов, тех, кто встал на преступную дорогу. Задача — не просто определить меру наказания, а разобраться, какие причины толкнули обыкновенного крестьянина в банду. И все сидящие в Театре Эскамбрай не пассивно смотрят на сцену, а вместе с актерами и зрителями-«судьями» решают, как устранить эти причины.

Успех агитационных представ-

Антонио Риос (крайний справа) — лучший мачетеро провинции Сьенфуэгос.

лений театра Коррьери послужил хорошим примером. Сейчас на Кубе есть еще несколько подобных трупп. Велика их роль и в пропаганде театрального искусства, которое еще не имеет в провинциях глубоких традиций.

— Ну, а Фернандо?—снова возвращаюсь я к последнему образу, созданному Серхио.— Когда вашему герою пришлось тяжелее всего?

— Наверно, при испытании в ЦРУ на «детекторе лжи». «Вы мне не верите? Мне?!» — кричу я. Кричу действительно искренне, потому что в этот момент Фернандо вспоминает родную Кубу, своих товарищей по работе там, где он официально считался на службе. Они тогда тоже перестали доверять ему, отказались принять Фернандо в партию. Тогда он тоже кричал так, мой Давид.

Давид — агентурное имя героя фильма. На Кубе распространена легенда о Давиде, побеждающем Голиафа. Для кубинцев в этих именах воплощается победное противоборство свободолюбивого народа и черных сил реакции. Недаром подпольную кличку «Давид» взял себе и один из самых пламенных героев революции — Франк Паис...

На кладбище в Сантьяго-де-Куба недалеко от величественного мавзолея Хосе Марти есть могила семьи Паис. Там похоронен и Франк. В 1957 году он погиб от полицейских выстрелов. В Сантьяго вам обязательно покажут это место — дом со следами автоматных пуль. Они — как раны... Франк Паис прожил лишь двадцать три года.

Сын оппозиционного министра, Франк учился в университете, увлекался музыкой, прекрасно рисовал, писал стихи. Одно из последних его стихотворений — на смерть его младшего брата, двадцатилетнего Хосе, убитого батистовскими палачами. Через месяц не стало и Франка.

Молодой учитель из Сантьяго-де-Куба, где 26 июля 1953 года Кастро со своими товарищами штурмовал казарму Монкада, Франк Паис — один из главных организаторов «Движения 26 июля», на черно-красном знамени которого были начертаны слова: «Свобода или смерть». Фидель Кастро писал: «Движение 26 июля» является революционной организацией обездоленных, созданной обездоленными и для обездоленных».

Начав с певческих кружков, Франк завязывает связи с рабочими, организует изготовление самодельного оружия, собирает боевые отряды. Паис дважды ездит в Мексику к Кастро — уточнялись планы борьбы с режимом Батисты. 30 ноября 1956 года он поднимает восстание в Сантьяго навстречу десанту, с которым шел к берегам Кубы на яхте «Гранма» Фидель. Восстание было жесточайшим образом подавлено, но уже в марте следующего года Франк отправляет к Фиделю в горы Сьерра-Маэстра пятьдесят вооруженных бойцов — это была очень существенная помощь повстанцам. Сопротивление батистовской диктатуре ширилось, когда в июле во время одной из облав полицейские застали Франка Паиса на нелегальной квартире. Спастись ему не удалось...

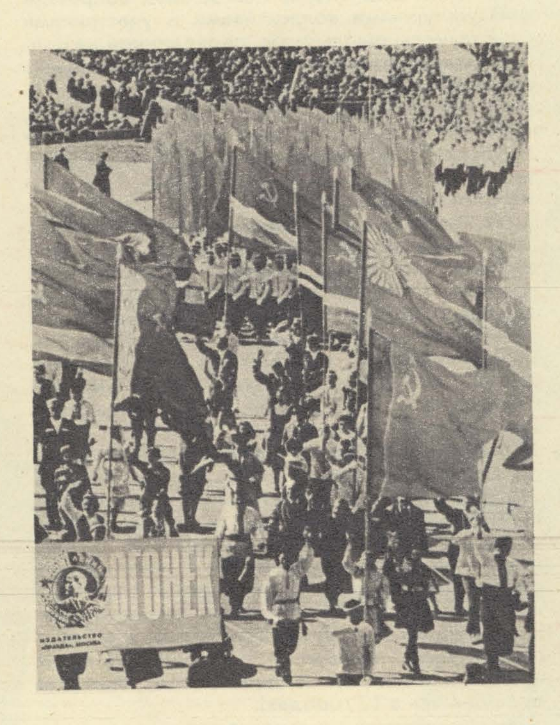
Сегодня кубинцы свято чтут имя Франка Паиса, чтут память других героев революции.

Революция продолжается и сегодня. Свободный и мужественный народ не запугать и не остановить на избранном им пути.

26 июля вся Куба будет петь и танцевать. Это большой праздник, 26 июля,— день, когда вспыхнула заря революции, открылась новая страница в истории Кубы.

Гавана — Москва.

VII СПАРТАКИАДА НА ФИНИШНОЙ ПРЯМОЙ

А. И. КОЛЕСОВ,
заместитель председателя Спорткомитета СССР, главный судья VII летней Спартакиады народов СССР

21 июля на стадионе имени Ленина в Москве, на том самом стадионе, который реконструирован для того, чтобы через год принять участников XXII Олимпийских игр, пройдут в торжественном марше перед трибунами команды 15 союзных республик, Москвы и Ленинграда, посланцы десятков зарубежных стран — гости VII летней Спартакиады народов СССР. Но еще до этого торжественного дня открытия Спартакиады начнут борьбу теннисисты и фехтовальщики, самбисты и гребцы на байдарках и каноэ, как бы увлекая за собой легкоатлетов, борцов, велогонщиков и представителей многих других видов спорта. Все они будут оспаривать почетные трофеи Спартакиады — призы Совета Министров СССР.

Какое раздолье спорта! Какое богатство красок! С чем можно сравнить финалы наших Спартакиад? Только лишь с такими международными комплексными соревнованиями, как Олимпийские игры. И это правомочное сравнение, потому что по числу участников, по количеству видов спорта, включенных в программу, по накалу борьбы Спартакиады достигают поистине олимпийского размаха. И на нынешней, седьмой по счету Спартакиаде спортивная борьба будет, судя по всему, еще более яркой, еще более напряженной, потому что в отличие от предыдущих состязаний в ней примут участие не только наши лучшие атлеты, но и около двух тысяч пятисот гостей из 87 стран.

Международный характер VII летней Спартакиады — это знаменательное явление в истории Спартакиад. Это — закономерное веяние времени. Неизмеримо вырос за эти годы авторитет нашего спорта, и во многих видах он неизменно демонстрирует высочайшие эталоны мастерства, а тут еще близящиеся олимпийские старты. Вот и едут к нам лучшие спортсмены мира, и желающих столько, что мы были не в состоянии удовлетворить всех заявок.

Итак, VII летняя Спартакиада вышла на международную арену. Но было бы неверным считать это новшеством: ведь в год рождения наших Спартакиад, когда в Москве впервые были проведены соревнования олимпийского масштаба, в них тоже участвовали иностранные гости.

В 1928 году, в тот день, когда в Амстердаме заканчивались IX Олимпийские игры, на Красной площади торжественным парадом открылась Всесоюзная спартакиада, в которой приняли участие 25 тысяч физкультурников, и в том числе 612 рабочих-спортсменов из Австрии, Венгрии, Германии, Норвегии, Польши, США, Франции, Финляндии, Чехословакии, Швеции и из других стран.

Что же, и советские спортсмены и их гости из рабочих союзов тогда, может быть, и не владели высотами мастерства, но 13 дней на спортивных аренах Москвы шли соревнования пс 21 виду спорта (это ли не олимпийский размах!), были обновлены 83 рекорда СССР, а первыми победителями стали спортсмены РСФСР неизменные призеры и победители всех последующих Спартакиад.

В 1928 году советские спортсмены были далеки от олимпийского движения, и это еще с большей силой подчеркивает размах происшедших перемен. Теперь они являются хозяевами очередной, XXII Олимпиады.

Да, огромный путь прошел советский спорт с того августовского дня 1928 года, когда состоялось открытие Всесоюзной спартакиады и сам автор «Интернационала», 80-летний французский композитор Пьер Дегейтер дирижировал многотысячным хором рабочих-спортсменов.

После проведения Всесоюзной спартакиады 1928 года прошло двадцать восемь лет, прежде чем мы вернулись к проведению таких комплексных соревнований, как Спартакиады, но уже совсем на другом уровне. Нужны были усилия многих поколений советских организаторов физкультурного движения, армии тренеров, которые, действуя по надежной формуле — «Массовость и мастерство», смогли вывести советский спорт на уровень международных достижений. Произошло это на XV Олимпийских играх 1952 года в Хельсинки, и мир увидел такую силу, о которой и не подозревал. На пьедестал почета один за другим поднимались атлеты в красных майках. Над стадионом в Хельсинки неумолчно звучал Гимн Советского Союза, а признанные лидеры Олимпиад — спортсмены США — вынуждены были разделить лавры общекомандной победы с доселе неизвестными олимпийцами из Страны Советов.

И вот после возвращения с XV Олимпиады, отлично понимая, что в последующие годы нам предстоит испытать все нарастающее сопротивление тех, кто привык собирать все олимпийские лавры, американцев, англичан, шведов, французов, что, как говорит французская поговорка, «положение обязывает», было решено вернуться к опыту Спартакиад еще более основательно, поставить мастерство советских спортсменов на фундамент самой подлинной массовости.

Шестнадцать месяцев готовились к финальным состязаниям I Спартакиады народов СССР лучшие спортсмены союзных республик от

Балтики до Приморья, от Таймыра до Памира. И столица готовилась к встрече гостей: там, где Москва-река подкатывается к Ленинским горам, в ее излучине за короткий срок был поднят стадион, вмещающий 103 тысячи зрителей.

Построить такой уникальный стадион в столь короткие сроки удалось, потому что он сооружался при огромном энтузиазме строителей да и с помощью самих спортсменов — школьников, студентов, рабочих, служащих. И вот 1 августа Указом Президиума Верховного Совета СССР Центральному московскому стадиону в Лужниках было присвоено имя Владимира Ильича Ленина, а 5 августа состоялось открытие I Спартакиады народов СССР.

В тот же день в Москву из Мельбурна пришла телеграмма такого содержания: «По случаю открытия Спартакиады народов Советского Союза шлем ее участникам пожелания успехов. Организационный комитет XVI Олимпийских игр». И успехи не заставили себя ждать. За 12 дней финальных состязаний было установлено 33 всесоюзных рекорда, из которых 9 превышали мировые. В состязаниях по 21 виду спорта проявили себя многие молодые спортсмены, которые доказали, что имеют право на место в олимпийской команде, что с честью могут защищать честь спортивного флага страны на Олимпиаде в Мельбурне. 450 результатов, показанных на Спартакиаде, были на уровне «Мастер спорта СССР», и половину этих результатов выполнили молодые спортсмены, не имевшие до этого таких высоких показателей.

И вот олимпийский отряд, отобранный на I Спартакиаде народов СССР, отправился в далекую Австралию, чтобы за океаном отстоять свои позиции, завоеванные четыре года тому назад в Финляндии... Сейчас, когда вглядываешься в прошлое сквозь призму последующих Олимпиад, проведенных в Риме, Токио, Мехико, Мюнхене и Монреале, конечно, порой результаты той далекой мельбурнской Олимпиады могут показаться сами собою разумеющимися, но тогда, в 1956 году, это была долгожданная и вдохновляющая победа по всем статьям.

Советские спортсмены увезли домой 37 золотых, 29 серебряных и 32 бронзовые медали. Наша команда набрала 622 очка, опередив команду США на 125 очков. А главное, весь мир убедился, а мы сами утвердились в том, что советская система физического воспитания народа, выражением которой и стали наши Спартакиады, целиком себя оправдала.

На Спартакиаде получили боевое крещение такие спортсмены, как бегун Владимир Куц, штангист Аркадий Воробьев, гребец Вячеслав Иванов, гимнастка Лариса Латынина, боксер Владимир Енгибарян, борец Анатолий Парфенов и многие другие обладатели золотых медалей в Мельбурне. Но почивать на лаврах — значит безнадежно отстать, поэтому в последующем непрерывно совершенствуются система и формы проведения Спартакиад: так, после I Спартакиады было решено последующие проводить не в олимпийские четные годы, а в нечетные, чтобы иметь больший срок для подготовки олимпийской команды. Главное же состояло в том, чтобы Спартакиады сделать еще более мощным средством привлечения советских людей к систематическим занятиям физической культурой и спортом. В стартах II Спартакиады приняли участие физкультурные коллективы промышленных предприятий, колхозов и совхозов, строек, по самым скромным подсчетам, 40 миллионов человек (вдвое больше, чем в I Спартакиаде).

В августе 1959 года в Москву съехалось 8500 лучших спортсменов пятнадцати республик, Москвы и Ленинграда, а также спортсмены, входящие в 60 лучших коллективов физкультуры. Спартакиада прошла на высоком уровне, а после ее завершения удалось собрать сильную и дружную олимпийскую команду, триумфально выступившую на XVII Олимпийских играх в Риме. На весь мир прогремели имена штангиста Юрия Власова, гимнаста Бориса Шахлина, боксера Бориса Лагутина и многих других. Очень примечательна история одного из героев римской Олимпиады — велогонщика Виктора Капитонова. В Мельбурне он был лишь 32-м, и его никто не заметил, в Москве на II Спартакиаде он, умудренный опытом, победил в групповой гонке, а в Риме ему не оказалось равных. Но победой в шоссейной гонке на римской Олимпиаде его успехи не закончились. Капитонов впоследствии четырежды побеждал в командном зачете на велогонках мира и, уже будучи тренером, привел своих воспитанников к победам на двух Олимпиадах в Мюнхене и Монреале.

Из многомиллионной массы физкультурников выдвигаются спортсмены мирового класса, и этим характерны наши Спартакиады. III Спартакиада народов СССР, состоявшаяся в августе 1963 года, не была исключением. На всех этапах Спартакиады стартовало 66 миллионов человек.

Интересна оценка гостя Спартакиады, тогдашнего президента Международного олимпийского комитета Эвери Брэндеджа: «Весь мир привык к тому, что каждые соревнования в СССР приносят рекорды. Но, на мой взгляд, не этим славен спорт в вашей стране. Он отличен от других подлинной массовостью, достигнутой великолепной системой физического воспитания. Это то, за что борется МОК, что он стремится проводить в жизнь».

Можно отметить, что на этот раз высказывание лидера МОК было действительно искренним. Ход III Спартакиады, ее результаты были наглядным свидетельством дальнейшего расцвета физической культуры в нашей стране. Впервые в общекомандный зачет Спартакиады были включены итоги, показанные сборными физкультурными коллективами и участниками Спартакиады школьников, проведенной на Волгоградском стадионе до открытия финальных соревнований в Москве. И символично, что одна из участниц Спартакиады школьников, юная Галина Прозуменщикова из Севастополя, после этого завоевала золотую медаль по плаванию на Спартакиаде в Москве, а затем и на Олимпиаде в Токио.

Все более широкие массы советского народа находили в занятиях физической культурой и спортом не только радость и отдых, но и средство всесторонней закалки, укрепления здоровья, творческой заинтересованности, и это стремление всячески поощряют Коммунистическая партия и Советское правительство. Как раз за год до IV Спартакиады народов СССР, в августе 1966 года, было обнародовано известное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию физической культуры и спорта». Главный итог IV Спартакиады заключался прежде всего в том, что она убедительно раскрыла перед всем миром успехи, достигнутые в этой области за 50 лет Советской власти. Только в финальных состязаниях Спартакиады приняло участие 16 тысяч физкультурников (впервые в истории Спартакиад в ее программу были включены соревнования по 16 военно-техническим видам спорта, которые проводились в 12 городах).

А V Спартакиада народов СССР показала, что наш спорт вышел на новый качественный рубеж. В процессе подготовки к Спартакиаде, в соревнованиях физкультурных коллективов городов, областей, на республиканских Спартакиадах участвовало 44 миллиона человек, а московский финал собрал 7382 самых лучших. Высокий уровень их спортивной квалификации позволил усложнить и изменить условия общекомандной борьбы и систему зачета. На этой Спартакиаде очки командам давали только те, кто попадал в восьмерку сильнейших. Недаром белградская газета «Спорт» озаглавила свою статью так: «Спартакиада как Олимпиада». А чемпионом Спартакиады впервые стала команда РСФСР, которой удалось обойти команду Москвы. Большим успехом закончилась Спартакиада и для спортсменов Украины, занявших третье место. В пятерку лучших команд вошла команда Белоруссии. А вскоре героев Спартакиады ждал триумф на олимпийских аренах Мюнхена — 50 одних только золотых медалей увезли советские спортсмены и снова завоевали общекомандную победу, еще более убедительную, чем многие предыдущие.

Очередные задачи, стоящие перед нашим спортивным движением, заставляют искать все новые и новые возможности для повышения эффективности Спартакиад. Вот почему к VI Спартакиаде подготовка началась сразу же, «без разведки», по горячим следам V Спартакиады. На сей раз итоги первых соревнований нового цикла, входящие в спартакиадный зачет, были подведены уже в 1973 году, когда прошли Всесоюзные спортивные игры молодежи, смотр нашего олимпийского резерва, и со многими победителями, вышедшими из рядов этого резерва, мы впоследствии не раз встречались. Достаточно назвать хотя бы двух чемпионов Всесоюзных спортивных игр молодежи: борец Сослан Андиев и гимнастка Нелли Ким.

Два года шла по стране VI летняя Спартакиада народов СССР, посвященная 30-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне. Физкультурники и спортсмены встречались с ветеранами войны, участвовали в многоступенчатых состязаниях по многоборью «Готов к труду и обороне» на призы газеты «Комсомольская правда», а финальные соревнования Спартакиады народов СССР на этот раз проводились не только в Москве, но и в столицах всех союзных республик.

Блестящие итоги Спартакиады подтвердили возросшие возможности спортивных организаций союзных республик: хорошую материально-техническую базу спорта, высокий уровень подготовленности кадров на местах. К достоинству новой системы розыгрыша финалов надо отнести и то, что выступление лучших спортсменов по всей стране способствовало пропаганде спорта, привлекало к нему молодежь, еще не вовлеченную в физкультурное движение. Так, например, в Ташкенте после боксерского турнира началось паломничество юношей в секции бокса, а в Алма-Ате новичками пополнились борцовские школы. И так было всюду.

VI Спартакиада народов СССР показала, что любовь и интерес к спорту продолжают расти. В финале на сей раз участвовали представители 347 населенных пунктов страны (на предыдущей Спартакиаде участвовали представители 234 населенных пунктов). И вот что примечательно — у нас появились подлинно спортивные города, так, например, жители узбекского города Бекабад, где живет около 60 тысяч человек, по количеству завоеванных очков опередили такие признанные центры, как Новосибирск и Горький.

И снова посланцы физкультурной армии СССР с блеском выступили на очередной Олимпиаде, состоявшейся на сей раз в канадском городе Монреале. Там, за океаном, особенно больших успехов добились наши штангисты и борцы, но разве можно не упомянуть и гимнаста Николая Андрианова и бегунью Татьяну Казанкину, чье имя впервые прозвучало на VI Спартакиаде народов СССР, и прыгуна тройным Виктора Санеева, гимнастку Людмилу Турищеву и многих, многих других.

И вот мы снова у преддверия финальной части Спартакиады народов СССР, на сей раз седьмой по счету... Седьмой? А не вернее ли назвать ее первой? Первой по ее значению? Первой по ее масштабам? Каждая из предыдущих Спартакиад помогала отобрать олимпийскую команду, но эти команды должны были выступать вдали от своей Родины, а ведь та, которую даст нам нынешняя Спартакиада, будет выступать на олимпийских аренах Москвы! Правда, говорят, что дома и стены помогают, но насколько выше ответственность, которая ляжет на плечи тех, кто будет бороться на родной земле.

Масштабы VII Спартакиады поистине необхватны. На сей раз финалы республиканских Спартакиад прошли во многих городах, а кое-где даже в селах. Вот лишь несколько примеров.

Финальные соревнования Спартакиады Грузии проходили в 11 городах: штангисты соревновались в Цхинвали, борцы — в Кутаиси, баскетболисты — в Чиатуре. Спартакиада РСФСР разыгрывалась тоже в разных городах республики, а ее торжественное закрытие состоялось в Челябинске, причем республиканской Спартакиаде предшествовали V Всероссийские спортивные игры молодежи и XV Всероссийская спартакиада школьников. Спартакиада Узбекистана проходила в 17 городах, а в поселке Гурум-сарах оспаривали медали борцы. В Казахстане гребцы соревновались в Темиртау, боксеры — в Целинограде, баскетболисты — в Кустанае, борцы — в Усть-Каменогорске, а в совхозе Жанааркинского района собрались мастера национальной борьбы Казахша-Курес.

Нет нужды описывать ход соревнований во всех союзных республиках — они везде прошли с огромным подъемом, и вот теперь команды пятнадцати союзных республик, а также Москвы и Ленинграда готовы к выступлению на финальных соревнованиях, которые пройдут не только в Москве, но и в Ленинграде, Таллине, Киеве, Риге, Минске, Вильнюсе, Каунасе.

Итак, самая массовая, самая многообещающая Спартакиада народов СССР вышла на финишную прямую, и нет никакого сомнения, что она с новой силой раскроет самую суть советского спорта, о которой писал в своем обращении к посетителям выставки «Спорт в СССР», открывшейся в США, Л. И. Брежнев:

«Выставка поможет американским гражданам лучше познакомиться с жизнью Советской страны, ее достижениями в развитии массовой физкультуры и спорта, которые являются органической частью общей культуры социалистического общества, важным условием обеспечения прав трудящихся на отдых и охрану здоровья, гарантированных Конституцией СССР».

Эти неотъемлемые черты советского спорта и отражают наши Спартакиады.

АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ ГРОМЫКО.

К 70-летию со дня рождения.

Фото И. Филатова.

Тенирс Младший. 1610—1690. ОТБЕЛКА ХОЛСТОВ.

Каналетто. 1697—1768. БОЛЬШОЙ КАНАЛ В ВЕНЕЦИИ. 1725—1726.

Дрезденская картинная галерея.

Н. ТОЛЧЕНОВА

ГЛУБИНЫ СОВРЕМЕННОГО РОМАНА

Манерой предельной точности слова, несущего мысль, давно уже привлекла внимание читателей своеобразная — и настойчиво отстаивающая это своеобразие, все более утверждающаяся в нем — проза А. Ананьева.

Вылепляя черты героев, а затем оттачивая и шлифуя мельчайшие черточки, высвечивая в поступках скрытые побудительные причины этих самых поступков, наблюдая за такими тонкими душевными импульсами, которые порою даже как бы вовсе не поддаются выявлению, писатель ведет нас к пониманию главного в жизни общества — того единства, которое составляет и содержание и настроение общества.

Годы без войны... Они будто ничем не похожи на годы, прожитые народом в неисчислимых страданиях, бедах и утратах военного времени. Но и мирное существование изобилует своими трудностями и своими горестями. Причем, если присмотреться к ним, то почти все они — прямое либо косвенное последствие той же войны.

Поэтому-то, наверное, в романе «Годы без войны» нет, пожалуй, ни одной судьбы (даже среди тех, кто находится на периферии сюжета), которая не была бы так или иначе по-своему связана с давними событиями войны, либо же с мыслями многих героев о войне и военном времени, хотя среди них есть характеры и типы, явно послевоенные, как, например, хитрая и недобрая, эгоистичная Ольга — жена Семена Дорогомилина. Он, как мы помним, был соратником, однополчанином Сергея Ивановича Коростылева, главного героя романа, а теперь работает в Пензенском обкоме партии, но вскоре должен оставить этот пост и стать «хозяйственником». Черствая же, безразличная и к мужу и к людям, Ольга Дорогомилина именно и оказывается — если не прямой, не «подсудимой»,— но виновницей несчастного случая с Коростылевым... Сергей Иванович, приглашенный в гости к Дорогомилиным, и здесь, до глубины души возмущенный, обиженный невниманием хозяйки, уехал домой не на обкомовской машине, а «сам по себе» — поездом; очутился ночью на пожаре, где,— вмешавшись энергично в события,— вдруг стал безруким калекой...

Увидев изуродованного мужа в больнице, Юлия Коростылева — женщина болезненная, рыхлая,— скоропостижно умирает от сердечного приступа. И как раз в это время дочь Коростылевых Наташа (мы помним, как резко и недобро порвала она с отцом, когда не смог он согласиться на ее брак с Арсением, человеком почти вдвое старше Наташи), ничего не зная о несчастье с отцом и о смерти матери, просит их срочно возвратиться в Москву.

Телеграмма Наташина — не что иное, как вопль отчаяния, мольба о помощи. Но, как все и всегда в Наташе, мольба бездумная и опять-таки эгоистическая. Наташа по-прежнему не думает о близких, не помнит о плохом здоровье матери... Ведь если бы даже осталась в живых мать Наташи, Юлия Коростылева, она никогда не смогла бы выдержать того, что Сергею Ивановичу еще предстоит узнать от Наташи.

Страшные новости ждут Коростылева в Москве.

Муж Натащи, историк Арсений, человек уже не первой молодости и очень несчастливый в первом браке с Галиной Сухогрудовой, посажен в тюрьму и ждет суда за убийство (пусть непредумышленное) своего пасынка Юрия. Навсегда рухнуло мифическое, надуманное «счастье» Наташи, очутившейся в «избранном обществе», о котором она так часто и пылко, но совершенно неубедительно и невнятно писала матери, когда мать вместе с Сергеем Ивановичем гостила в деревне под Пензой, в семье своего брата Павла, колхозного механизатора.

Теперь новым трагическим событием в семье Коростылевых нравственно усложнится далеко не одна только жизнь Наташи. Это событие — как камень с горы. Неисчислимые беды, лавину несчастий повлечет за собой убийство Юрия.

Тяжелее всего, разумеется, будет Арсению и, может быть, Галине. Но по сути дела, горше всех, наверное, пострадает отец Юрия, бывший муж Галины, Иван Лукин, который — на свою голову, как говорится, — снова вспомнил былое, когда встретил Галину, и опять всем существом потянулся к ней. А ведь для него Галина теперь верная погибель? Но Лукин, ничего не ведая об этом, едва только увидел Галину, опять ощутил это неудержимое притяжение... Он сближается с Галиной, будучи уже человеком женатым, семейным, избранным коммунистами района на пост первого секретаря райкома партии... Конечно же, в районе у Ивана Лукина есть не одни только друзья. У него есть и недруги и завистники. И, пожалуй, именно на нем, на этом честном, хорошем русском человеке, открытом всею душой для людей и для дела, случай с Юрием скажется больнее и беспощаднее всего. Отзовется серьезной бедою.

Все взаимосвязано в нашей жизни, говорит нам писатель. Все совершаемые нами поступки так или иначе взаимосвязаны. Невидимо и сложно скреплены они с судьбами других людей, а значит, сказываются на существовании того огромного целого, которое зовется нашим обществом... Ведь когда еще ничего не случилось, когда Галина — вечная искательница удачи — только приезжает в район вместе с сыном Юрием к своему отчиму, бывшему секретарю райкома Сухогрудову, и когда Иван Лукин, ничего еще не знающий об этом, красивый и сильный человек, искренне радующийся предстоящему избранию на пост первого секретаря, только появляется в райкоме, тут о нем, о будущей судьбе Ивана, прозорливо беседуют старые коммунисты, «районщики» Кузнецов и Сухогрудов.

В этой беседе многое вспомнится районщикам. Но о Галине они говорят с опаской. И недаром проявляют беспокойство о будущем Ивана. Отнюдь не случайно это беспокойство! Кто-то наверняка уж постарается обязательно «наклепать» на секретаря, пасмурно предсказывает один из собеседников. «А дело это нехитрое: бросил жену, сына, когда — неважно, а важны плоды безотцовщины: то-то, то-то и то-то... аморально, непартийно, не чист в быту, так может ли такой человек учить других, как жить?

— Несешь ты, Илья. Это мы в свое время каждой анонимке кланялись, а теперь все по-другому.

— Ты уверен?..»

Писатель как бы спрашивает и нас: быть может, и впрямь ослабло у людей чувство уверенности в другом человеке, чувство надежности, столь небходимое нам всем. Быть может, именно этим годы без войны отличаются от военного времени — страшного, но сплачивавшего людей. В ту пору человеческая взаимосвязь, взаимоответственность были, думается, одним из решающих условий победы над врагом.

Годы без войны дали нам огромное, не бывалое никогда прежде право распоряжаться своей жизнью, своими желаниями полновластно, — во всем быть хозяевами самим себе. Но каждый ли это умеет? У каждого ли есть на это способность? Каждому ли дана необходимая для этого нравственная подготовка, духовная закалка? Каждый ли знает себя и умеет **требовать от самого себя!!** Или только старается требовать **для себя** от других, явно или тайно осуществляя свои, часто аморальные, эгоистические, непоправимо вредящие людям требования?..

...Рамки романа бесконечно раздвигаются во времени и пространстве. Они охватывают, кажется, буквально все социальные слои общества. Вот уж где не скажешь, что это, мол, «деревенская» или «производственная» проза. Нет, она «просто» жизненная, эта проза. И именно в этом секрет ее мастерского сюжетного построения.

Глубинные, нравственные течения, обнаруживаемые в сложнейших переплетениях сюжета (где многие события совершаются словно вдруг, внезапно), почти всегда бывают писательски подготовлены, — смутным предчувствием, настроением героев... Так, Арсений не случайно задумывается все чаще над тем, что между первой его женой Галиной и теперешней юной женой Наташей Коростылевой, собственно, нет существенной разницы и что, наверное, он не будет, не может быть с нею счастлив... И хотя Арсений явно непредумышленно убивает пасынка своего, подростка Юрия (убивает чуть ли не во сне, приняв его ночью, в полной темноте, за какое-то злое видение, кошмар, почти бред), все равно само это убийство как бы уже уготовано всем ходом событий, да и тем же поведением Юрия, превратившегося — без воспитания, без нравственного влияния родителей — в настоящего подонка.

Малолетний алкоголик, садист и жулик, Юрий, вне сомнения, существо неполноценное. Чувство жалости, сострадания к нему у читателя возникает далеко не сразу, настолько все в Юрии мерзко, отвратительно. Однако же он все равно жертва. И, разумеется, жертва не родного отца Ивана Лукина и, конечно, не отчима Арсения, а родной Юриной матери — Галины, которая вроде бы и любит сына, но, в сущности, равнодушна к нему, как и ко всем вообще людям. Она живет бесцельно и слепо, одержимая однодневными, жадными порывами, коим всегда умеет, впрочем, придать видимость серьезных увлечений, глубоких чувств.

Галина — образ сильный и страшный. Он настойчиво говорит нам о необходимости ближе, лучше знать тех, кто нас окружает. Уметь не только их видеть, но чувствовать их. И если надо, помогать им.

...Невозможно в журнальных границах показать значение — смысловое, нравственное, философское, социальное — всех линий многопланового романа, который во второй книге продолжает обогащаться за счет дальнейшего развития образов — и тех, какие нам уже хорошо знакомы, и новых, столь же интересных и содержательных. Так, например, несомненна роль, которую сыграют, наверное, в будущем течении событий сын Сухогрудова и его жена Виталина... Многие новые испытания, очевидно, ждут Семена Дорогомилина. Вряд ли случайно вторая книга романа заканчивается встречей Семена с его двоюродным братом, юристом Кошелевым, который живет под Москвой, в Одинцове, с женой и детьми. Здесь впервые, пожалуй, догадывается Семен, что зря пропадала его жизнь, отданная Ольге, самовлюбленной, никчемной женщине, тщетно пытающейся удержать возле себя молодого любовника... Кстати, о любовнике. В отношении к своим героям А. Ананьев всегда предельно объективен. У него все они диалектичны, все не однопλановы. Но вот Тимонин, любовник Ольги, думается, исключение из правила.

Чрезвычайно выразительна фигура Тимонина, якобы столичного писателя и журналиста, а на самом деле всего лишь ловкого пижона, мелкого дельца от журналистики. Образ очерчен в романе отчетливо, резко, без обиняков. Тимонин имеет «связи», поэтому временами действительно выступает в прессе на модную тему — о жизни села, с которой знакомится лишь изредка да и то больше понаслышке... Образ этот, на мой взгляд, одна из главных удач романа.

Хлыщ, пустельга и незнайка, умело паразитирует Тимонин на труде и делах народа. Он хорошо «узнается» читателями. Наверное, многим из нас приходилось с такими тимониными не однажды сталкиваться.

...Читая вторую книгу и снова перечитывая первую, видишь, что события, характеры, поступки героев, при всей их жизненной пестроте и несхожести, строго детерминированы, обусловлены ходом истории, всем моральным складом жизни народа, устремлениями народной души.

Думаю, в этом нам, читателям, предстоит снова убедиться, когда мы возьмем в руки еще и третью книгу «Годов без войны».

Литературные заметки

Анатолий Ананьев. «Годы без войны», книга вторая. «Новый мир». № 1, 2. 1979 год.

ЛЕС ПРОСИТ ЗАЩ

Р. БОБРОВ,
заместитель министра лесного хозяйства РСФСР, кандидат сельскохозяйственных наук

Лето — превосходное время года. И все же многие лесники его не любят. Особенно те, кому приходится работать в сухих сосновых борах. И все из-за лесных пожаров. Опасность появляется тотчас после таяния снега и практически не прекращается до глубокой осени. Вот и приходится лесникам от снега до снега быть в постоянном напряжении. Работают и смотрят с опаской, нет ли где дыма над лесом. Чем теплее на дворе и светлее небо, тем тягостнее на душе. А в выходные дни, когда отдыхающие устремляются в окрестные леса, работникам лесного хозяйства становится совсем не по себе. Не радует их и мшистый бархат с бело-розовыми росинками цветущей брусники и трели соловья в соловьиных рощах. Одна мысль в голове: как бы кто из гостей не бросил на этот мшистый бархат непотушенную спичку, окурок или, заслушавшись соловья, не оставил непотушенным костер под сосновыми лапами. Беда тогда неминуема!

Казалось бы, каждый знает, что с огнем в лесу шутки плохи. И тем не менее год от года пожаров не становится меньше. Народа в лесу прибавляется, и не только за счет туристов и отдыхающих: люди идут сюда и по служебным надобностям. Вот хотя бы такой случай.

Дело было на Подкаменной Тунгуске. В июле жара там стоит, как в Ашхабаде. Здесь шестидесятая параллель, и солнце летом практически не заходит. Земля, не успев остынуть за два-три сумеречных ночных часа, вновь попадает под нестерпимо жаркие солнечные лучи. Все вокруг пересыхает до хруста, из-под ног летит лишайниковая пыль...

Игорь Васильевич Турчин со своей геологической группой уже второй месяц на полевых изысканиях. Бригада рабочих у него подобралась неудачная: попали в нее двое юнцов, студентов-первокурсников, решив подработать на каникулах и заодно хлебнуть таежной романтики.

Романтика оказалась несладкой. Ребята хотя и рослые, да к буру и двухпудовому рюкзаку непривычные: за работу берутся ретиво, но скоро устают, мельтешат, а дело еле идет.

Игорю Васильевичу ребят жалко. Незаметно он старается дать им дело полегче: репер оформить или помочь топографу на съемке. Пусть маленечко обвыкнутся, думает он. Однако другие рабочие быстро поняли хитрость начальника. На очередном привале кто-то, как бы между прочим, намекнул, что если кто приехал в тайгу сачковать, то зря думает, что найдутся дураки за них весь сезон бур крутить.

Студенты вспыхнули, но промолчали. Утром они были на ногах раньше всех, сами попросились у Игоря Васильевича бурить шурф. Старались изо всех сил, после обеда дела пошли хуже. Один из студентов, Виктор, совсем измучился и буквально повисал на вороте.

— Послушай, Витя,— сказал ему Игорь Васильевич,— валяй к табору, сочини пораньше ужин, а мы со Станиславом добьем...

Виктор побрел к месту, где был сложен походный скарб. Место для очага выбрал на старой лесосеке ровное, открытое, чтобы комара сносило. Сложил клеть из полешков; бросил в нее бересту, щепки и поджег. Вспомнил было, что надо по инструкции снять с площадки под костром моховую подстилку, но перекладывать костер не стал: вконец измотали жара и проклятый шурф.

Утром, пока топограф Ольга Павловна накалывала и расчерчивала лист ватмана, Виктор сполоснул посуду, плеснув на потухший костер остатки воды. Костер зашипел.

Надо бы плеснуть еще, подумал Виктор. Но Ольга Павловна была уже готова, и он заспешил за ней с треногой на плече. Первое место съемки было на бугре метрах в двухстах от привала. Виктор весело перебегал с точки на точку, покачивая рейку перед окуляром мензулы. Вдруг он почувствовал запах дыма. Оглянулся. От места привала расползалась кромка огня.

— Пожар! — в ужасе крикнул Виктор.

Заметили огонь и остальные участники экспедиции. Они бежали, ломая на ходу ветки. Только бы огонь в лес не ушел, только бы не в лес!

Люди выстроились в цепочку по фронту пожара и ветвями сбивали пламя. Но народу было мало. Кромка огня все ближе и ближе подходила к молодому сосновому лесу у границы лесосеки. Еще полчаса — и пламя, ворвавшись в кроны сосен, понесется по тайге, пожирая все живое. А лес — на сотни километров. Где огонь удастся остановить? Может, только на Енисее? Даже страшно об этом подумать...

Помощь пришла неожиданно. Дым заметили с патрульного самолета лесной охраны. И вот уже пять парашютных куполов распустились в белесом безоблачном небе. Десантники, едва приземлившись, быстро и ловко протянули вдоль кромки леса шнуровой заряд. Раздался взрыв. В руках парашютистов вспыхнули запальные свечи, навстречу пожару от выжженной взрывом полосы побежал встречный пал. Два вала огня встретились, взмыли к небу и сникли: пожар прекратился. Десантники шли вдоль границы горельника, заливали из резиновых ранцев искры, а рабочие кинулись к табору спасать то, что уцелело из их немудреного имущества.

Игорь Васильевич нашел кострище — и все стало ясно. Виктор не затушил толком костра. Искры, забравшись в моховую подстилку, тлели, пока их не раздул ветер, и... вот результат.

Командир десанта протянул акт о пожаре. Игорь Васильевич, не глядя, подписал и посмотрел на понникшего Виктора, увидел его полные слез глаза; прикинул расходы по убыткам и штрафу. Кажется, отделались легко. «Спасибо, лесники вовремя подоспели, иначе бы этому бедолаге-студенту свой университет пришлось оканчивать лет через десять»,— в уме подытожил Игорь Васильевич.

— Ну,— заключил он,— критики не будет. Виновный сам себя наказал. Будем считать, Витюша, что месяц ты проработал бесплатно...

Такое может случиться в летнюю пору в любом лесу, если не соблюдать правила пожарной безопасности. И все же гарантии избежать пожара нет. Опыт наших зарубежных соседей говорит: по мере возрастания масштабов индустриализации, увеличения в лесах числа людей и машин будет расти и число пожаров.

* * *

Конечно, не каждый лес — пороховая бочка. Например, в лиственных лесах пожар относительная редкость. Да и хвойные древостои в зрелые годы, если они не замусорены сучьями и валежником, для огня нелегкая добыча. Пробегая по такому лесу, до крон ему не дотянуться.

Короче говоря, в пожарном отношении есть леса более устойчивые и менее устойчивые. Самая большая пожарная опасность грозит хвойным молоднякам. Молодые деревца вспыхивают целиком, как факел.

Опасны в пожарном отношении сфагновые и торфяные болота, заросли стланика, лесные участки с густым высоким травостоем, горные леса.

Вполне понятно стремление лесоводов иметь на своей территории минимум лесов высокой пожарной опасности и максимум — низкой. Желание это не такое уж несбыточное. Например, если разрядить густой сосновый лес и убрать из него мертвые деревья, то в пожарном отношении он станет безопаснее. Если проложить к нему дорогу и разделить лесной массив просеками, а по ним произвести распашку, то гарантия остановить даже возникший лесной пожар станет вполне реальной. Если же посреди этого соснового леса выкопать несколько водоемов для забора воды, тогда даже в самое жаркое лето можно будет любоваться его красотой без страха за будущее этих деревьев.

Итак, лес можно привести в такое состояние, когда ему не будет грозить неминуемая гибель от случайной огненной вспышки. Все перечисленные меры наряду с распашкой защитных полос, подсевом трав, устройством шлюзов на реках и так далее входят в систему противопожарного устройства территории. Но не все и не везде выполняется...

Каким бы устойчивым в пожарном отношении ни был лес, оставить на волю стихии возникающие очаги пожара нельзя. В связи с этим возникает вторая проблема: как легче бороться с огнем?

* * *

Ученые Ленинградского научно-исследовательского института считают, что леса необходимо разделить на технологические зоны, то есть, проще говоря, заранее предусмотреть возможные способы борьбы с огнем: в одном лесу целесообразна опашка пожара плугами, в другом — тушение огня грунтометами, а где-то удобнее подогнать мотопомпы и пожарные машины... Данные о технологии борьбы с огнем заблаговременно заносятся в специальные карточки. (Иногда их называют планом атаки на пожар.) В них — подробное описание участка леса, дорог и тропинок, указываются хорошо заметные ориентиры, водоемы, возможные пути подъезда и подхода, ближайшие пункты дислокации технических средств и рабочей силы, номера телефонов и адреса ответственных лиц. Получив сигнал о лесном пожаре, лесоводам остается достать такую карточку из картотеки или по специальному коду запросить сведения из банка данных в памяти

В атаку на пожар!

ИТЫ

электронно-вычислительной машины. На все это уйдут секунды, а пожарные с первой же минуты будут знать, где, что и как им придется тушить. Сколько часов будет выиграно!

А время в борьбе с пожаром, как и в любом бою,— важнейший фактор. В первые минуты с очагом справиться просто и одному человеку. Через час на этот же пожар придется отправлять хорошо оснащенную команду, а спустя сутки — поднимать население всего района. Вот как важно вовремя обнаружить пожар.

Для этой цели разрабатываются очень интересные и заманчивые технические средства. Например, электронные датчики, реагирующие на дым или повышение температуры воздуха. Сигналы от них поступают на пульт. Еще есть химические вещества: при критической ситуации срабатывает пусковое устройство ракетных установок, и наблюдатель издалека видит сигнал бедствия.

У этих средств в лесном хозяйстве еще пока больше будущего, чем настоящего, и тем не менее в перспективе нам видится их широкое применение, особенно в ценных лесных массивах.

Но, к сожалению, все это только перспектива. Ну, а пока визуальное наблюдение за лесами, пожалуй, самый испытанный метод. Пожарные сторожа дежурят на специальных вышках, церковных колокольнях, организуют наблюдательные пункты на горных вершинах. Но и здесь появляются технические средства. Дежурных заменяют телевизионные установки. Имея в своем распоряжении сеть телевышек, лесничий периодически осматривает леса на экране телевизора, сидя за столом. Это не из области мечтаний, хотя реальная возможность внедрить телетехнику в лесхозах появится только в ближайшие 10—15 лет.

В таежных краях и впредь основным средством обнаружения лесных пожаров будет авиапатрулирование. С воздуха можно точно определить место пожара, оценить ситуацию. Но... авиация у лесников пока не всепогодная. Из-за низкой облачности, сильного ветра полеты нередко запрещают, и лесники в самое трудное и опасное время оказываются в полном неведении о том, что творится у них в лесу. Правда, за последние годы успешно разрабатываются приборы термовидения, с которыми можно обнаруживать очаги огня, скрытые облаками, дымом и даже кронами деревьев. Но остается ветер, во время которого огонь особенно страшен. Кроме того, аренда самолетов и вертолетов стоит дорого. В целях экономии лесники, облетев свою территорию раз-другой в сутки, затем оставляют ее без присмотра. А вдруг пожар возникнет через полчаса после облета? Тогда за сутки лес разгорится так, что не погасить и до зимы. Правда, в особо опасное время количество полетов удваивается и утраивается.

В последнее время появились небольшие радиоуправляемые аэростаты и вертолеты с телевизионными установками. Пока их используют для контроля за движением автотранспорта. Думается, что и лесным пожарным такие летательные аппараты пригодились бы.

Наконец, есть еще лесное патрулирование на автомашинах и мотоциклах. В любом случае патруль эффективен только с радиосвязью. Число радиостанций в лесном хозяйстве исчисляется уже не сотнями, а десятками тысяч. Успешно телефонизируются лесхозы и лесничества. И все же предстоит еще многое сделать: видимо, каждое хозяйство лесной охраны, каждый лесник должны иметь телефонную или радиосвязь в своем распоряжении.

* * *

Служба лесных пожарных не только сложна и опасна — она специфична. На борьбу с огненной стихией постоянно привлекаются десятки тысяч людей, но новички на лесном пожаре, как правило, работают с большой оглядкой. И притом с такой большой, что многим из них становится не до пожара. В общем, коэффициент полезного действия таких новичков очень близок к нулю. Не случайно, когда у руководителя по тушению пожара запрашивают о помощи в людях, то он отвечает: «50 человек местного населения, а лучше 5 лесников или парашютистов». Замена вполне эквивалентная. Один опытный лесник-пожарный стоит десяти здоровых, но неопытных мужчин. Такова уж специфика.

Значит, необходимо создавать добровольные пожарные дружины на предприятиях, в хозяйствах, расположенных близко от опасных лесов. Очень интересен в этом отношении опыт лесоводов Франции. При каждой из пожарных станций, кроме 5—10 штатных работников, есть еще и группа в 30—40 волонтеров. Эти добровольцы по первому сигналу являются на станцию. С этой минуты им идет заработная плата, причем значительно большая, чем у самого квалифицированного рабочего. После отбоя волонтер опять становится портным, продавцом, почтальоном — до нового сигнала тревоги. По уровню подготовленности они нередко даже превосходят штатных пожарных, так как имеют за плечами опыт десятилетий.

Хорошая практика! Ее уже успешно перенимают многие наши лесхозы. Пожары тушат не числом, а умением. К сожалению, об этом нередко забывают в лесничествах. Вместо того, чтобы в безопасное в пожарном отношении время заняться тренировкой, изучением возможных участков работы, лесная охрана и пожарные сторожа зачастую трудятся «по хозяйству» или развлекаются игрою в «козла». Расценивать это следует как уклонение от служебного долга.

* * *

Случаются при тушении лесных пожаров и трагедии. Причем чаще, чем о том полагают не связанные с лесным хозяйством люди.

...Леса Тюменского лесхоза исключительно красивы. Большей частью сосновые, с красивыми, просторными полянами. И, надо отдать должное работникам Тюменского лесхоза, содержат свои леса они в порядке. Но лето в тот год выдалось особенно сухое и жаркое, а в городе дышать было совсем нечем. В выходные дни все, кто мог, ехали в пригороды. И под вечер, когда становилось прохладно, кое-кто, несмотря на запрет, все же разжигал костры. Правда, отужинав, надежно их тушили. За исключением одного. С него и начался пожар. Обнаружили огонь помощник лесничего Андрей Игнатьевич Пандырев и два лесника — Касыткан Сергузинов и Григорий Шаркунов. Следом за ними двинулся на бульдозере Иван Григорьевич Пальнев. Каждый имел за плечами уже немалый опыт службы в лесной охране.

Пожар шел низовой по высокому бору. В таких случаях бороться с ним просто. Лесники уверенно подправляли минерализованную полосу, готовясь при подходе фронта пожара сбить языки пламени. Но случилось непредвиденное: порыв ураганного ветра перебросил огонь в двух местах через полосу в сосновый молодняк и помчал пожар верхом. Лесники оказались в огненных клещах: Григорий Михайлович Шаркунов решил спасти трактор, отвел его на безлесную возвышенность, после чего поспешил вслед за товарищами к небольшому болоту. Но не успели... Огонь настиг их в нескольких метрах от спасительной низины. Все четверо погибли.

* * *

...Итак, мы говорили о том, как возникают пожары в лесу; как их предупредить, обнаружить; кто их тушит. Теперь немного о том, как их тушат.

Любой школьник знает, что в борьбе с огнем хороши все средства: пласты сырой земли, пучок веток, вода. Вода? Она, конечно, поможет при небольшом загорании, а к настоящему пожару и с мощным брандспойтом не подступиться. В районах, где много рек и озер, для борьбы с лесными пожарами применяют самолеты и вертолеты, оборудованные емкостями для забора воды. Водяные «бомбы» сбрасывают или постепенно сливают на огонь. Предельная загрузка цистерн невелика: в лучшем случае несколько кубических метров воды. Впрочем, только одна вода без химических добавок, как показала практика, средство малоэффективное. Через час она высыхает, и огонь движется дальше. Огнегасящие свойства воды можно повысить за счет химических добавок. Даже обычный стиральный порошок втрое сокращает норму расхода воды на тушение пожаров. Научный поиск химических веществ, увеличивающих «смачиваемость» воды, очень перспективен, и, если он оправдает надежды, авиаводовозы станут одним из лучших помощников лесных пожарных.

Уже завоевали популярность стреляющие по облакам самолеты-зондировщики. Они оснащены специальными ракетными установками с зарядами химических веществ, способных буквально выжимать всю воду из облака на лесной пожар. Способ тушения очень заманчивый, хотя и не всегда над пожаром можно найти нужное облако.

Ведутся научные разработки обстрела облаков с земли. Этот способ, казалось бы, более надежный, но и он не так прост. И тем не менее дело это реальное и перспективное.

Химические вещества приходят на помощь лесникам и при прокладке огнеустойчивых полос. Добавив их в воду и обработав этим раствором кромку пожара, можно создать прочное препятствие огню.

Средства, которые мы перечислили, применяются в лесном хозяйстве пока неширoко. Многие из них в стадии широкой опытной проверки. Но за ними будущее. Будущее и за лесной авиацией. Недалеко то время, когда тушить огонь будут с воздуха, а на земле лишь окончательно парализовать очаги пожаров.

* * *

Да, мы не ждем милостей от стихии и готовимся к борьбе с ней. Но, какой бы совершенной ни была техника, какими бы эффективными средствами мы ни располагали, главным звеном — точнее, начальным звеном — в проблеме сохранения леса от огня остается человек. Статистика показывает: спичка в руках бездумного человека становится опаснее грозовой молнии, от которой, кстати сказать, лес загорается очень редко. Не забывайте об этом, прохожие и туристы, отдыхающие и геологи, жители лесных деревень и рабочие лесосек! Не на самолеты и вертолеты, не на химические средства, а на умело проведенную противопожарную работу, на надежный контроль должны полагаться лесники, руководители лесничеств, лесхозов и других заинтересованных хозяйств. Сейчас летняя пора. Лес в опасности. Мы, защитники его, нужны лесу, но еще больше лес нужен всем нам!

М. Горький и Ф. Шаляпин. Певец подарил этот снимок со своим автографом известному московскому писателю Н. Телешову.

Федор Иванович Шаляпин в редкие минуты отдыха. (Снимок публикуется впервые).

Дети Ф. И. Шаляпина — Татьяна Федоровна и Федор Федорович. Фотография сделана в березовой роще одного из парков Москвы в мае 1979 года.

Фото А. Задикяна

ВСТРЕЧА С ФЕДОРОМ ШАЛЯПИНЫМ

страницы минувшего

Максим ИВАНОВ

Время беспощадно. Впрочем, оно и лучшая проверка всего созданного человеком. Если итоги его жизни, превозносимой современниками, забудутся, время винить не надо: причина — сам человек.

С того дня, как ушел из жизни Федор Иванович Шаляпин, прошло более сорока лет. Срок достаточный для любых проверок на прочность. Талантом Шаляпина восхищались тысячи людей, его современников. Память о его таланте жива и поныне. Тем интереснее дошедшие до нас рассказы о Шаляпине.

Мне довелось побывать в тесноватой квартире на Кутузовском проспекте. Разговор с хозяйкой квартиры — Ириной Федоровной Шаляпиной, дочерью певца,— шел об отце, его привязанностях, привычках, о тех людях, которые его окружали. Ирина Шаляпина, в прошлом актриса театра и кино, была великолепная рассказчица. Она и поведала о портрете Шаляпина—знаменитой картине, которую Коровин и Серов писали вместе. Портрет этот превосходен. Замечательно было бы иметь его в планируемом музее Шаляпина в Москве, но он за границей, у сына Шаляпина, Федора Федоровича. Вернется ли когда-нибудь картина к себе на Родину — неизвестно...

И вдруг недавно узнаю о приезде Федора Федоровича Шаляпина в Москву из Рима.

Добиться встречи было нелегко. Окруженный всегда знакомыми и друзьями, корреспондентами, почитателями таланта отца и собирателями шаляпинских раритетов, он очень уставал. Но и я не отступал. И однажды Федор Федорович сказал по телефону:

— Вы далеко? Нет? Ну так приезжайте.

Перед этой встречей мы виделись с Федором Федоровичем, правда, еще раз — полгода назад. Разговор тогда был на бегу, накоротке, но все же на некоторые вопросы удалось получить ответ. Прежде всего я Шаляпина спросил о том портрете, про который рассказывала Ирина Федоровна.

Вот вкратце история его создания. Этот портрет в 1904 году начал писать сам Шаляпин. Рисовал он очень неплохо. Рисунки его да и самый его дар художника требуют особого рассмотрения, может быть, исследования. Во всяком случае, те из них (в основном автопортреты), выполненные черной тушью, какие показывала Ирина Шаляпина, поражали отточенностью штриха, но точного сходства с оригиналом все же, пожалуй, не имели.

Константин Алексеевич Коровин начал писать портрет певца, Шаляпин же, отвлекая художника своими советами, а может быть, и мешая ему, только портил дело.

Пришел барон Клодт. Отстранив от полотна обоих, он начал писать Шаляпина сам.

Бросим это, братцы,— сказал Федор Иванович. И неудавшийся портрет тогда бы и замазали, не случись рядом великолепного рисовальщика — Серова. Всего несколько мазков бросил он на полотно. И случилось чудо: портрет сразу ожил, что называется, «заиграл», став, вне сомнения, выдающимся произведением искусства.

Встретившись тогда с сыном Шаляпина, я решился спросить у него:

— Никогда вы не думали, Федор Федорович, о том, чтобы привезти это произведение на Родину? Позволю себе выразить мысль, что по своей нравственной принадлежности портрет великого певца является культурным достоянием страны...

— Давно хочу это сделать,— ответил Федор Федорович Шаляпин.— Портрет действительно принадлежит Родине, и я хочу, чтобы он находился в фойе Большого театра. У мамы тоже было такое желание... Мы уже и раму сделали в цветах Большого: золотистом и красном. Тяжелая только картина, везти трудно...

И вот прошло полгода... В номере гостиницы «Украина» накурено. На столе здорово потрепанная книга: Сытин «Из истории московских улиц»; путешествует, видимо, вместе с хозяином.

— Знаете ли,—говорит Федор Федорович.— Я люблю детали. Люблю во всем. Деталь многое может и о человеке рассказать...

— В таком случае и расскажите о вашем отце с деталями,— прошу я.

Рассказывает Федор Федорович очень интересно.

— Отец был исключительный певец и актер. Но не только. Еще он был философ театра. Станиславский, известно, приучал актеров мыслить много глубже, чем они делали это до него. Так вот, отец стал своего рода Станиславским в опере. Он создавал не просто роли, но образы. И это в опере было очень трудно: опера — театр иной.

Сохранилось много фотографий отца. Среди них — он в роли Мефистофеля. Если положить их в ряд — видно, как отец развивал роль. В конце концов он действительно «становился» Сатаной. Он говорил, что Мефистофеля надо играть так, чтобы зритель видел копытца на его ногах!

И вот еще что важно,— продолжал Федор Федорович.— Раньше в опере тенор был избалованное и любимое дитя. Он считался «выше игры». Выходил тенор и все действие стоял у будки суфлера. Даже великий Мазини, единственный певец, перед которым Шаляпин, как он сам говорил, мог стать на колени, и тот

поступал на сцене так же... Ну, зато отец «делал театр», а не только свой личный успех. Этому он выучился у Мамонта Дальского. До отца никто из оперных певцов даже не гримировался. А Федор Иванович ввел в жизнь сцены новшество. Грим он себе накладывал всегда сам. Помню, например, как он резал и примерял брови. В его гриме, кстати, очень чувствовалась художественная школа Серова и Коровина, иногда — Врубеля... Ведь они все варились в одном котле, какими-то их творческими приемами владел, несомненно, и отец, только у него все это своеобразно преломлялось...

Если б вы видели отца на сцене!.. Он просто поражал всех. К примеру, сцена смерти Дон Кихота. Обычно эту часть партии пели лежа: естественно, ведь человек умирает. А Дон Кихот Шаляпина умирал, опираясь на дерево — казалось, он будто распят жизнью; потом жизнь обрывалась, рушилась — он падал на колени; конец... И это было точно и глубоко разработано. Смотреть было безумно интересно.

Он был «хитрый» актер. Свою роль разрабатывал до мельчайших деталей. Мы должны удивлять публику, повторял он неоднократно. И в спектаклях отца придраться было не к чему.

В «Борисе Годунове» он за время, пока шел спектакль, сменял три грима, три парика: царь Борис старел на глазах у публики. А ведь и этот прием тогда был в опере откровением... Очень серьезно отец относился к делу. Если бы так относился к роли любой другой — пусть не столь ярко одаренный артист,— он тоже, наверное, достиг бы грандиозных результатов благодаря работе, упорству. Недаром же отец мне говорил: «Федя, талант иметь не обязательно. Имей только добросовестность, ты уже будешь замечательным актером»... Федор Иванович всегда очень волновался перед выходом на сцену. «От меня слишком многого ждут»,— говорил он. Петь ему иногда надоедало. Уставал. И тогда я говорил отцу: папа, имей в виду, что в зале есть люди, которые тебя услышат сегодня впервые. Это его вдохновляло, и тогда он пел. Да еще как!

...Федор Федорович рассказывает охотно. Говорит о Мозжухине, М. Чехове, Серове и Коровине, Рахманинове и Горьком, Феллини; об актерской жизни в Голливуде. Неохотно говорит лишь о себе. Вот что удалось записать:

— Я актер так называемого «стабильного театра». Это что-то страшное. И это не театр, а труппа. Процветают только комедийные актеры. Публике в жизни не до смеха, так хоть на спектакле посмеяться. Впрочем, теперь в Италии и комикам найти работу ох как трудно, все жалуются на безработицу...

— У вас семья, дети?

— Нет ни жены, ни детей. Трудная это вещь... Ведь я никогда не мог рассчитывать на хорошую работу, на пенсию. Люблю одиночество и в нем вижу иногда даже наслаждение. Когда уж очень грустно, сажусь в машину, еду куда глаза глядят. Заеду в какую-нибудь деревушку и там найду жемчужину архитектуры, о которой туристы никогда и не узнают. Иногда беру кого-нибудь в компанию. С русскими сейчас не встречаюсь: в Италии их очень мало... Раньше жизнь была иной... Помню, Серов нам, детям Шаляпина, специально лошадей рисовал. Он уходил, а мы этих лошадей на свой лад «подправляли». Многие из тех рисунков, конечно, исчезли. Позже их находили чуть ли не в корзинах для бумаг. Знал я хорошо и сына художника, Юру Серова. До войны мы с ним в Чехословакии фильм делали.

С Рахманиновым мне трудно было общаться в плане творческом. Я не музыкант. Но он говорил: не могу жить без русских людей! Часто мы с ним вспоминали Россию, ее негромкую природу. Он очень любил серые, туманные дни средней полосы, березы, сосенки... «Помните,— говорил он,— у нас были такие грибы: нажмешь — из них дым. Вот это и есть — мы за границей...»

...На следующий день, разыскивая Федора Федоровича, я позвонил в Министерство культуры СССР; там сказали, что младший Шаляпин передал портрет отца в дар нашей стране. Да, именно тот, поясной портрет работы Шаляпина, Коровина, Серова.

ХРАНИТЬ ТРАДИЦИИ И РАЗВИВАТЬ ИХ

Н. ТОКАРЧУК

Башкирский театр драмы имени Мажита Гафури давно и по праву завоевал признание как один из наиболее интересных национальных театров Российской Федерации. Недаром уже в десятый раз приезжает он с творческим отчетом в Москву.

Шестьдесят лет назад, в 1919 году, родилась Башкирская автономная советская социалистическая республика, и в том же году поднялся занавес первого башкирского профессионального театра. Это было тем более знаменательно, что до революции у башкирского народа не было не только театра, но даже своей письменности. Молодым энтузиастам нового дела пришлось начинать буквально с нуля: создавать свою национальную драматургию, воспитывать кадры профессиональных актеров, режиссеров, художников...

Шесть десятилетий упорного, творческого труда. Сменились актерские поколения, национальной классикой стали многие из пьес, что создавались в горячие, бурные дни рождения коллектива. В театре сложились определенные традиции, к его имени прибавилось почетное звание «академический». За заслуги в развитии советского театрального искусства коллектив удостоен ордена Трудового Красного Знамени.

Но разве годами и наградами можно измерить душу театра? Душа театра живет в его спектаклях. Истинную их ценность определяет зрительный зал, когда он весь, как один человек, то замирает от волнения, то взрывается бурей восторженных аплодисментов.

И на этот раз аплодисментов было много, особенно когда театр показывал свою национальную классику: веселую, задорную, искрометную музыкальную комедию Х. Ибрагимова «Башмачки» в постановке главного режиссера театра Л. Валеева и в оформлении художника Т. Еникеева, и драму-песню «Галиябану» М. Файзи, с детства знакомую каждому как в Башкирии, так и в Татарии (пьеса имеет несколько вариантов текста и великое множество сценических воплощений). Осуществленная режиссером Р. Исрафиловым, в декорациях Г. Имашевой, эта последняя постановка «Галиябану» живет на сцене театра имени М. Гафури около десяти лет.

А открыл свои гастроли театр — и это тоже стало для него традицией — произведением замечательного башкирского писателя Мустая Карима, с именем которого связаны все наиболее значительные творческие победы коллектива. По известной повести писателя «Долгое-долгое детство» Р. Исрафилов сделал инсценировку под названием «И судьба — не судьба» (он же — постановщик спектакля).

Это — широкое эпическое полотно, в котором через судьбу обыкновенного деревенского парнишки, с годами становящегося поэтом, просматриваются судьбы сотен и тысяч простых людей, сельских тружеников, лишь при Советской власти сделавшихся полноправными хозяевами своей земли, творцами собственного счастья. Из множества проходящих в спектакле лиц складывается как бы единый образ башкирского народа — терпеливого и мужественного, гордого и смелого.

Этот прекрасный и величественный образ народа, только еще более обобщенный, доведенный почти до символа, предстал и в другом произведении Мустая Карима — поэтической трагедии «Не бросай огонь, Прометей!», решенной театром как глубокое философское раздумье художника о смысле жизни, истоках подвига, духовном богатстве и красоте человека, способного пожертвовать жизнью во имя счастья грядущих поколений, во имя процветания родной земли (постановщик Р. Исрафилов, художник Т. Еникеев).

Родная земля,— она Мать, кормилица, утешительница в горе и беде. Стать изгнанницей, потерять связь с родной землей для Нэркэс, степной Джульетты, героини одноименной трагедии И. Юмагулова, страшнее физической смерти. Узнав, что ее сын изменил Родине — оказался предателем и трусом,— умирает старая сельская учительница Бибисара («Матери ждут сыновей» А. Мирзагитова). Чтобы краше стала родная земля, чтобы щедрее отдавала она людям свои богатства, живут и трудятся герои «Белой сирени» Н. Асанбаева, наши современники, добытчики «черного золота»...

От спектакля к спектаклю протягивается крепкая, связующая их воедино нить: судьбы человеческие сливаются в историю судьбы народной,— от самых древних, оставшихся лишь в легендах и преданиях времен до бурного, стремительно летящего дня сегодняшнего.

Уже один перечень названий на афише театра имени М. Гафури (в гастрольном репертуаре была лишь одна русская классическая пьеса «Грех да беда на кого не живет» А. Н. Островского) — свидетельство глубокой приверженности коллектива своей национальной драматургии, умения работать со своими авторами. Следует отдать должное и превосходным актерам: всегда живые и достоверные, они искусно плетут ткань образа из мельчайших характерных деталей, в которых раскрывается не только персонаж, но тонко и ненавязчиво передаются нравы и обычаи народа, черты определенного жизненного уклада, точные приметы времени. З. Бикбулатова, Г. Мубарякова, Н. Ирсаева, Х. Кудашев, Х. Фахриев, Х. Яруллин (можно перечислить и еще множество актерских имен) — сколько же неповторимых характеров, сколько ярких типов подарили они зрителям! Но в то же время (и в этом таится своя опасность) приверженность театра почти исключительно национальной драматургии на определенном этапе может обернуться односторонностью. Ведь что греха таить, далеко не все пьесы, даже гастрольного репертуара, отвечают сегодняшним высоким художественным требованиям. А работа на невысоком литературном материале неминуемо толкает актера на повторение найденного. И, пожалуй, такие симптомы уже ощутимы в некоторых спектаклях театра; они настораживают, они должны вызывать тревогу у режиссуры, у руководства коллектива.

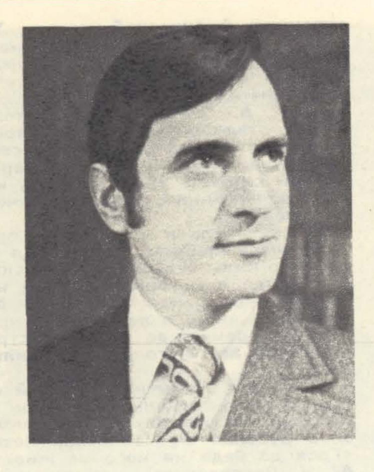
У театра имени М. Гафури чуткий, отзывчивый зритель. По многу раз может он смотреть и «Башмачки», и «Галиябану», и «Нэркэс». Но зрителя тоже надо воспитывать. Надо приобщать его к сокровищнице мировой театральной культуры, расширять представление о жизни. Воспитывать искусством.

Думается, лучшие советские пьесы — современные и ставшие уже классикой,— равно как и произведения русской и мировой драматургии, должны всегда присутствовать на афише театра, давая пищу уму и сердцу как самих актеров, так и зрителей... Думается, разнообразнее и интереснее могли бы стать режиссерская мысль и сценография, пока еще достаточно робко обращающаяся к опыту современного декорационного искусства.

Не только хранить, но и развивать традиции. В этом залог будущих побед и будущих свершений самобытного, талантливого коллектива.

Сцена из спектакля «И судьба — не судьба» Мустая Карима.
Фото М. Строкова

Иван САВЕЛЬЕВ

ОДНА

ПОЭМА О СЕРГЕЕ МУРАВЬЕВЕ-АПОСТОЛЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

Отечество, все думы о тебе
И обо всех — известных и безвестных,—
Проживших жизнь решительно и честно
И потому живых в твоей судьбе.
Отечество, весенняя страна,
Я созидаю в сердце обелиски,
Чтоб на устах не смолкли имена
Всех, кто в твои глухие времена
Своею жертвой высек Правды искру.
Все — каждый поименно! — в сердце жив!
Все — каждый поименно! — жив в народе!
Я чувствую, как их во мне порыв
Решимостью — служить тебе! — восходит.
Вот так, не отступая от себя,
Отечество, люблю тебя сурово.
Как дальний свет, идет ко мне судьба
Апостола — Сергея Муравьева.
Как звездный свет, летящий по прямой,
Он душу жжет, высок и непреклонен.
Да он и был, Отечество,
Звездой
На грозовом — грядущем — небосклоне!
И что с того, что веселы враги —
Все холуи, чиновники, чинуши,—
Коль, времени и жизни ход нарушив,
Он озарил сердец материки
И всколыхнул униженные души.
Пока он жил — не отказался с м е т ь,
Чтоб каждый знал, кто Правду созидает:
В запасе есть последний выход — смерть,
Которая основы потрясает!

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Два палача подобраны по росту,
Их продала соседняя страна.
И два столба торчали над помостом —
Для виселицы не было бревна.
Бревно гудело, грузно грохотало
На городских разбитых мостовых,
То самое, какого не хватало,
Чтоб в три утра повесить пятерых.
Булыжником стреляют мостовые.
Извозчики: «Исусе, помоги!..»
Неходкие взбесились ломовые —
Шарахнулись от будущих могил!
Из хомутов, давящих, как из петель,
Они готовы выскочить, храпя.
И бьется в гривах мокрый невский ветер,
И дождь с небес обрушился, слепя.
Рассветная туманная дорога...
Сказал один:
— Я вот что говорю:
Смерть осужденных не угодна богу.
— Зато угодна русскому царю,—
Ответствовал который помоложе:
— Царь на земле, а на земле — видней...—
И замолчал, натягивая вожжи,
Пытаясь урезонить лошадей.
А кони мчались, словно от погони,
От питерской стотысячной молвы.
И, тусклая на мутном небосклоне,
Луна выплескивалась из Невы.
Она на шпиль взирала красноглазо,
На смертный вал, поднявшийся в ночи,
Где, не исполнив царского приказа,
В бездействии стояли палачи.
А в Царское курьер спешил с посланьем...
Царь краем глаза чувствовал зарю.
И новое — куда страшней — восстанье
Мерещилось неспящему царю.
И к Бенкендорфу, к виселице, в пятом
Летел курьер с бумагою, а в ней
Приказано:
«Извозчиков — в солдаты!
И высечь непокорных лошадей!..»
...Булыжником стреляет мостовая.
Временщики у виселицы ждут.
Но вопреки веленью Николая
Еще живут те пятеро! Живут!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Они, покрыты саваном, стояли.
Едва мерцал во тьме высокий свод.
Их заживо в соборе отпевали —
Молил священник душам их исход.
Белели колпаки над пятерыми.
Мысловский крест придерживал рукой.
И все просил всевышнего: «Прими
Рабов своих и души упокой...»
Они стояли рядом, цепенея,
От слабости кружилась голова...
Но не слыхал Сергей протоиерея—
Другие шли к Апостолу слова.
...Застыли роты строго и сурово.
Декабрьский день в снегах и солнце стыл.
Черниговцев в поход из Василькова
Благословлял священник Даниил:
— Все от царей — несчастья и невзгоды!
Все от царей...— священник повторил.—
Нас создал бог для счастья и свободы,
Которую похитили цари.—
Так, чувствуя, как стынет холод в ризе,
Он голосом надтреснутым, густым
Зачитывал пред войском катехизис,
Написанный Апостолом самим.
Апостольство? О, как же все не просто!
Апостольство! Но не об этом речь.
Апостолу что дьявол, что апостол —
Поднять солдат! Зажечь солдат! Увлечь!..
Апостольство и жертвенность. Во имя
Отечества без рабства и царя
Он смерть саму на поле боя примет
И выдохнет последнее: «Не зря!..»
Разбиты на Сенатской северяне.
И Павел Пестель брошен в каземат...
Мятежный полк. Да ждущие Славяне.
Немного сил. Но нет пути назад!
Летел снежок неслышно на знамена,
Над колыханьем шапок и штыков...
Он думал о поступке Артамона:
Не поднял полк... Хоть тоже — Муравьев.
Вот действо, недостойное мужчины.
Он вспоминал, как выпалил в сердцах:
«Предательство иль робость?»
Все едино,
Когда судьба восстанья — на весах...
Но не нужны борцы по принужденью,
Когда настолько благородна цель!..»
И медленно сходило напряженье
С его лица. И рядом был Мишель.
Бестужев-Рюмин, славный подпоручик,
Его душа, его второе я.
Озарены одной звездой мелькучей
Единоверцы! Витязи! Друзья!
Он на знамена взгляд тревожно кинул,
Где с прежнею решимостью в глазах
Кузьмин, Щепилло, Соловьев, Сухинов
Стояли, замерев, при палашах.
Он напряженно вглядывался в лица.
Здесь все, кто был, молчали об одном.
Вдруг — бубенцы... Он обнял Ипполита:
— На дело-то какое, брат, идем! —
Горячие, согласные объятья.
И старший здесь, любимец их, Матвей.
Свободе присягающие братья
Восторженно глядели на людей.
Молчала площадь. Поднимался ветер.
Поземка по-над городом мела.
Стояли рядом женщины и дети —
Как будто вся Россия здесь была.
И громче и увереннней, чем прежде,
Читал священник — прыгала строка:
— Кто от сего нас подвига удержит?
— Никто!
— Ничто! —
Ответили войска.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

О, тот январь двадцать шестого года!
Он памятнее всех прошедших лет.
Далекая и гордая Свобода
Над Стугной-речкой зажигала свет.
Во все концы лежит простор безбрежный,
Где ранней целиною января,
Вминая снег, проходит полк мятежный —
Отечество избавить от царя.
Трилесский бор еще вдали, в тумане.
И на три дня растянется поход.
Апостолу хлеб-соль несут крестьяне.
«Наш избавитель...» — шепчут у ворот.
Он понимает, сколько в деле риска,
Сильней всего Отечество любя.
И жгут слова коротенькой записки:
«Моя любовь да сохранит тебя...»
Какая ручка это написала?
И кто она? Попробуй угадай...
Оставила одни инициалы.
Мишеля попросила:
Передай...—
И скрылась за домами Василькова,
Ушла в снега, укрытая платком,
В тот самый день, когда держал он
Слово
Перед своим построенным полком.
Потом спросил:
— А хороша ль собою?—
Мишель ответил:
— Очень хороша!..
А уж глаза!..—
Но тот ускорил шаг:
— Одна любовь, Мишель, у нас с тобою!..
Одна любовь Сергея сердцем движет,
Что началось, быть может, с этих слов
(Их на границе, в Пруссии, услышит
От матушки, с которой жил в Париже):
«В России вы увидите рабов!»
Одна любовь!
Она исход искала
И веру укрепляла день за днем.
В шестнадцать лет она его сжигала
Бородина неслыханным огнем.
Она солдатским пеленала стоном
И разрывала надвое — хоть вой! —
Победой над самим Наполеоном,
Бесправного народа нищетой.
Она, как мать, его владела сердцем,
И поступить иначе не могла,
И призвала в Союз единоверцев,
И в этот бой неравный позвала.
Одна любовь — Отечество, Россия,
На миг не отпускающая боль!..
Три бора — как полки сторожевые.
Вокруг него кольцо сжимает Толь.
Что ж, генерал, руби росток свободы,
Тут, видно, не поделать ничего.
Коль здравствуют в одни и те же годы
Ермоловы — спасители народа
И Толи — усмирители его.
Три леса. И развилка у опушки.
Невыносимо на снега смотреть.
Но грянул гром. И кто-то крикнул:
— Пушки!
— Вперед, друзья,
Свобода или смерть!..—
И над снегами загремело снова.
И полк идет без выстрела — суров.
И вот они — гусары Пыхачева.

ЛЮБОВЬ

— Смелее, братцы, с нами Пыхачев!..—
Желанная на поле брани встреча!
И полк идет, не чувствуя беды.
Но пушечной предательской картечью
Смешало и расстроило ряды.
Мелькнуло, как прозрение: «И этот...»
Увидел: покачнулся Ипполит.
Упал Щепилло. Кто-то рядом — следом...
Кровавый снег воронками изрыт.
Но, верный командиру своему,
Полк движется на пушки под картечью.
— Вперед, друзья!
Свобода и Отече...—
И не хватило воздуха ему.
И всей любви огромной не хватило,
Чтоб защитить Свободу и себя.
И девушка все ближе подходила:
«Моя любовь да сохранит тебя...»
Как странно, что других не слышно слов...
Как странно, что она — на поле боя...
Что матери любимою рукою
С его лица она стирает кровь.
А вместе с нею — ближе, ближе, ближе! —
Другие наплывают рубежи...
Березина.
Наполеон бежит.
И Лейпциг открывает путь к Парижу.
На белом — император Александр.
Его Париж молчанием встречает.
...Кровавый снег. И пеленой туман
Черниговцев от глаз его скрывает.
Кровавый снег воронками изрыт.
Своих с чужими перепутать просто.
И никого не узнавал Апостол
И все твердил:
— Где брат мой, Ипполит?..

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

«Мы спаяны, друзья, великой целью!..» —
Он прошлое из мрака вырывал.
Но кто-то рядом тяжко грохнул цепью.
— Пора, Сергей...— Мишель ему сказал.
Под желе́зами встретившись рукою
С рукой Мишеля, молвил:
— Я готов...—
И каменно — во тьме — заупокойно
Гремели об пол цепи кандалов.
Шли следом за Мысловским, над собою
Как бы дыханье слыша образов...
И полумрак рассветного собора
Давил на плечи тяжестью годов.
Минут земных исчерпаны запасы.
Чернеющая крепости стена.
И за Мысловским волочилась ряса,
Как государя черная вина.
И палачи поглядывали хмуро
На тот рассвет, излившийся дождем...
И казни — до мгновенья — процедура
Была самим расписана царем.
Там был конвой — полк Павловский —
указан.
И — «бой, как для гонения сквозь строй,
Докуда все не кончится...», но казнь и
Повешенье в бумаге черной той
Не вывел лицемерною рукой.
К нему курьеры скачут ежечасно...
Он не учел, Романов, одного,
Что лошади взбунтуют, неподвластны
Монаршему велению его.
Он не учел, что против палача,
Монаршей воли, встанет чья-то воля...
Мчат лошади за сумрачной Невою,
Булыжником разбитым грохоча.
Мчат лошади. Уже не ночь. Не утро.
И пятеро живут. И не живут.
И все-таки еще бегут минуты
Их тех, им не отпущенных минут!
Они стоят разуты и раздеты,
На петербургской пасмурной заре.
И догорают — с треском — эполеты
На медленном, как эта казнь, костре.
Босые ноги жжет огнем железо.
Трава июля — холодит росой.
Пропала перекладина. Исчезла.
...Мчат лошади булыжной мостовой...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Уже рассвета не обнять глазами
И друга — хоть он рядом — не обнять...
И, словно птица, кружит в небе память —
Уводит в год двенадцатый опять.
Мятежники
Двадцать шестого года,
Вы — воины
Двенадцатого года,
Богатыри
Двенадцатого года,
Вас пестовала Родины Свобода!
В шестнадцать лет под пулями —
не страшно!
Лишь был бы бой — отыщется герой!
Впервые за сражение при Красном
Сергей отмечен шпагой золотой.
Но полоснули, словно шпагой, сердце
(Подобного и слыхом не слыхал!)
Слова немолодого ополченца:
— Меня хозяин в карты проиграл...
— Как проиграл?!
— А, барин, очень просто,
Как горничную девку до меня...—
И слушал откровение Апостол
Под отсветы бивачного огня.
— А родом я из-под Дорогобужа.
Хозяин-то, Жигалов,— зверь у нас.
Война — беда. А барщина похуже.
Меня Давыдов от позора спас.
А было так. К нему из-под Херсона,
К Жигалову, приехал друг ли, сват.
Играли в карты десять ден подряд,
Как раз, как началось с Наполеоном...
И вот однажды, только встало солнце,
Меня Жигалов в горницу позвал.
— Ты, говорит, теперь, Кузьма, херсонский.
Я, говорит, ну в общем... проиграл.
— Иван Лукич, хоть бога-то побойся!..
А как же дочь?! —
Хозяин крикнул:
— Прочь! —
И бросил вслед:
— О ней не беспокойся,
Я, говорит, твою пристрою дочь.—
Я пил всю ночь в своей халупе-бане —
Мы знаем, как пристраивают баре...
Не шли с ума Жигалова слова.
И жить, поверьте, братцы, не хотел я...
Как колокольня церкви Покрова,
Наутро голова моя гудела.
А колокол и впрямь звонил набат.
Иду я к дому барскому и слышу:
— Народ, Кузьма, на Бонапарта вышел!..
— Получит по заслугам супостат!..—
Я к офицеру тут же подошел
И сразу записался в ополченцы.
Но вдруг «херсонец» вышел:
— Непочтенно
Ведешь себя, Кузьма, нехорошо...
Он — мой холоп!
Так вы уж не взыщите...—
Сказал он офицеру самому.
— Отныне он — Отечества защитник
И потому принадлежит ему! —
Ответил офицер, суровый с виду,
И в сторону уезда ускакал...
— Кто ж это был?
— Эх, ты, Кузьма...
Давыдов!
То сам Кутузов к нам его прислал!..—
И ополченец замер отрешенно,
Своей судьбою-мачехой томим.
— Жигалов... он страшней Наполеона.
Того — побьем.
А как вот со своим?..—
Как на духу, он ополченца слушал,
Сказать бы что-то — не хватало слов.
И матери слова теснили душу:
«В России вы увидите рабов!..»

ГЛАВА ШЕСТАЯ

А Петербург потягивался сонно,
Вдали дома торчали, как гробы.
И петлями угадывали солнце
Над пустырем застывшие столбы.
Толпу за валом сковывает страх.
И Павловская рота неспокойна.
«Преступник..» — и фамилия: такой-то —
Нагрудники висят поверх рубах.
И, в кандалах ступая неуклюже,
Они взошли — все пятеро — на вал.
Рылеев. Пестель. Муравьев. Бестужев...
«Преступников» Каховский замыкал.
Еще помилованья, как награды,
Священник ждет, не в силах понимать,
Что тем, кто оказался «вне разрядов»,
Помилованья тщетно ожидать.
Поэт-трибун Рылеев — вне разрядов!
Республиканец Пестель — вне разрядов!
Каховский и Бестужев — вне разрядов!
И Муравьев-Апостол — вне разрядов!
Какой разряд, иной удел какой,
Когда на розгах держится «порядок»,
Когда сама Россия — вне разрядов,
По горлу перетянута петлей?!
За петлями Невы синела гладь.
И Пестель говорил,
На петли глядя:
— Какой позор! Мы, кажется, от ядер
Не прятались... Могли бы расстрелять!
— Не сетуй, друг,— Апостол отвечал.
И голос был без напряженья, ровен:
— Христос до нас не менее страдал,
А был, конечно, меньше нас виновен...—
На Троицком мосту застыл народ.
И гулко бились волны, как мгновенья...
И пятеро взошли на эшафот —
И под шагами вздрогнули ступени.
И приговор читает Чихачев:
«...повесить!» — произнес особо внятно.
И пронеслось негромко, пятикратно:
— Готов...
— Готов...
— Готов...
— Готов...
— Готов...
Они готовы к смертному мгновенью.
Целуются...
— Прощай, Мишель... держись!..—
Под палачами скрипнули ступени.
Мгновение... И — трое сорвались.
— Чудовищно!
— О ужас...
— Как нелепо!..—
Летело, обрываясь, над толпой.
...Открыл глаза — до боли си́не небо,
И солнышко всходило над Невой.
Оно в глазах застыло, и пронзило,
И загорелось где-то под душой...
И он вставал из проклятой могилы,
И был уже не мертвый, не живой.
И наливался кровью Голенищев
От слов, что смог Рылеев прокричать:
— Дай аксельбанты для петли, опричник,
Чтоб нам и в третий раз не умирать!..—
Взвыл Голенищев:
— Вешайте скорее!..—
И вновь троих взводили на помост.
— О Родина! — Апостол произнес.—
Прилично и повесить не умеют! —
Издалека, теперь уж с того света,
Сознание провалами дробя,
Входило в душу небом, солнцем, светом:
«Моя любовь да сохранит тебя...» —
С ее словами возвращались силы,
Он был живой средь мертвых и живых...
И понял он: да это же Россия
Сказала их и сохранила их!..

ЭПИЛОГ

Снятся декабристы Николаю.
Над Невою холоден рассвет.
«Матушка, исхода ожидаю...»
Ждет исхода. Но исхода нет.
Ветер штору на окне колышет.
Не одевшись вышел на крыльцо —
Горячо («Спаси, Исусе!..»)
Дышат
Ломовые в бледное лицо.
И в рассветном сумеречном свете,
У подъезда спящего дворца
Встала перекладина, и петли
Замерли на уровне лица.
— Кто посмел?! — но над дворцом,
Над садом
И над всей проснувшейся страной
Грозно:
— Император — вне разрядов! —
Нависало тучей грозовой.

15 ИЮЛЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 50 ЛЕТ НЕНЕЦКОМУ АВТОНОМНОМУ ОКРУГУ

РОДНЫЕ ГНЕЗДОВЬЯ

Лев ШЕРСТЕННИКОВ, специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора

— Трогай помалу!

Чихнув облачком дыма, лодочные моторы круто вынесли верткие корпуса казанок на стремнину, вспороли ширь чуть ли не полуторакилометровой в устье своем Индиги. Низкое солнце высветило шафранную полоску на затянутом облаками небе, а ледяной ветер, рванувший с океана, вздыбил речную волну. Большая вода! Она лениво катит навстречу темным выпуклым валом, лежит блюдечками озер и болотин, жилками протоков под крыльями спешащих уток и гусей-гуменников. Холодная весна, задержавшая перелет птиц, не может остудить великого чувства: сквозь ледяное крошево, сквозь обжигающий ветер — на север, только на север, к родным гнездовьям.

«Берега Северного моря принадлежат к пустыням, к безнадежным на будущее местам»,— вспомнил я вычитанные в одной книге строки. Архангельский вице-губернатор писал: «Желать там развития цивилизации — значит желать невозможного, так как жизнь нормального человека там невыносима и никакие искусственные меры не помогут».

Я оглядываюсь на своих спутников: оленевода Степана Николаевича Выучейского, ненца, рожденного в тундре; председателя местного сельсовета Любомира Андреевича Малыгина, русского, помора; еще одного помора и уроженца здешних мест, директора совхоза «Индигский» Филиппа Яковлевича Апицына; электрика и секретаря парткома совхоза Ювеналия Палладиевича Рочева, коми. Невелика группа, но и малая крупица может рассказать о монолите...

Летит навстречу лодкам мелкая водяная капля. А с лиц, со стекол очков, с шуб сковыриваем уже ледышки. По календарю июнь месяц, а под скосами берегов, слегка подточенный снизу вешней водой, пластуется снег. На вид плотный, как мрамор, и девственно чистый, как сам снег...

В то время как архангельский губернатор отписывал в вышестоящие инстанции свое мнение о северных берегах, много того севернее, по Новой Земле, совершал в одиночку путешествие ненец, которого родители по рождении назвали Тыко — Олененок, а русские миссионеры окрестили позднее Ильей. В начале века многие экспедиции выбирали Новую Землю в качестве трамплина для прыжка в Арктику. Одна из таких экспедиций подарила Тыко карту островов, пачку карандашей, компас, градусник и бумагу. Русобородые полярники научили смышленого парнишку пользоваться нехитрыми инструментами. А известный полярный исследователь Владимир Русанов в дальнейшем записал в своем дневнике: «В продолжение трех лет занимался этот замечательный самоед съемкой малоизвестных восточных берегов Новой Земли. Ежегодно продвигался он на собаках все дальше и дальше к северу, терпел лишения и голод. Во время страшных зимних бурь целыми днями ему приходилось лежать под скалою, крепко прижавшись к камню, не смея встать, не смея повернуться, чтобы буря не оторвала его от земли и не унесла в море. В такие страшные дни гибли одна за другой собаки. А самоед без собаки в ледяной пустыне — то же, что араб без верблюда в Сахаре. Бесконечное число раз рисковал Вылко своей жизнью для того, чтобы узнать, какие заливы, горы и ледники скрыты в таинственной, манящей дали Крайнего Севера. Привязав к саням компас, согревая за пазухой закоченевшие руки, Вылко чертил карты во время сильных новоземельских морозов, при которых трескаются большие камни, а ртуть становится твердой, как сталь».

Таков был Илья Константинович Вылко — исследователь, художник, сказитель, в течение чуть ли не трех десятков лет президент Новой Земли, как называли председателя Новоземельского островного Совета. В суровые военные годы, будучи комендантом Новой Земли, он организовывал сбор и отправку продовольствия и пушнины. И было отправлено груза на пятнадцать миллионов рублей. Славную жизнь прожил этот яркий представитель ненецкого народа, дороже всего ценивший дружбу с русскими братьями. Незадолго перед смертью, уже на больничной койке, Вылко перевел на ненецкий язык лермонтовское «Белеет парус одинокий...» и пушкинский «Памятник»...

Похоже складывалась судьба моего попутчика, Степана Николаевича Выучейского. Как и Тыко, родился Степан в чуме — в то время единственном жилище ненца. Он уже не помнит, была ли в их обиталище печка — немалая для бедного чума роскошь — или же полыхал на железном поддоне костерок, согревая Степана и пятерых его сестер и братьев. И днем и ночью, зимой и летом поднимался легкий дымок над костром, уносясь через мокадан — верхнее отверстие в чуме — к синим звездам. Так же незаметно и неспешно шли годы. Но это уже были иные годы. Летом 1929 года, впервые в истории, ненецкий народ обрел самостоятельность — был образован Ненецкий национальный округ. Степан окончил семилетку, затем курсы политпросветработников и был направлен на работу в красный чум. Так получалось в ту пору: малые дети и подростки раньше обучались грамоте, чем их родители и старшие братья. И теперь они, комсомольцы, становились учителями, а старшие непривычными пальцами выводили в тетрадках трудные буквы...

В феврале 1942 года вместе со сверстниками Выучейского призвали в действующую армию. Долог был путь к фронту. Со стойбищ до Красного города — Нарьян-Мара — добирались на оленях. А дальше от города до железной дороги семьсот шестьдесят километров шли пешком. Двадцать дней шагали след в след. Тобаки — меховые сапоги — настолько износились в пути, что многие поморозили ноги... Не скоро еще они попали на Соловки, где размещался учебный отряд Северного флота. Но и на их долю хватило войны. Выпускники училища в блокадном Ленинграде несли патрульную службу на сторожевых катерах. Зимой ходили на лыжах к Петергофу прокладывать линии связи. «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда» — медали, хранящие память тех суровых лет.

Демобилизовавшись, Степан вернулся в тундру и в оленеводстве прошел все ступени. Был и пастухом и бригадиром, гонял оленей традиционными тропами за сотни километров: зимой — к югу, к лесам Коми, летом — на север, к побережью, туда, где ветер с моря отгоняет гнус и слепней, досаждающих оленям. И вот уже много лет Степан Николаевич работает заведующим оленеводческо-товарной фермой совхоза «Индигский»: девять оленеводческих бригад под его началом — тысячеголовые стада. Хлопотная пора для оленевода — весна. Оленей нужно загнать в корали, произвести подсчет, сделать прививки, разобраться с молодняком. Вот почему все руководство совхоза направляется сейчас в стада, хотя и существует с каждой бригадой постоянная радиосвязь...

Время уже далеко за полночь. В призрачном свете белой ночи фантастично вырисовывается фигура на берегу — меховая малица с растопыренными руками, нарты, пятерка ездовых оленей. Спустя полчаса мы греемся круто зава-

---

От рядового пастуха до заведующего оленеводческо-товарной фермой — такой путь прошел Степан Николаевич Выучейский. Земляки вторично избрали его депутатом Верховного Совета СССР ● Нарьян-марский порт на Печоре может принимать крупные морские суда.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Далеко в тундру уходят буровые. Пока это только разведка. Ее осуществляют буровой мастер Павел Яковлевич Кравченко (стоит), помощники бурильщиков Иван Ситько и Виктор Куранов, бурильщик Степан Сулейкин (на заднем плане). Буровая № 1 ведет работы на Северо-Харьягинской площади ● По Индиге.

ренным чаем и угощаемся шашлыком по-ненецки. Пастух Николай Паньков, встретивший нас на берегу, проворно кидает на огонь плиты широкую ребровину, прорезав межреберья ножом.

Чум... Он и сегодня выглядит так же, как и сотни лет назад. Непросто найти замену этому жилью: чтоб было в нем и тепло и сухо и чтоб дом этот легко могли перевозить олени. В центре — весело гудящая печка; у входа — медный рукомойник в виде лампадки на цепи; на тумбочке — маленький приемник: слушать музыку и большие новости, а в сторонке рация — для новостей местных, для связи с руководством совхоза, для решения срочных дел... Тот чум и не тот. В нем уже живет не пастух с семьей, а дежурная бригада. Семьи, дети — в поселке. Прошел срок, закончилась смена, дежурные оленеводы отправляются домой, а отдохнувшие сменщики едут в стадо. Удобно? Конечно, молодежь уже и не представляет, что иначе могло быть. Меняются условия, но и требования растут. Молодой парнишка, вырастающий в поселке и лишь изредка наведывающийся в стадо и чум, уже не с молоком матери впитывает свою любовь к традиционному делу отцов. Он пойдет к стаду, но требует четкой сменности, и лучшего технического оснащения, и упорядоченного быта...

Обо всем этом идет в чуме разговор, обо всем этом не может не думать депутат Верховного Совета СССР Степан Николаевич Выучейский. Ему пишут о своих заботах земляки — ненцы, русские, коми. И ему проводить в жизнь то новое, что записано в Конституции, которую он принимал в Кремле.

...Рокочет вертолет, крутит руками-лопастями, словно хочет разогнать низкие тучи, серым пологом застлавшие все вокруг. Вертолет зависает над крохотной, специально приспособленной для посадки площадкой. Коткино. Небольшой поселок. Сюда мы залетели забрать ребятишек. Сколько их! Один, второй, пятый, десятый... Входит сопровождающий молодой учитель, пересчитывает детишек, и снова крутит лопасти вертолет. Синие глаза, карие, темные. Яркие курточки, пальтишки. Передо мной сидит девочка лет семи-восьми, прижимает куклу и ничем, кроме блеска глаз, не выдает своего волнения. А рядом ее подружки постарше. Многие летят по этому маршруту не впервые. Сначала до Нарьян-Мара. Там пересядут на большой самолет. Потом пересадка. И так до тех пор, пока не доберутся до солнечной Черниговщины. А там лагерь, там лето — теплая речка, ягоды на опушках. И кажется, не таким уж серым за круглыми окнами вертолета день.

А нам из Нарьян-Мара путь иной — к шагающим по тундре буровым.

Первый секретарь Ненецкого окружного комитета партии Юрий Степанович Романов, говоря о перспективах округа, сказал:

— Оленеводство, рыболовство, лесоразработка — традиционные и основные занятия жителей округа. Но вы обязательно загляните к геологам. Завтрашний день округа во многом определяют они.

Нарьян-марская нефтегазоразведочная экспедиция глубокого бурения, самая крупная среди экспедиций, работающих на территории округа, расположилась в поселке Искатели. Это, так сказать, мозг экспедиции, а руки ее далеко протянулись — к буровым. Мы летим на одну из них — № 1.

На пестром фоне не сразу ее различишь. Но она живет. Гудят дизели, давая тепло и свет, визжат блоки, по которым скользят мощные тросы, вибрирует от напряжения металлический остов. Из недр земли извлекается стальная труба диаметром с хорошее пушечное дуло и длиною в несколько сотен метров. Ответственная операция — подъем колонны. Скоро будут извлечены последние плети труб, заменена износившаяся режущая головка на новую. И вновь игла устремится в недра...

О буровом мастере Павле Яковлевиче Кравченко я слышал еще в поселке: вышел ветеран на пенсию, уехал в родной Краснодарский край, а потом не выдержал и снова вернулся в Нарьян-Мар. Более трех десятков лет бурит он землю. Работал в Краснодаре и на Кавказе, и вот уже много лет здесь, на Севере. Сколько их, мастеров, из разных концов России, Украины, Белоруссии, других республик работают тут и считают эту суровую землю второй родиной. Уезжают и вновь возвращаются в обжитые ими места! В Нарьян-марской экспедиции есть четыре особые бригады. Бригады как бригады, работают не хуже других, план выполняют и перевыполняют, но труд их организован необычно: они живут не в ближних поселках, а в центральных областях страны. Две бригады прилетают из Гомеля, одна из Харькова, одна из Краснодара. За тысячи километров с работы и на работу.

Начальник экспедиции Анатолий Георгиевич Канарев рассказывает:

— Мы фрахтуем самолет, чаще это Ан-24, и привозим вахту на пятнадцать дней, а следующие пятнадцать дней люди отдыхают дома. Подсчитано — это выгодно. И работают такие «командировочные» ничуть не хуже оседлых.

Значит, можно рассматривать и такой вариант: не все за людьми тянуть города. Не нужно срывать со своих гнездовий семьи, пусть остаются в обжитых местах. Тогда не возникнет и проблемы занятости вторых рук в семье — рук женских. И не нужно будет специально для них искусственно насаждать производство там, где без этого можно обойтись. Такие челночные поездки в нашей стране — дело новое, но обдумать всесторонне его следует, все тщательно взвесить и рассчитать, найти оптимальные варианты. Здесь есть над чем подумать: меньше придется строить жилья в труднодоступных условиях, меньше доставлять грузов, а на Севере доставка грузов — вопрос номер один. Да и людям, наверное, легче будет: худо ли — каждый месяц две недели отпуска в теплых краях!.. Но не всех это устраивает.

— Я бы все же хотел жить там, где работаю, — сказал Юсуф Хуатыжевич Абидов, начальник буровой, один из тех, кто летает из Гомеля. — Отдыхать надо с тем коллективом, с которым трудишься. Уедешь с буровой, а сердце о ней болит. А потом — места же здесь хорошие, какая охота!..

Да, выходит, строить надо, и строить много. И снова вопрос упирается и в рабочие руки строителей, которым тоже нужно жилье, и в транспорт, и в грузы, большая часть которых идет водой — с моря ли в Нарьян-марский порт или от железной дороги с верховьев Печоры. Есть еще один путь, путь новый, но уже начинающий входить в практику: доставка грузов Северным морским путем на ледовые причалы. С 1975 года разгружаются транспорты на лед в Вангурее, Амдерме, снабжая работающие там экспедиции. И в том, что работа их идет успешно, что объемы буровых работ растут и все больше осваивается площадей, есть заслуга и моряков-полярников и их коллег, «делающих погоду», научных сотрудников и рабочих Амдерминского управления гидрометслужбы.

Почти невозможно было это предвидеть, но первый человек, которого я встретил в Нарьян-Маре, был начальник этого управления, мой давний знакомый еще по Якутии, по Тикси, где лет пятнадцать назад он работал секретарем райкома комсомола, Артур Николаевич Чилингаров. Он только что прилетел в город на пленум окружкома, а еще сутки назад Чилингаров находился в числе встречающих на Северном полюсе экспедицию газеты «Комсомольская правда». Чилингаров не новичок в Арктике, зимовал и в Антарктиде и уже не первый год возглавляет управление в Амдерме. Среди многих вопросов, которыми занимаются полярные «хозяева погоды», — проводка судов Северным морским путем в зимние месяцы, выдача рекомендаций по организации ледовых причалов, выбор места для них. Год назад я побывал на операции «Ямал-78» — проводка судов к полуострову (там тоже работали амдерминцы), видел караваны грузовых судов, ведомые ледоколами «Ленин», «Сибирь», «Арктика», летал на ледовую разведку. Видел темную воду, кипящую под винтами судов, и холодные берега в ледяной корке припая. К ним, к этим берегам, караваны везли хлеб и солярку, буровые станки и стены будущих домов — везли людям жизнь, везли новый день этому холодному краю, согреваемому теплом человеческих рук и сердец.

...Большая вода — большое северное море местами взламывало лед, громоздило торосы и насылало на берег суровые ветра. А на далекой гряде полыхал крохотный в бескрайнем просторе огонек газового факела. Люди смело бросали вызов «безнадежному». И были правы...

Специалисты-гидрологи Амдерминского управления гидрометслужбы дают рекомендации для основания причалов не только в черте округа, но и за его пределами. На нижнем снимке: одна из действующих ледяных «пристаней» ● Коми Татьяна Колыбина и ненец Миша Талеев — десятиклассники Нарьян-марской школы-интерната имени А. Пырерки — первого ненецкого ученого-лингвиста.

В КОРПУНКТ ПРИШЛО ПИСЬМО

КУДА УВОДИТ ЖАЛОБА

«...Мой телевизор «Горизонт-104», порадовав наше семейство чуть больше двух лет, погас. В телеателье поселка Большой Камень любезно согласились принять телевизор в ремонт и, выяснив причину (вышел из строя кинескоп), ответили: «Скоро не ждите. У нас уже есть три «Горизонта» без кинескопов, стоят более шести месяцев».

Помогите, подскажите, в чем дело, куда обращаться. Я заплатил за телевизор 400 рублей и хочу, чтобы он работал...»

Это письмо пенсионера С. А. Герасименко из поселка Большой Камень, Приморского края, повело меня в производственное объединение «Электрон» Министерства бытового обслуживания населения. Я предвкушал уже фельетонный сюжет, но — увы! — планы мои рухнули. Ю. Ф. Чуриков, директор объединения, документально показал, что кинескопов 67ЛКІБ, тех самых, что так ждут Герасименко и десятки других владельцев неудачных телевизоров, объединение не получало в течение полугода. Главк ответил на запрос просто: «В настоящее время Львовский завод кинескопов эту модель не выпускает. Поставки 1-го и 2-го кварталов перенесены на 3-й — 4-й».

Вынужденно задерживаются на ремонтных полках ателье объединения и другие модели телевизоров, магнитофонов, радиоприемников. Запасные части к ним не поставили московский «Хроматрон», Воронежский завод электровакуумных приборов, Новгородский электровакуумный завод. Работникам заводов-изготовителей, отвечающим за поставки, надо помнить, что острота любой задержки изделий для дальневосточников возрастает в несколько раз в связи с географической отдаленностью. Радиотовары из Львова, Киева, Паневежиса идут во Владивосток больше месяца.

Ю. Ф. Чуриков затронул еще одну проблему. За шесть месяцев минувшего года в объединении «Электрон» вышло из строя около тысячи гарантийных кинескопов. Согласно существующему положению, они отправляются на заводы-изготовители. Отправляются — легко сказать, сложнее сделать. Каждый кинескоп аккуратно упаковывается в специальную тару, доставляется на узлы связи, грузится в вагоны. и везут его через всю страну. Зачем? Чтобы на заводе-изготовителе могли убедиться в собственном браке. Надо ли загружать и без того перегруженную железную дорогу, связь, держать дополнительные штаты, тратить деньги (ведь отправка кинескопа в среднем стоит от 25 до 30 рублей)? И если за полгода только одно приморское объединение «Электрон» отправило около 1000 бракованных кинескопов, то наверняка такие же цифры могут привести руководители Хабаровского, Амурского, Сахалинского, Камчатского и других краевых и областных объединений по ремонту радиотехники. Правда, затраты на почтовые расходы, связанные с пересылкой брака, заводы безоговорочно возмещают. Порой даже с удовольствием перечисляют деньги взамен кинескопов, которые должны прийти вместо бракованных. Особенно преуспевает в этом «новшестве» Воронежский завод электровакуумных приборов.

Можно ли обойтись, однако, без дорогостоящих перевозок? Можно, если предоставить соответствующие права компетентным организациям, таким, как бюро товарных экспертиз, эксперты которых на основании рекламационных актов давали бы окончательное заключение.

Работники объединения «Электрон» многое сделали для улучшения обслуживания своих клиентов: во Владивостоке открыт специализированный цех по ремонту цветных телевизоров; доставка «больных» и возврат «здоровых» телевизоров в этот цех производятся специальным транспортом из любой точки города: в специализированной центральной диспетчерской по телефону принимается заказ на ремонт любого радио- и телеаппарата; мастер приходит по адресу в удобное для клиента время. Однако телевизоры будут простаивать на ремонтных столах до тех пор, пока руководители и бракоделы заводов, поставляющих детали, не прочувствуют своей ответственности перед покупателем.

В. КУЗНЕЦОВ,
собкор «Огонька».

Владивосток.

Иван СТАДНЮК

ВОЙНА

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

Рисунки А. ЛУРЬЕ

Мы погибли бы, если б не погибали...

Фемистокл

В живой, полной сил армейской среде встречаются столь одаренные военачальники, коим в определенное время становится тесно и скучно в штабах и за оперативными картами, в академических аудиториях и даже на полях крупных войсковых учений. Их опыт и их знания как бы рвутся на волю, стремясь обрести голос и практическое действо. Это потому, что, когда дремлют громы войны, когда царит мир, армия живет жизнью, уложенной в строгие границы предписаний. И как бы ни были широки эти границы, как бы ни наполненно пульсировали артерии, соединяющие Генеральный штаб через нижестоящие штабы с войсковыми организмами, творческая мысль, которая постоянно обогащает существующую науку о войне, на каком-то этапе неизменно теряет упругость и активность, жрецы этой мысли, где бы они ее ни извлекали — на академической ли кафедре, находясь ли во главе войскового соединения или оперативного объединения,— устают оценивать умозрительно созданное ими и выверять его в условных обстоятельствах. Точнее, у военачальников мирной поры мало возможностей испытывать синтезирующие способности своего полководческого интеллекта, ибо, как известно, без анализа нет синтеза. А мышление, в том числе и военных людей, состоит из разложения специфических объектов сознания на их элементы и слияния родственных между собой элементов в единое целое.

Короче говоря, истинные способности любого военачальника в полной мере проявляются только на кровавой арене войны. Более того: война, сия страшная, хотя и в значительной мере управляемая стихия, тайно задуманная в тиши штабов и несущая народам тяжкие бедствия, является повивальной бабкой многих полководцев; именно война раздувает искры их таланта в бешеное пламя. Она же является и беспощадным гробовщиком тех, кто ошибся в своем призвании вождения войск.

Благословен тот свободолюбивый народ, в глубинах которого есть дремлющие военные таланты. Но для человечества не было б никакой трагедии, если б ни одному народу никогда не понадобилось их пробуждать. Пусть бы они оказались неродившимися сыновьями мифологического бога войны Марса и не увидевшими на себе сверкающего венца ратной славы.

Но коль призывно загудел над мирной землей черный набат войны, все сущее и дремлющее, все подспудное, в чем есть хоть проблески силы, должно проснуться и укрепить народную рать, встающую под знамена борьбы. Это и случилось на советской земле после внезапного вторжения в ее пределы войск фашистской Германии... И первые же недели и месяцы войны высветили на командных высотах сражающейся Красной Армии десятки одаренных творцов и носителей передовой военной мысли, витавшей до этого в ледяной области их отвлечений. Война изобличила и неспособных... Вихрь баталий втянул тех и других в свои огненные эпицентры, полностью развязав для действия руки и раскрепостив мысль. Здесь одним надлежало сгинуть, а другим утвердиться как полководцам и возвыситься для победоносных битв.

Разумеется, тем, кто утвердился, пришлось бессменно стоять на смертном пороге, испытывая великое бремя долга, невыносимое напряжение и горечь утрат. Никого из полководцев, когда разлилось море страданий, не прельщала ни слава, ни власть; тяжелейшая ноша ответственности за жизнь и судьбу родного народа подавляла все чувства. Сила духа, глубина мысли, твердость воли — все, что составляет величие человека, без остатка было подчинено одному: остановить врага. И никаких полумер, полурешений; они в военном деле, как и в политике, всегда ведут к пагубным последствиям!..

С каждым июльским днем штаб Западного фронта все больше овладевал сложившейся обстановкой, все четче ставил сражающимся армиям задачи, хотя ему пока не удавалось сколачивать из прибывающих резервов сильные группировки, способные достигнуть решительного перевеса на направлениях ответных ударов. Сказывалась раздробленность вступавших в бой войск, сказывались слабые артиллерийское обеспечение и авиационная поддержка. И тем не менее главнокомандующий Западным направлением маршал Тимошенко мыслил ясно и конкретно, чутко определял колебания чаш весов противоборства. 13 июля в приказе войскам фронта он утверждал, основываясь на достоверных сведениях, что «в результате двадцатидневных упорных и жестоких боев с превосходящими силами врага соединения Красной Армии уже разгромили бо́льшую часть лучших фашистских бронетанковых и моторизованных дивизий». Это была сущая правда, вселяющая надежду обороняющимся войскам и повергающая в страх агрессора. Группа немецких армий «Центр» действительно уже потеряла половину своих ударных сил и лишилась возможности наступать на Москву своими пехотными эшелонами, тогда как войска Красной Армии вышли из шокового состояния и начали в меру возможностей вести оборонительные бои по законам советского военного искусства. Не случайно в том же приказе маршала Тимошенко отмечалось: «Где танковые и моторизованные дивизии немцев наталкиваются на организованный и решительный отпор наших войск, они бросают эти направления и переключаются на другие, отыскивая слабые места в обороне». Исходя из этого, маршал решительно требовал: «Во всех частях и соединениях армий развить наибольшую активность перед передним краем обороны, для чего вести непрерывную разведку и высылкой небольших отрядов и групп, дневными и ночными налетами не давать покоя противнику, уничтожая его группы танков, мотоциклистов и тылы, тем самым связывать его маневренность перед фронтом наших войск».

На Смоленской возвышенности развернулось уже не только противоборство сил при явном превосходстве врага на земле и в воздухе, но и началась яростная схватка умов, началось сражение двух военных доктрин. Нравственное потрясение советских воинов как следствие глубокого вторжения врага в просторы России, Белоруссии, Украины и Молдавии постепенно проходило. И все явственнее усиливалось нравственное потрясение гитлеровского воинства, видевшего, как неотвратимо рушатся расчеты германского генералитета на молниеносную, триумфальную победу над Красной Армией.

Самые короткие и желанные для немецко-фашистских войск дороги к Смоленску перекрыла 20-я армия генерал-лейтенанта Курочкина Павла Алексеевича. Этот сорокалетний генерал и оказался одним из тех полководцев, которые в опасные для Родины времена превосходят самих себя, искусно управляя войсками и рождая новые принципы сражений. Наиболее яркой стороной полководческой одаренности генерала Курочкина явилось его четко осмысленное, а порой, возможно, интуитивное умение постигать, что́ конкретно надо сделать в каждый острокритический момент при постоянной нехватке сил, при открытых флангах и при слабой связи.

Интуиция... В боевой деятельности полководца она занимает особое место. Можно хорошо усвоить всю множественность и сложность знаний, составляющих военную науку, но не всем дано ощущать их в гармонии. А кому дано, у того мысль всегда жаждет обобщений и часто опирается в своем постижении на интуицию. Дано чувствовать полную гармонию знаний только тем, кто в многолетнем радении копил их последовательно, ощущая радость познания, и кому совершенно чужд дилетантизм.

К таким полководцам относился не один генерал Курочкин. В те июльские дни только на Западном фронте разгорался военный талант Рокоссовского, Конева, Чумакова, Лукина, Маландина, Соколовского, Захарова, Масленникова, Руссиянова, Галицкого, Крейзера, Лизюкова, С. П. Иванова, Плиева... Много их на великой Руси! Разгорался талант не на пустом месте. Тот же Павел Алексеевич Курочкин после окончания двух академий и адъюнктуры немало потрудился на академической кафедре тактики, а затем в высоких войсковых штабах. А в советско-финляндскую войну именно его стрелковый корпус вышел по льду Финского залива в тыл выборгской группировки противника и в значительной мере обеспечил успех операции.

Судьбе было угодно, чтобы сейчас генерал

Полностью 3-я книга романа будет опубликована в журнале «Молодая гвардия».

Курочкин воевал на родной Смоленщине. Деревня Горнево, где он родился и вырос, недалеко от Вязьмы. Там такая же овражистая земля и такие леса, как этот, раскинувшийся по берегу речушки Жереспея. Отсюда штаб 20-й армии и руководил боями своих частей.

20-я армия — это пять стрелковых и три танковые дивизии. Но одно название, что дивизии: в трех танковых всего лишь шесть десятков машин, да и те старых образцов. А воевать надо, держаться за землю хоть зубами... Пусть неравенство сил, пусть открыты фланги, но надо было поначалу хоть частично оправдать тяжкий труд смолян, построивших оборонительные рубежи в бассейнах Днепра и Западной Двины. Этот подвиг творили студенты смоленских вузов, школьники, старики и женщины, жители районов области, призванные областным комитетом партии. Главное их оружие — ненависть к врагу, придававшая силу держать в руках лопату, кирку, лом, топор, пилу. Рыли траншеи, противотанковые рвы, делали лесные завалы... На огромном пространстве созидательно копошился почти трехсоттысячный людской муравейник, несмотря на артиллерийские налеты, на бомбежки, на обстрелы с воздуха. Это была невиданная демонстрация торжества непокорности народного духа.

Но долго держаться в позиционной обороне с открытыми флангами ни 20-я армия, ни ее соседи не смогли. И генерал Курочкин начал активную маневренную оборонительную борьбу, частично восполняя по приказу фронта тающие силы за счет некоторых дивизий 16-й армии генерала Лукина, разрозненно прибывавших к Смоленску, и вливая в свои ряды подразделения, которые выходили из окружения. Командарм все чаще начал ставить противника в зависимость от своей воли. Пусть на время, но верх все-таки брали его искусство и доблесть войск. Их усилия, возбуждаемые приказами командарма, направлялись к тому, что оборона занималась частью сил на второстепенных рубежах, перед которыми устраивались различные заграждения. Немцы, наткнувшись на огонь, на лесные завалы или мины, вынуждены были развертываться в боевой порядок, вводить в действие танки и авиацию, а тем временем обороняющиеся выходили из-под удара и занимали главный рубеж, с хорошо подготовленной системой огня, где намечалось дать врагу настоящие оборонительные бои с отражением атак и обязательным переходом в контратаки. Много было таких «главных» рубежей...

В полосе действий 20-й армии наступление немецко-фашистских войск заметно затормозилось, и германское командование решило обойти ее, устремив 3-ю танковую группу генерал-полковника Гота на Демидов — Духовщину — Ярцево, чтобы, смяв подходившие войска 19-й армии генерала Конева, обогнуть Смоленск с севера, а левое крыло 2-й танковой группы генерал-полковника Гудериана бросить на Красное — Горки — Починок, чтобы замкнуть кольцо с юга.

Июль склонился на вторую половину, когда клешня немецких моторизованных войск, охватив Смоленск с севера, дотянулась до Ярцева, что в трети пути на востоке между Смоленском и Вязьмой. Там спешно создавался еще один оборонительный рубеж советских войск — по Вопи, притоку Днепра; на его восточном берегу и раскинулось Ярцево, которому судьба уготовила быть до самой осени ареной и свидетелем кровавого противоборства двух армий.

Труднее давалось пространство частям 47-го механизированного корпуса из танковой группы Гудериана. Пятившиеся к Смоленску войска использовали каждый рубеж, чтобы оказать немцам жестокое сопротивление, выиграть время и нанести врагу как можно больший урон. Тяжелые бои велись за дороги, речки, речушки, за господствующие высоты и населенные пункты, распадаясь на самостоятельные баталии — крупные и малые.

* * *

Алексей Алексеевич Рукатов и сейчас все продолжал возвращаться мыслями к тому недавнему дню, когда его вызвали в палатку начальника штаба дивизии подполковника Дуйсенбиева и находившийся там полковой комиссар Жилов, не тая во взгляде презрения, спросил: «Как вы могли написать о Федоре Ксенофонтовиче такую подлую ложь?» Этот вопрос напугал Рукатова до такой степени, что последовавшее за ним возмездие — прочитанный Дуйсенбиевым приказ маршала Тимошенко о разжаловании его из подполковников в майоры — не показалось тяжелым. Алексей Алексеевич, расписавшись на приказе, утверждая этим, что ознакомлен с ним, трясущейся рукой сорвал со своих петлиц на гимнастерке по одной «шпале» — прямоугольнику, покрытому красной эмалью, и молча вышел из палатки.

Только уже ночью, когда группа генерала Чумакова начала теснить немцев в сторону Борисова, а он, Рукатов, начальник артиллерии дивизии, направлял по телефону и через связных взаимодействие дивизионов с пехотой и танками, до него внезапно дошел весь смысл происшедшего. И все заклокотало, забурлило в груди. Уязвленное самолюбие начало будто вспухать, шириться, разгоряченная голова заполыхала от негодующих и мстительных мыслей. Ведь еще вчера воображал себя в чине полковника, фантазия не раз возносила на такие начальственные вершины, что сердце плавилось от сладкой гордости, а тут вдруг... Нет, он не мог слышать, чтоб к нему обращались: «Товарищ майор!» И тайком сорвал с петлиц оставшиеся «шпалы», зная, что на петличном сукне, выцветшем до серости, останутся черные прямоугольники — следы трех «шпал». Пусть зовут, как кому хочется...

Во всех своих бедах Алексей Алексеевич винил генерала Чумакова, и теперь, помимо страха перед ним, прибавилась еще и такая ненависть, что невозможно было заглянуть самому себе в душу. Да и остальное начальство стало враждебно Рукатову. Тот же полковой комиссар Жилов своим обжигающим взглядом повергал Алексея Алексеевича в ужас. Был страшен и полковник Карпухин, всегда способный уличить в каком-либо должностном упущении. А своего тестя, командира дивизии полковника Гулыгу, Рукатов стал презирать сам.

Гулыга, узнав о понижении в звании Алексея Алексеевича, успокоительно шепнул ему на ухо: «Сносить бы в этой войне голову, а при каком звании — ей все равно». И посоветовал не торчать без надобности на командно-наблюдательных пунктах дивизионов, а ког-

да идет вперед, не забывать, как будет возвращаться обратно. За этими словами тестя Алексей Алексеевич почувствовал его растерянность перед происходящим после того, как их контрудар в сторону Борисова не принес больших успехов и войсковой группе Чумакова, понесшей тяжелые потери, пришлось вновь пробиваться на восток.

Особенно трудно стало Рукатову, когда штаб полковника Гулыги слился с остатками штаба бывшей ташутинской армии, которую принял генерал Чумаков. Полковник Гулыга теперь командовал сводным мотострелковым полком — все, что осталось от дивизии, а он, майор Рукатов, как начальник артиллерии всей войсковой группы, должен постоянно находиться при генерале Чумакове. Вроде бы и повышение по службе, но радости никакой. Более того, в каждом приказе генерала Рукатову мнилось желание унизить его, поставить под удар и подчеркнуть недостаточную профессиональную подготовку. Даже тогда, когда он, Рукатов, по подсказке минометчиков предложил Федору Ксенофонтовичу усилить кузова нескольких грузовиков специальными рамами, чтоб на них закреплять опорные плиты 82-миллиметровых минометов и прямо из грузовиков вести по врагу огонь, ему не послышалось одобрения в голосе генерала Чумакова. Поправив у левого уха бинты, Федор Ксенофонтович с холодным спокойствием сказал Рукатову:

— Проверьте практически. Если стрельба по целям будет точной, создавайте из таких машин подвижной огневой резерв.

Резерв Рукатов создал, но его взял в свое распоряжение генерал Чумаков...

До Смоленска оставалось всего лишь несколько десятков километров. Войсковая группа Чумакова прикрывала левый фланг 20-й армии, не имея с ней локтевой связи. Бои велись днем и ночью. Сформированные из остатков полков штурмовые батальоны, усиленные артиллерией и танками сопровождения, заставляли немцев развертываться в боевые порядки на каждом возможном рубеже. На наиболее выгодных штурмовые батальоны закапывались поглубже и держались до последних сил, изнемогая и истекая кровью.

Вокруг делалось такое, что уцелеть казалось немыслимым. Опасность подстерегала на каждом шагу, погибших хоронили наспех — в воронках, окопах, траншеях. А когда терпели поражение и с трудом отрывались от противника, то и вовсе не хоронили...

Алексей Алексеевич Рукатов, не веривший раньше в бога, теперь то и дело горячо и исступленно умолял всевышнего уберечь его от гибели, искренне каялся в своих прежних прегрешениях, клятвенно обещал никогда не повторять их. Он согласен был на ранение, пусть даже тяжелое. Алексею Алексеевичу не жалко было лишиться руки, лучше левой, или ноги, но только бы выскользнуть из этого ада...

А вчера майору Рукатову пришлось пережить такое, что не увидишь и в кошмарном сне...

* * *

Если посмотреть на топографическую карту, то даже не искушенному в военном деле человеку ясно, что от местечка Красный до Смоленска — один дневной переход, и при столь очевидной слабости на этом направлении наших сил нет возможностей задержать бронированные колонны немцев надолго. Но маршал Тимошенко требовал от генералов Курочкина и Лукина ни на день не снижать активность своих войск, чередуя маневренную оборону с нанесением контрударов.

14 июля генерал Чумаков через офицера связи 20-й армии был ориентирован в обстановке, но конкретной задачи для своей группы войск не получил, ибо связь со штабом фронта нарушилась.

Левый фланг армии генерала Курочкина попрежнему сдерживал немецкие механизированные части, рвавшиеся к Смоленску по довольно густой сети дорог, что между Дубровно и Горками. На других направлениях эту же задачу решали, находясь пока во втором эшелоне, шесть подвижных отрядов, сформированных из двух дивизий 16-й армии генерала Лукина. Генерал Чумаков принял решение использовать рубеж речушки Лосвинка, петлявшей с юга к Днепру, и приказал подразделениям своих частей окопаться на склонах оврагов и по опушкам леса над Лосвинкой, заминировать танкоопасные направления, поставить на прямую наводку пушки, в том числе и гаубицы, закопать в землю отдельные танки, побольше сделать лесных завалов и попытаться закрыть образовавшуюся брешь после прорыва противника 13 июля на участке Копысь — Шклов.

По примеру маневренных действий армии генерала Курочкина в трех километрах перед основным рубежом были наспех оборудованы по обе стороны дороги ротные опорные пункты и огневые позиции артиллерии, чтобы вынудить противника развернуть там свои войска для атаки, обрушиться на него огнем и затем отойти на главный рубеж, где были приготовлены к бою все наличные силы и средства.

Самая трудная задача, как полагал майор Рукатов, досталась ему. Генерал Чумаков приказал Алексею Алексеевичу устроить артиллерийскую засаду, взяв под контроль дорогу, по которой, по всей вероятности, устремятся к Смоленску танковые силы левого крыла 47-го механизированного корпуса немцев. Дорогу надо было держать до тех пор, пока с командного пункта тремя зелеными ракетами не будет дан сигнал для отхода,— с учетом боевой обстановки в центре оборонительного рубежа. Федор Ксенофонтович дважды напомнил ему о ракетах, и Рукатову виделся в этом злой умысел: ракет можно и не заметить, можно и забыть пульнуть ими в небо, а отойдешь без приказа — потом не оправдаешься. Тут и слепому ясно, что генерал Чумаков хочет подвести его, Рукатова, под трибунал.

Ожесточившись до крайности, Алексей Алексеевич решил держать ухо востро.

Генерал Чумаков на восходе солнца отдавал боевой приказ у тригонометрической отметки 238, торчащей на самой макушке высоты, скаты которой были исполосованы оврагами и промоинами, заросшими бузиной и боярышником. С небольшой плеши бросовой земли, где одиноко маячила эта почерневшая от времени деревянная вышка, открывалась широкая, но не радующая глаз панорама. Смоленская возвышенность курилась в пожарищах. Косой и рваный столб бурого дыма поднимался над местечком Красным, уже занятым врагом. Оттуда отчетливо доносились пулеметные очереди и пушечная стрельба: это наши подвижные отряды, оседлав ведущие из Красного дороги, старались не выпустить оттуда немцев. Далеко справа, в низменности, за темным и холмистым лесом, прятавшим Днепр и станцию Гусино, тоже валил в небо дым. Его черные клубы время от времени пронизывались острыми языками пламени: было ясно, что там горела то ли нефтебаза, то ли полыхали бензоналивные цистерны.

Но всех, кто был на высоте, особенно настораживали отзвуки далекого боя, временами докатывавшегося со стороны Монастырщины, Хиславичей и Починка. Федор Ксенофонтович, наспех ставя задачу собравшимся командирам и слыша приглушенную расстоянием пальбу, кажется, не решался посмотреть им в глаза, зная, что томит их один и тот же вопрос: если немцы огибают Смоленск с юга, а приказа об отходе нет, значит, войсковую группу Чумакова опять ждет окружение?..

Рукатову же казалось, что Федор Ксенофонтович только из-за него одного не отдает такого приказа. Эта мысль черным червем сверлила ему мозг даже тогда, когда он и майор Быханов, заменивший погибшего в окружении под Оршей командира артиллерийской бригады полковника Москалева, поехали выбирать место засады. От бригады осталось всего лишь два дивизиона, и одним из них командовал сам Быханов — кадровый командир, умевший, как твердила молва, первым снарядом, без пристрелки, попадать в закрытую цель, если на топографической карте точно обозначены место цели и место огневой позиции орудия, из которого майор должен стрелять. Быханов был крупнолицым, крупноруким и плечистым. На его добродушном, губастом лице часто светилась улыбка, но не без хитрецы в глазах. Эта хитреца как бы подчеркивала превосходство майора в артиллерийских делах перед всеми остальными.

Они ехали на полуторке по ведущему на юго-запад грейдеру навстречу людскому потоку: это уходили от врага смоляне, бывшие на окопных работах, и отступали на новый рубеж обороны поредевшие батальоны... Справа от грейдера начался лес — тучный, заматерелый, а слева, в низине, за поросшим кугой болотом, блестело спокойной водой узкое и длинное озерцо, теснившее грейдер к лесу. За озером горбатилась возвышенность, покрытая молодым ельником.

Ельник за озером — это и было намеченное по карте место артиллерийской засады. Майор Быханов, к своему удовольствию, быстро определил, что с грейдера танком нигде нельзя перебраться на возвышенность: мешало не только озеро, но и впадавшая в него и вытекавшая из него чахлая речушка, заболотившая берега до полной их непроходимости. Зато была возможность доставить туда пушки, если километров пять проехать назад, к Смоленску, а затем за хутором Буяково свернуть на полевую дорогу, которая по оврагам вихляет прямо к возвышенности, что над озером.

Во второй половине дня уже все было готово к встрече врага. Несколько батарей полковых пушек окопались и замаскировались на склоне в ельнике для стрельбы прямой наводкой через озеро по грейдеру. Взвод саперов за поворотом дороги приладил особым образом к двум десяткам вековых сосен толовые шашки, чтобы при появлении немецких танков взорвать деревья и свалить точно на дорогу.

Свой наблюдательный пункт артиллеристы отнесли метров на триста вверх по склону, откуда из окопчиков хорошо просматривалась в оба конца дорога. Здесь пришлось немного расчистить ельник, убрав деревца, мешавшие обзору и подъезду с тыла. Рукатов привел сюда и свою штабную полуторку, чтоб в любую минуту можно было умчаться на командно-наблюдательный пункт генерала Чумакова, разместившийся близ хутора Буяково, а точнее — чтоб в случае опасности исчезнуть отсюда.

На войне редко бывает, когда события развертываются так, как тебе желается, тем более при столь большом неравенстве сил и уверенных действиях немцев и при смятенности духа обороняющихся, вокруг которых со всей очевидностью захлопывался капкан. Но все-таки немцам были продиктованы условия, выработанные генералом Чумаковым. Минированием дорог, лесными завалами, артиллерийско-минометными огневыми нападениями чумаковские части заставили главную колонну мотомеханизированных войск врага вползти в теснину между густым лесом и озером, за которым метрах в четырехстах от дороги приготовились к бою артиллеристы. По сигналу майора Быханова, когда огромная вереница немецких танков, дымя и грохоча, вытянулась вдоль озера, следуя за оравой своих мотоциклистов, саперы взрывной машинкой дали искру заряженным толовым шашкам, и гулкий взрыв в конце озера за поворотом большака бросил на его проезжую часть могучие сосны, отгородив завалом мотоциклистов от танков.

Рукатов, вдоволь насмотревшись из окопчика на мотоциклистов и на головные танки, в десять раз приближенные стереотрубой, уступил место у треноги майору Быханову, а сам, перебравшись в соседний окоп, продолжал наблюдать за развитием событий в бинокль.

Бой начался сразу же, как рухнули на дорогу подорванные деревья. Это был первый бой, так близко виденный Рукатовым, и напряжению Алексея Алексеевича не было предела. Когда загорелись от прямых попаданий снарядов два передних танка, а затем закружила на одной гусенице подбитая машина далеко слева, где-то почти в хвосте колонны, фантазия Рукатова взметнулась к самым облакам. Он уже мысленно докладывал генералу Чумакову о чудовищных потерях, нанесенных немцам артиллерийской группой под его, Рукатова, командованием, писал обстоятельное донесение в штаб артиллерии фронта и видел себя в чести и славе. Первые минуты бой действительно складывался для немцев трагически. Полтора десятка наших орудий, расположенных побатарейно на склоне возвышенности, прямой наводкой в упор расстреливали вражеские танки. Почти вдоль всего озера вспыхнули чадящие костры. Некоторые танки, перевалив кювет, безуспешно пытались укрыться в глубине леса, а отдельные, развернув башни в сторону батарей, начали отстреливаться.

К сожалению, танков было очень много —

свыше полусотни, и, попав в западню, те из них, что еще не были расстреляны, начали бить из своих пушек и из пулеметов через озеро по совсем близким орудиям, перед которыми предательски плавала взвихренная выстрелами пыль, смешанная с сизым пороховым дымом. И хотя внезапное огневое нападение поначалу дало большие преимущества артиллеристам майора Быханова, но уже минут через пять сказалось численное превосходство немецких танков. Правда, Рукатов уже успел насчитать девятнадцать подбитых и подожженных крестатых машин, мысленно прибавил к ним десятку — для внушительности предстоящего доклада. Но в это время чуть выше наблюдательного пункта с таким страшным грохотом разорвался снаряд, что Алексей Алексеевич и не опомнился, как втиснулся в окопчик с головой, прижавшись к дну. Затем взрывы, сотрясая вокруг склон, стали следовать один за другим. Жестко и нервно зататакали из танков пулеметы, хлестко защелкали над окопом пули, сшибая елочные ветки Рукатову на голову.

Частые пушечные выстрелы, оглушающе резкие взрывы снарядов, забористо злой клекот десятков немецких пулеметов сливались в сплошной страшный рев, и обезумевшему от страха Алексею Алексеевичу, ощущавшему телом, как вздрагивали стенки и дно окопа, казалось, что наступил конец его жизни. Он слышал, как в соседнем окопе майор Быханов надрывно кричал в телефонную трубку, приказывая кому-то бить по хвосту колонны вдоль дороги, где танки стоят почти сплошной стеной и промашки не будет, кому-то грозился за медлительность, кого-то грубо бранил за что-то.

Теснина между озером и лесом начала заволакиваться дымом от горящих танков, пороховыми газами и пылью. Необъяснимо по каким законам природы вся эта взметнувшаяся в воздух муть плыла с обеих сторон к воде и вставала над озером непроглядной пеленой. Артиллеристам майора Быханова все труднее было вести прицельный огонь, и пальба стала заметно редеть. Ослепленные немецкие танкисты тоже перестали стрелять из пушек, продолжая, однако, наугад давать длинные пулеметные очереди. Но вскоре ослаб и пулеметный огонь.

Артиллерийская засада свою задачу выполнила, и майор Быханов приготовился было отдавать приказ дивизиону сниматься с огневых позиций и толкать пушки к стоявшим на дороге в ельнике грузовикам. Но тут случилось непредвиденное: сказали свое слово прорвавшиеся вперед немецкие мотоциклисты, о которых в пылу боя все позабыли. Мотоциклисты после того, как сзади них рухнули на дорогу могучие сосны, вначале нырнули в лес, чтоб, обойдя завал, вновь оказаться вместе с танками. Но когда из-за озера ударили пушки и танки один за другим начали вспыхивать, мотоциклисты поспешно вернулись на дорогу, проехали по ней дальше, обогнули озеро и, бросив на берегу мотоциклы, вброд перешли речушку, имея при себе автоматы и ручные пулеметы. Правда, пока они успели зайти в тыл артиллерийской засаде майора Быханова, бой уже затихал...

Майор Рукатов, не веря еще, что уцелел в этой оглушающе ревевшей огненной кутерьме, и видя, что майор Быханов выбрался из своего окопа и отдает какие-то распоряжения сержанту-связисту, надевающему за спину катушку с телефонным проводом, кинулся вверх по косогору к своей, стоявшей в глубине ельника полуторке, чтобы немедленно уехать подальше от этого ужасного места. Где-то глубоко в нем обжигающе тлела мысль о зеленых ракетах, которые должны были взлететь над лесом по ту сторону дороги, как сигнал для отхода. Но за дымной пеленой не было видно ни леса, ни неба, и у Алексея Алексеевича сквозь неостывший страх толчками пробуждались мстительные мысли, обращенные к генералу Чумакову: легко тебе, мол, отдавать приказы, отсиживаясь в тылу, а понюхай сам пороху, побудь под прицелом врага, тогда узнаешь, можно или нет дождаться ракет...

Вскарабкавшись по склону к стоявшей на взлобке машине, Рукатов обмер от неожиданно страшного зрелища. Он увидел, что его шофер, молоденький боец-первогодок, навзничь лежал на сиденье кабины, свесив к подножке окровавленную голову и поджав к уже выбеленному смертью лицу руки, словно пытаясь закрыться ими. Вся машина была иссечена пулями и осколками, скаты колес обмякли, переднее стекло в дырах и трещинах.

Содрогаясь от ужаса и ощущая приступ тошноты при виде все еще стекавшей по лицу шофера крови, Рукатов не успел постигнуть мыслью случившееся, как вдруг из глубины ельника, в нескольких десятках метров от него, с гулкой въедливостью застрочили немецкие автоматы и ручные пулеметы. Десятки светлячков-пуль замелькали перед самым лицом Алексея Алексеевича, и он камнем рухнул на горячую от солнца и пахнущую хвоей землю. Заскулив от напряжения и страха, он пополз вниз по склону, да так проворно, как еще никогда не ползал. А сзади, совсем близко, раздавались резкие гортанные вскрики-команды, продолжали неистово строчить очереди, хищно и громко щелкали над головой разрывные пули.

Продолжая в паническом беспамятстве ползти вниз, Алексей Алексеевич наткнулся лицом на колючие ветви приземистой елки, широким окружьем раскинувшейся по самой земле. Даже не опомнился, как юрко забрался под них. Мелькнула нелепая мысль: когда он с Зиной ходил в лес по грибы, всегда зыркал таким елкам под подол, надеясь найти боровик, а сейчас сам нырнул всем телом под зеленую юбку ели.

Мысль тут же угасла, уступив место новому приливу ужаса: у него над самой головой вдруг оглушающе застучал немецкий автомат, и на его плечи, на шею брызнули сквозь ветви горячие стреляные гильзы, от которых притворно запахло сгоревшим порохом. Рукатов, кажется, перестал дышать, перестал ощущать себя. Автоматная очередь казалась нескончаемой, нестерпимо жгла упавшая за воротник гимнастерки гильза, и устрашающе воняли гуталином и пылью сапоги немца, примявшие лапчатые ветки у самого лица Алексея Алексеевича.

А со стороны огневых позиций батарей доносились какие-то возгласы, истеричные крики, истошные вопли. И вдруг весь этот гвалт перекрыла взвинченная и в то же время властная команда:

— Противник с тыла-а!.. Развернуть орудия!.. Картечью заряжа-а-й! Огонь по наблюдательному пункту-у!

Рукатов узнал голос майора Быханова и удивился, что командир дивизиона еще живой, и тут же вновь ужаснулся: сейчас развернут в эту сторону пушки и ударят картечью!.. Ударят прямо по нему, Рукатову, начальнику артиллерии!

А немецкий автоматчик, не зная, что ему сейчас грозит гибель, все стоял у Алексея Алексеевича над головой и, заменив опустевший магазин наполненным патронами, вновь посылал в сторону батарей очередь за очередью.

Чудовищный страх сжал ледяными тисками тело Рукатова. Затылок его будто налился холодным свинцом, и Алексей Алексеевич, кажется, перестал дышать и ощущать себя. Только где-то глубоко в нем вдруг завопила мысль-мольба. Рукатов торопливо и горячо стал кого-то умолять, чтоб на этот раз пощадил его, каялся в своих грехах, горячо заверял, что повинится во всем перед Чумаковым, перед его женой и их дочерью Ириной... Только бы остаться живым!.. Живым!.. Живым!..

С ужасающей силой обрушился на склон ельника залп сразу двух ближайших к наблюдательному пункту батарей, командиры которых услышали команду Быханова. Под картечным шквалом вздрогнул и протяжно загудел косогор, густо посыпались на землю ссеченные ветки, тревожно закачались вокруг молодые деревья, будто под дуновением порывистого ветра. Рядом с Рукатовым рухнул на траву сраженный насмерть немецкий автоматчик, и на немца тут же упала сшибленная свинцом верхушка елки, той самой, которая прятала под своим зеленым подолом Алексея Алексеевича Рукатова.

Достаточно было еще одного залпа картечью, и тылы артиллерийской засады оказались очищенными от врага.

Продолжение следует.

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР

БЕРЕЧЬ И ЛЮБИТЬ

Благодарим редакцию журнала «Огонек» за публикацию в № 24 прекрасной патриотической статьи М. Поспелова и Э. Дьяконова «Память о героическом прошлом», посвященной нынешнему состоянию памятника героям Куликовской битвы — Пересвету и Ослябе.

Чтение таких статей, знакомство с фактами, в них освещенными, необходимо для каждого русского человека, для каждого гражданина Советской Родины. Настоящее — ступень между прошлым и будущим; потому должна быть нерушима связь поколений, тем более нашего русского народа, имеющего величественную и благородную историю. Бороться с бездуховностью, антипатриотизмом учит нас партия, в частности постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы».

В свете этого важного партийного документа особенно своевременно звучит статья М. Поспелова и Э. Дьяконова, проникнутая любовью к нашим общим святыням и болью за возможность их утраты и забвения. Присоединяемся к авторам статьи, просим не допустить беззаконного, осквернительного отношения к памятнику великим героям!

Что мы оставим правнукам? Сохраним ли то, что прадеды сохранили для нас? Все это во власти теперешних граждан Советской России. Пусть же руки наши будут любящими и бережными, а статей, подобных «Памяти о героическом прошлом», появляется больше, потому что многие жемчужины русской культуры до сих пор находятся в запущенном состоянии.

МАРКИЛОВА Е. А., ГОРОХОВА М. Н., КОЖУХОВА Т. Н., ДОРОНИН А. И., НИКУЛИНА Н. А.

•

КОМСОМОЛЬСКАЯ ЮНОСТЬ

Так и пахнуло мне в душу ветром милой комсомольской юности, когда я прочитала в «Огоньке» заметку Б. Баянова «В далеком уральском поселке» (№ 24 за этот год). Не довелось мне побывать в то время в Майкоре, что стоит на высоком берегу светлой речушки Иньвы, но ясно вижу этих заводских мальчишек, пионеров, комсомольцев, которых так щедро растила наша страна. Вышли из них потом крупные руководители народного хозяйства, воины, рабочие. И так ведь было в каждом селе, в каждом городе, где были ячейки партии, где росла ее смена — комсомольцы, пионеры...

Да, кстати сказать, и сам автор заметки — пионер Боря Баянов, которого я знала как пионерского корреспондента пермской газеты «Будь готов», вырос в столичного работника печати.

Прекрасно делает «Огонек», что открывает страницу нашего героического прошлого, рассказывает о ее людях. Силами этих безвестных и хорошо известных теперь людей, огнем их души и их житейской мудростью создавалась, росла, восходила к вершинам славы наша великая Родина.

Надежда КОРОЛЕВА, комсомолка двадцатых годов

«МАЛЬЧИШКИ И ДЕВЧОНКИ»

Так назывался очерк Г. Куликовской («Огонек» № 19, 1979), в котором рассказывалось о судьбе детей, потерявших родителей и семьи в годы Великой Отечественной войны, о благородном труде педагогов, воспитателей и шефов бывшего детского дома № 19. Недавно состоялась встреча воспитанников этого дома, посвященная Международному году ребенка.

Публикация этого волнующего, гуманного очерка — радостное событие не только для нас, его воспитанников. Многочисленные телеграммы и письма свидетельствуют о его большом воспитательном значении.

Воспитанники бывшего детского дома № 19 Москвы С. ШУМЛЯНСКАЯ, А. ТИХОНОВ, Е. ТИМОФЕЕВ, Б. ТКАЧЕНКО, Л. КИМ и другие

интервью «огонька»

БУДЬ ЗДОРОВ,

На Ломоносовском проспекте Москвы, в левом крыле Института педиатрии Академии медицинских наук СССР, помещается главная детская амбулатория страны — научно-консультативная поликлиника института. Трудно найти на карте нашей Родины точку, откуда бы не приехал сюда хоть один маленький пациент. Приезжают и из-за рубежа. Только пациенты особые: легких случаев здесь не бывает. Детей направляют в эту поликлинику, если местные врачи затрудняются в диагнозе или же известные методы лечения не приносят успеха. То есть в той ситуации, когда требуются богатейший опыт, смелое мышление клинициста, вся мощь современной науки врачевания.

Корреспондент «Огонька» Н. Верина попросила рассказать о деятельности поликлиники ее заведующую, заслуженного врача РСФСР Антонину Семеновну КОРОЛЬКОВУ.

— Как работают обычные детские поликлиники, известно всем. Но поскольку ваша необычная, видимо, тут все не совсем так, как в районных амбулаториях?

— Разница начинается уже с задач. Для районной поликлиники главное — профилактика и лечение заболеваний. А наша, словно Янус: одним ликом обращена к пациенту, другим — к науке. Консультируя больных, мы в то же время обязаны помогать институту в его исследовательских работах. Конечно, эти задачи теснейшим образом взаимосвязаны.

— А каким образом попадают сюда на консультацию?

Заслуженный врач РСФСР
А. С. КОРОЛЬКОВА

— С просьбами принять трудных больных к нам обращаются все амбулатории страны. Присылают заключение местного врача и выписку из истории болезни. Если выписка толковая, а случай не особенно сложный, можно ограничиться заочной консультацией. Но так бывает не часто. Обычно же, ознакомившись с выпиской, назначаем время консультации. Нередко пишут сами родители.

Был такой случай. Пришло письмо с далекого севера. Женщина, поздно родившая ребенка, молила о помощи: ее дочь угасает. Конечно, пригласили в Москву. Девочку удалось спасти, хотя болела она очень тяжко. Положили ее в институтскую клинику, потом местные врачи, руководствуясь нашими рекомендациями, вели дальнейшее лечение. Иногда являются к нам прямо с чемоданами... А бывает и так: люди обращаются издалека, не зная, что буквально у них под боком соответствующая клиника. Посылаем туда письмо, а копию — матери.

И москвичи звонят: «У меня ничего нет. Есть только ребенок и его болезнь!..» Как-то мы из интереса подсчитали — сколько же телефонных разговоров за день. Оказалось, триста два звонка!

— Сколько больных вы принимаете в год?

— Примерно тысяч двенадцать.

— Наверное, у вас большой штат?

— Не сказала бы: всего пятнадцать человек — два педиатра, десять медсестер, старшая сестра и две санитарки. Зато коллектив дружный, деятельный, гибкий. Шесть лет работает здесь медсестра аллергологического кабинета Галина Дмитриевна Агалакова, специалист своего дела. Ветераном поликлиники можно назвать старшую сестру Аллу Яковлевну Ковернега. Она участница войны, ушла в действующую армию с третьего курса мединститута. Генерал Толубко до сих пор поздравляет ее с праздниками, значит, на фронте она работала на совесть. И у нас Алла Яковлевна — душа сестринского коллектива. Наставляет своих молоденьких коллег, обучает нелегкой работе. Попробуйте сделать ребенку укол так, чтоб без слез, без крика, а наши сестрицы умеют уговаривать самых пугливых. И в регистратуре они трудятся: только сестры с медицинским образованием способны надлежащим образом заполнить историю болезни. Регистрационные карточки — наше богатство, они необходимы и для повторного обследования и для научной работы.

Юные сестрицы полны старания. Иногда, правда, жалуются: «Да, а чего мамаша скандалит, я же с ней вежливо...» Говоришь в таких случаях: «Что поделаешь, к нам не от хорошей жизни идут. Вы вот здоровы и счастливы, а у этих людей беда — они измучены страданиями ребенка. Загляните в историю болезни и назовите маму по имени-отчеству, да притом с вашей юной улыбкой. И весь конфликт сразу рассеется. Учитесь основным добродетелям медика — терпению, участию, жалости. И помните: поликлиника — лицо института. Как мы примем больного, как утешим его родителей, так и будут люди судить об институте».

— И все-таки каким образом вы справляетесь с множеством консультаций?

— Секрет простой: прием в поликлинике ведут все специалисты института — тридцать профессоров и докторов наук, сто кандидатов. Причем у нас нет специального дня консилиума. Каждая консультация — это и есть консилиум. Все вопросы решаются в рабочем порядке. После первичного осмотра показываем ребенка консультанту, а то и нескольким.

Помогают нам и специалисты из других учреждений. Например, из Института курортологии и физиотерапии, из Института питания — диета необходима при любых заболеваниях, даже при неврологических.

Кстати, время консультации не ограничено. Иногда уже первичный осмотр занимает не менее часа.

Немало ребятишек «прописываются» в поликлинике на долгие годы. Многолетние наблюдения, в динамике, с изучением отдаленных результатов лечения ведутся при сердечно-сосудистых заболеваниях, хронических и наследственных недугах, при нарушениях эндокринной и кроветворной систем, бронхиальной астме и других болезнях.

— Скажите, а есть ли детские болезни, наиболее характерные для нынешнего времени?

— К сожалению, есть. Вот, например, явно положительное явление — каждой женщине сейчас стремятся сохранить беременность и помогают произвести на свет живое дитя. Но ведь роды при этом иногда бывают трудными, и такие малыши зачастую без поддержки медиков не могут вырасти вполне здоровыми.

А наиболее распространена аллергия. Недаром при нашей поликлинике был организован аллергологический центр, возглавляемый крупнейшим специалистом, профессором Татьяной Сергеевной Соколовой. Малышей мучает диатез. Нередко дети с ним рождаются, потому что их мамы не то и не так едят: культура питания беременной женщины основательно подзабыта, а воспитание этой культуры должным образом не ведется. И младенцев вскармливают неправильно: почему-то сданы в архив кислые смеси. Но именно на них основатель советской педиатрии Георгий Несторович Сперанский и его ученики растили поколения детей.

Из аллергологических заболеваний особенно опасна бронхиальная астма. Ею страдали еще за три тысячелетия до нашей эры, но до сих пор проблема ее радикального излечения не решена. Ныне астме способствуют городской микроклимат и обилие синтетики. Поэтому медики ратуют за хлопчатобумажные ткани. Однако легкая промышленность не очень-то идет нам навстречу...

Наблюдаются случаи повышения кровяного давления у детей. Теперь благодаря тщательной диспансеризации и научным наблюдениям педиатры распознают эти явления. Но мы постепенно склоняемся к еретической мысли: а может, в большинстве своем это естественный ответ организма акселерата на раннее физическое созревание?

— Антонина Семеновна, простите за неделикатный вопрос: вот вы врач-клиницист с тридцатилетним стажем. Но не слишком ли много при такой-то квалификации у вас чисто административных обязанностей?.. Почему вы улыбаетесь?

— Вспомнила, как боялась погрязнуть в административных заботах, когда меня сюда «сватали», и долго не сдавалась на уговоры. Но директор института, прекрасный педиатр Митрофан Яковлевич Студеникин обладает даром убеждения. На мои слова: «Я детей лечить хочу!» — он ответил: «Не волнуйтесь, ваши ненаглядные и там вас найдут». И не успела я в новом качестве войти в поликлинику, раздается звонок: «В Москву приехала ваша бывшая пациентка Амината, дочь Секу Туре, просит, чтобы Антонина Семеновна «посмотрела ее своими руками». Как я ей тогда обрадовалась! А теперь уж и вспомнить трудно, сколько ребятишек я тут приняла за четырнадцать лет.

Конечно, работа в поликлинике требует навыков не только медицинских. Приходится, скажем, проявлять некоторую гибкость, чтобы все необходимые лабораторные исследования проводились для наших пациентов вне очереди. И в отношениях с консультантами тоже нужна гибкость. Коллектив в институте прекрасный, высокодисциплинированный, но народ все крайне занятой. Однако у нас иногда возникает необходимость показать ребенка не только тем специалистам, к которым он назначен. Звоню в соответствующую клинику, прошу: «Тут, знаешь, мать приехала с малышом, а на улице дождь. Сегодня нам без твоей помощи не обойтись...» Иногда обругает: «У тебя, Антонина, напор, как у танка. Интересно, что ты в ясную погоду придумаешь?» «Слушай,— говорю,— почему-то никто и никогда не попросил у меня билета в Большой театр, а просят у меня только вас, докторов». Засмеется мой консультант и посмотрит больного.

Конечно, административные хлопоты отнимают немало времени. Хорошо, что институт — от директора до главной сестры — помогает нам буквально во всем, и в крупном и в малом. Даже институтская кухня на нас работает: когда консультация затягивается, оттуда присылают ребятам еду и грибки дают для кефира.

Еще, признаюсь, есть в поликлинической работе и такая неожиданная сторона: родители часто делятся своими заботами, просят помощи в делах житейских. Порой решаем, следует ли разведенной матери подавать в суд на дополнительные алименты, даем справку о необходимости выделить семье бóльшую жилплощадь, подсказываем, в каком климате лучше жить ребенку. Даже организуем, когда нужно, школьникам учение на дому, с помощью роно. Как же иначе: здоровье ребенка и спокойствие матери зависят не только от медицины...

— Кстати, о заботах хозяйственных. В вашей поликлинике так

красиво. Изящное панно в холле, нарядный линолеум, полно игрушек. Вот и у вас в кабинете: яркие гномики на смотровой кушетке, на столе подставка для ручки с забавным автомобилем...

— Все это наши маленькие хитрости. Врачуя недуги ребенка, мы не имеем права закладывать основу для будущих неврозов. Дети трудно переносят боль, не могут разобраться в ее причинах, у них создается впечатление, что виноват осматривающий врач. Значит, нужно отвлечь внимание и свести к минимуму неприятные ощущения во время осмотра и процедур. Тут-то и нужны игрушки. И осматривать детей приходится не так, как взрослых, только обманывать их не надо, обмана они не прощают. Самое лучшее представить все, как игру. Вот, скажем, обследуешь рот и горло малыша. Говоришь ему: «Покажи-ка, сколько у тебя зубов. Теперь давай их посчитаем чьим хочешь пальчиком, а хочешь, вот этой палочкой».

— Поскольку вопрос вроде чисто административный так органично принял медицинский аспект, хотелось бы знать, каким вам представляется педиатр в идеале?

— Первое, что ему необходимо,— это любовь к детям и доброта. Кроме того, надлежит быть психологом, ведь, исцеляя ребенка, приходится исцелять и родителей — давать деликатные советы в личной жизни, корректировать семейные взаимоотношения. Надобны, естественно, и способности педагогические.

Теперь о качествах медицинских. В идеале педиатр обязан быть кардиологом, ревматологом, невропатологом, отоларингологом, инфекционистом, пульмонологом... А сейчас порой с тревогой наблюдаешь: иные молодые люди интересуются только частными вопросами, целенаправленно стремясь к диссертации. Специализируются либо по правому, либо по левому ушку. Что ж! Диссертацию такой, может быть, и защитит, однако не станет ни настоящим врачом, ни настоящим ученым. Мне думается, что путь молодежи в науку должен быть иным: сначала работа по широкому профилю и только потом, на основе опыта, выбор своей исследовательской темы.

У педиатров из нашего института иногда спрашивают: «Откуда вы все знаете?» А у них опыт колоссальный: начинали-то многие с районной поликлиники.

— Последний вопрос. У вас на столе множество детских фотографий, это что же, самые трудные пациенты?

— Вы правы, все эти ребятишки достались нам нелегко и наблюдаем за ними до сих пор, хотя многие уже стали взрослыми. Они, понятно, особенно дороги нам.

Вот три портрета Машеньки из Ташкента. Ее привезли в Москву двенадцать лет назад по поводу гемангиомы, сосудистого разрастания на лице. Гемангиому удалили в больнице имени Филатова, а потом девочку прислали к нам на консультацию. Ее близкие умилялись, что девочка ходила на пальцах,— дескать, растет будущая балерина. Но, увы, то был результат родовой травмы. В сердце у Маши прослушивался шумок, спала она плохо, отличалась неуравновешенностью — чуть что, сразу в крик, с детьми контактировала плохо. Вдобавок ко всему носоглотка — хуже некуда. Пришлось удалить миндалины и аденоиды, затем назначили комплексную медикаментозную терапию, массаж, лечебную гимнастику. Несколько раз в год родители привозили Машеньку к нам на консультацию. Постепенно девочка выправилась. Теперь она уже оканчивает музыкальное училище, причем на одни пятерки.

А это москвич Саша. Видите, какой славный. Но до чего же трудно достался и матери и нам! На свет появился богатырем, но был парализован. Из родильного дома Сашу доставили в институтскую клинику, провели необходимое лечение. Потом — к нам под крылышко. Им занимались психоневролог, аллерголог-иммунолог (таким детям прививки нужно делать с осторожностью) и ваша покорная слуга. Теперь мальчик уже в четвертом классе, хорошо учится, все у него в порядке. Но Саша и сейчас у нас под наблюдением, и до сих пор приходится продлевать ему время каникул.

Вот этот здоровяк, Андрей, страдал бронхиальной астмой в тяжелой форме. В результате лечения стал отличным хоккеистом. А красавец в военной форме — Миша из Андижана, бывший доходяга, с тяжелыми неврозами и кучей других болезней. Он теперь настолько здоров, что прошел строжайшую медицинскую комиссию, поступая в военное училище. Ныне Михаил — отличник Советской Армии, командир взвода, член партии. Скоро будет защищать диплом.

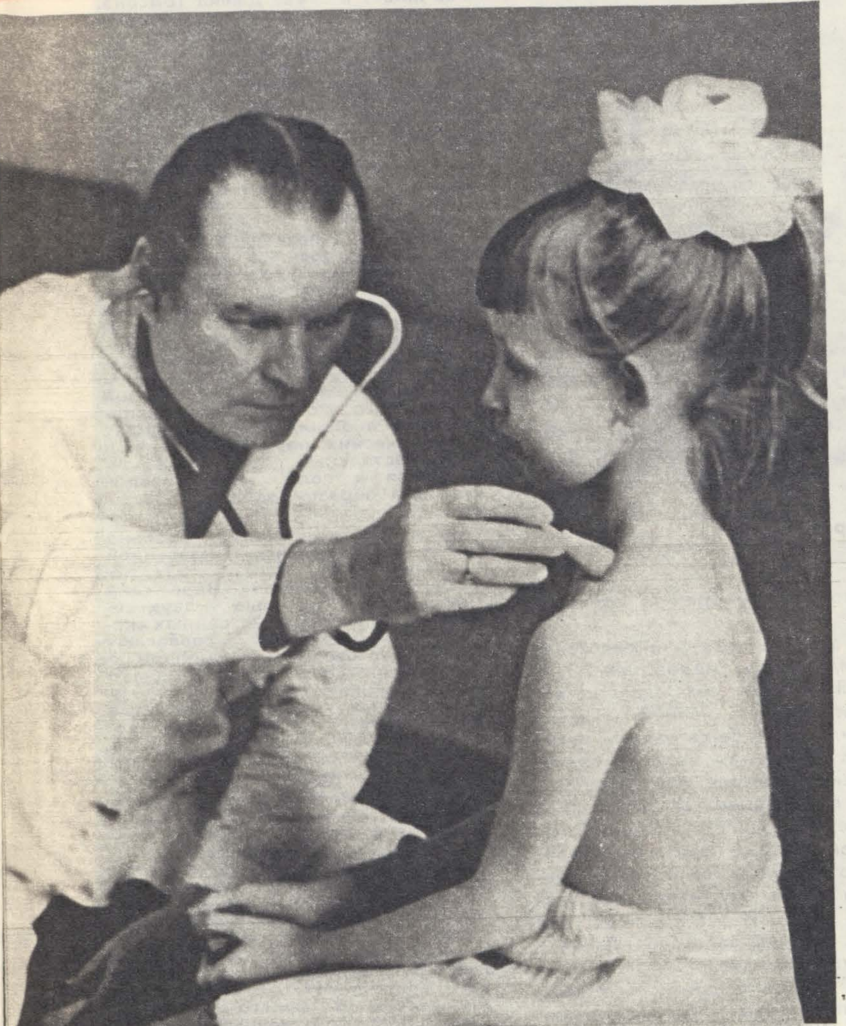
С особым удовольствием я думаю о том, что некоторые наши ребятишки решили стать врачами: на втором курсе мединститута учится Алешка, мальчик, с которым в свое время мы немало повозились.

Как же нам ими не гордиться? Каждому отдана частица души, боль сердца. Говорят: не та мать, что родила, а та, что вырастила. А врач, исцеливший недуг? Смею надеяться, что он тоже близкий родственник «своим» детям...

* * *

Наша беседа окончена. В дверь уже стучат: привезли крохотную девчушку с родовой травмой. На лицах молоденьких родителей тревога, бабушка с дедушкой тоже расстроены, но бодрятся. И все с надеждой глядят на Антонину Семеновну. Она осматривает малышку, а потом вдруг бережно поднимает и ставит на ноги. Родители в ужасе: как же это, ребенку всего восемь дней! А я уже знаю, что это значит — врач проверяет, есть ли шаговый рефлекс. Девчонка перебирает ножками, и Антонина Семеновна, облегченно вздохнув, улыбается: «Ну, поздравляю вас, в жизнь ваша дочь уже пошла! Теперь будем ее лечить, чтобы шагалось ей по жизни уверенно и легко».

МАЛЫШ!

На консультации у профессора-пульмонолога Сергея Владимировича Рачинского.

Медсестра Галина Агалакова ставит аллергологическую пробу.

Перед окошком регистратуры.

Фото В. МАТВЕЕВА

Зигмунд ХИРЕН

В АМЕРИКАНСКОЙ СТЕПИ

Между побережьями двух океанов — Атлантического и Тихого — шла жатва, шла страда. И четырнадцать наших молодых специалистов сельского хозяйства были там заняты самым близким каждому из них, самым родным с малых лет крестьянским трудом. В большинстве штатов стояли знойные дни и знойные ночи, такие, что даже самые закаленные наши южане — Садриддин Мухамедов из Таджикистана, Хусан Каримов из Узбекистана, Ваган Мелконян из Армении — уверяли, что американское лето превзошло и среднеазиатское и кавказское.

Завладев полями, тысячи машин неутомимо косили, молотили, сортировали пшеницу, овес, грузили, вывозили на высоченные белоснежные элеваторы или ссыпали в принадлежащие фермерам круглые, гофрированные хранилища, оборудованные мощными вентиляционными установками.

Облепленные мякиной, соломой, остинками, стояли посреди золотых нив люди в крошечных кепочках и широкополых шляпах. Их же можно было часто видеть за штурвалами громадных комбайнов «Интернейшнл». Наверное, как и дома, ложились упругие стебли пшеницы... Мерно постукивали мотовила, толкая стебли под ножи. От непрерывного движения ножи отполировались, и казалось, будто между бороздами на земле извиваются, играют быстрые ручьи. Мчались и мчались автомашины, нагруженные доверху зерном нового урожая. И не раз за их баранками опять же восседали не только американцы, но и наши ребята, ввалившиеся в самую ломовую работу, в «страдуху», как было принято дома говорить.

Но поди сейчас разберись, кто из людей, утонувших по грудь в золотой этой ниве, американские фермеры, а кто наши, молодые специалисты сельского хозяйства, пересекшие океан, чтобы оказаться в гуще этой степной американской пыли? Одинаково усталые люди. Усталые и, я бы сказал, удивленные — удивленные, видимо, тем, что ни разу в жизни ни американцам, ни нашим не приходилось вместе, вот так рядом, плечом к плечу, косить на одном поле новый хлеб, утверждая тем самым, что самая глобальная проблема завершающегося двадцатого века должна решаться только на таких вот полях, на таких вот нивах.

Их возраст от 21 до 30 лет. И среди них главные агрономы и главные инженеры, один директор совхоза, научные сотрудники исследовательских институтов, инженер машиноиспытательной станции, аспиранты — и все они оказались в несвойственной для них обстановке. Но почему же несвойственной? Ведь мы только что видели их всех, увлеченных страдой, жатвой. Они прибыли в США для того, чтобы изучить и проанализировать земледелие этой страны. Что и говорить, земледелие прославленное и признанное всеми. Но и наши ребята, несмотря на молодость, прибыли с солидным багажом знаний и опыта. Приезжали сюда и до них, до этих молодых специалистов, наши ученые, практики, руководители крупных сельскохозяйственных предприятий. Ездили по стране, тщательно изучали, как трудятся американские фермеры, стараясь вникнуть во все детали и подробности этого труда. Наши же молодые товарищи увидели на сей раз американскую ферму как бы изнутри, прибыв в США, тотчас же разбились на небольшие группы и разъехались в разные концы страны. На фермы прибыли они, когда хозяевам было не до гостей. Да, в США уже есть фермы с компьютерным программированием, но все равно без пота, льющегося градом по лицу, без заскорузлых рук трудовых, без навоза и грязи на сапогах, увы, ни одной фермы нет и в Соединенных Штатах Америки. И это было первое, что бросилось в глаза молодым советским аграриям. И еще: динамичность, напористость американских фермеров, встретивших гостей не на пороге дома, а в открытой степи, и хоть не всегда соблюдая «протокол», хозяева с первых же минут знакомства сумели передать ток стремительной деловитости. И это

Советские гости среди американских фермеров.

сразу же внесло ясность, определенность в отношения между людьми. Дипломатия там отсутствовала, обо всем без предварительных условий говорили напрямик, без обиняков. Ни один из четырнадцати наших товарищей не вспомнит, когда бы после трудового дня в фермерских домах включали телевизор. Всем было интересно слушать, говорить, обсуждать. Возникали десятки общих проблем, множество тем для споров, дискуссий.

Ведь каждый из гостей, помимо того, что уже успел проявить себя на фермерских нивах неплохим работягой, оставил дома громадное хозяйство. А их география? Омск, Иркутск, Уссурийск, Ленинград, Солнечногорск, Вологда... Армения, Латвия, Таджикистан, Белоруссия, Узбекистан... Многообразие отраслей хозяйств? Зерно, хлопок, картофель, сады, животноводство, лугопастбищное хозяйство, сельхозмашиностроение... И что скрывать, жили все в двух измерениях: работали на фермах, а думали о том, что там, дома. Взять хотя бы того же Садриддина Мухамедова. У себя в Таджикистане он главный инженер совхоза имени XXIV партсъезда. В Южную Дакоту попал он вместе с Сашей Клочковым из Белоруссии на ферму к известному в Америке сенатору штата Милтону Лакнессу. Фермер спросил Садриддина, много ли у того дома, в Таджикистане, земли. «Лично у меня?» — переспросил Садриддин. «Да, да», — повторил американец. «Шестьдесят семь тысяч акров», — ответил Мухамедов. И тут Милтон Лакнесс сказал, что по сравнению с Мухамедовым он даже не середняк, на что наш товарищ ответил, что шестьдесят семь тысяч акров — не предел для совхоза. Есть в Советском Союзе хозяйства покрупнее. Так знакомились друг с другом, спорили, отстаивали свою точку зрения, соглашались.

Об этих вечерах мне рассказал Садриддин Мухамедов так:

— Я должен вам сказать, что климат пожарче нашего. Уже не помнил, когда была на мне сухая майка. Очень там воздух переувлажнен. Но жарче всего мне бывало по вечерам, дома у этого фермера Лакнесса. Очень любил он спорить. Клочков убедительно отстаивал нашу точку зрения, а когда ему надоедало, ложился спать. И тут уж я вступал в бой. В пылу полемики Лакнесс однажды выпалил:

«Не забудь, Садриддин, я ведь не только фермер, но и сенатор».

«А я депутат местного Совета».

«Ах, так, — воскликнул Лакнесс, — значит, и ты сенатор»...

Тут опять пошли дебаты.

«Мир между двумя великими державами!» — пытался успокоить я Лакнесса.

Расстались мы друзьями с Милтоном Лакнессом. И даже ели вместе со всей его семьей на прощание плов по-таджикски, изготовленный мною собственноручно.

Пресса американской глубинки заполнена была пространными статьями, очерками, интервью, посвященными молодым советским специалистам. Одни лишь заголовки или подписи под фото могут дать представление, какое внимание хозяева уделяли гостям. «Уборка урожая в Хаате». «Советский специалист А. Клочков просевает только что обмолоченный овес». «Русские гости помогают убирать урожай». «Через неделю начнется уборка урожая в родном районе А. Клочкова в Советском Союзе, но он помогает семье Милтона Лакнесса собирать урожай в округе Хэмлин. Клочков и его товарищ Мухамедов находятся вторую неделю на северо-востоке Южной Дакоты. На прошлой неделе оба они были в Уотертауне в гостях в семье Чака Полларда. Сельскохозяйственные машины на ферме Полларда представляют особый интерес для Клочкова и Мухамедова, так как они оба специализируются в области механики. На этой неделе они вышли в поле, чтобы помочь в работе на комбайнах американскому фермеру. Здесь выращивают зерно в дополнение к нормам для скота. Клочков заметил, что многие зерновые культуры в его родном районе те же, что и в Южной Дакоте. И оборудование одинаковое, но хозяйство в Советском Союзе ведется в более крупном масштабе, чем на ферме, потому, что у них фермы коллективные». В другой газете приезд советских специалистов расценивался как укрепление связей и взаимопонимания между советскими людьми и американцами. Вот заголовок статьи из газеты «Норс сайд ньюс»: «Колхозы — ключ к успешному советскому сельскому хозяйству». И далее текст: «Второй советский сельскохозяйственный исследователь Хусан Каримов живет в семье Джека Томсона. Каримов из Ташкента. Кто больше работает у нас, тот больше получает, объяснил он. Когда я был в Северной Дакоте, то видел: на одной ферме приостановилась работа из-за поломки грузовика. А у соседа в этот момент два грузовика были свободны, но на помощь не пришли. У нас, если у соседа поломка, ему незамедлительно помогают. А здесь все живут друг от друга далеко в прямом и переносном смысле».

Побывал я позднее в семье Каримова, беседовал с женой Ярниной — инженером-химиком текстильного института, увидел двух его детей, Домира и Хурсана. Сам Каримов работает младшим научным сотрудником Среднеазиатского научно-исследовательского института защиты растений. Окончив сельскохозяйственный институт дома, у себя, учился в аспирантуре в Ленинграде, кандидат биологических наук. В США, как и все остальные его товарищи, трудился в поле, интересовался главным образом защитой растений.

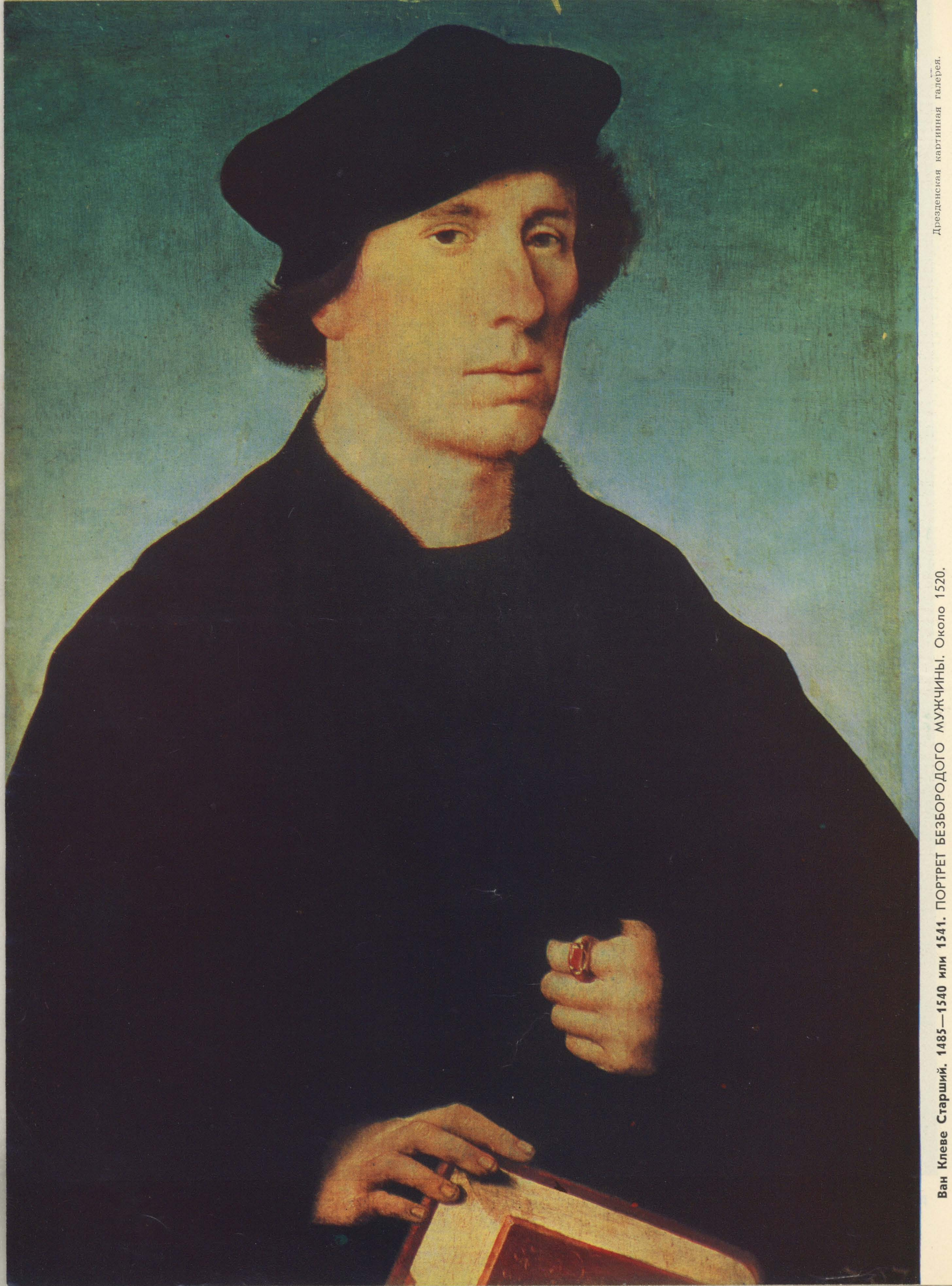
И в той же газете буквально вслед за только что приведенной статьей — новая статья: «За последние две недели «Норс сайд ньюс» взяла интервью у двух советских сельскохозяйственных специалистов, которые располагают более достоверными данными о земледелии своей страны. Однако знание жизни убедительнее поверхностных сведений, которые просачиваются в США. Оба они утверждают, что колхозная и совхозная система является и современной и эффективной».

И тут, забегая вперед, можем сообщить, что как бы в подтверждение этих слов и 14 молодых американских аграриев, которые в порядке обмена в то время, когда наши были в США, трудились на полях Белоруссии и Украины, вернувшись домой, были атакованы своими отечественными репортерами. Вопросов было много. И что же? Вот некоторые из ответов: «Мы жили в колхозе «Рассвет» в Белоруссии. У нашего хозяина — колхозника собственный автомо-

Рембрандт. 1606—1669. ПОРТРЕТ МУЖЧИНЫ С ЖЕМЧУГОМ НА ШЛЯПЕ. Около 1667.

Дрезденская картинная галерея.

Ван Клеве Старший. 1485—1540 или 1541. ПОРТРЕТ БЕЗБОРОДОГО МУЖЧИНЫ. Около 1520.

Дрезденская картинная галерея.

биль, холодильник, телевизор, семья хорошо питается...»

Ныне колхоз «Рассвет» носит имя своего первого послевоенного председателя Кирилла Орловского, которого я хорошо знал, писал о нем, и вспомнилось, как рассказывал он мне в те далекие годы о своем приезде в этот колхоз: «Приезжаю, а там небо и земля. Небо в полном порядке — солнце светит, тучки плывут, а вот с землей не все нормально: искореженная земля, изрыта воронками, окопами, постройки все сожжены».

Позднее наши ребята сообщили мне, что молодые фермеры рассказывали своим семьям, землякам о советских хлеборобах с большой симпатией и дружелюбием. «Масштабы сельского хозяйства в СССР,— говорили они,— велики. У них громадные посевные площади. Много мощных тракторов, комбайнов, немало электроагрегатов».

...Наших молодых специалистов сельского хозяйства увидел я в Москве, в Орликовом переулке, как только они вернулись из США. Еще шутили друг с другом: «Гляди, у тебя на костюме колосок американский застрял...»

Но вот за громадным министерским столом начался деловой разговор об американских впечатлениях. Что увидели, что открыли для себя за океаном? Все подняли руки, изъявляя желание высказаться. Глава делегации, 27-летний Владимир Викторович Арсенов, директор совхоза, сказал:

— Новой Америки не открыл. Есть у них много хорошего, и есть такое, что не следует перенимать, а можно сделать лучше.

Речь шла о том, что наши молодые специалисты, работая на полях американских фермеров, как бы изнутри подметили, усвоили и намерены перенести в свои хозяйства. Все в один голос подчеркивали, что фермеры были очень доброжелательны, сообщали о новых приемах ухода за почвой, выращивания зерновых, приготовления кормов.

Вскоре после нашей встречи я решил отправиться домой к некоторым нашим специалистам.

* * *

Рядом с книгами в шкафу за толстыми стеклами в одну длинную линию выстроились на полке тракторы. Правда, крошечные, почти игрушечные, но представляющие точную копию тех самых сельскохозяйственных машин, на которых потрудились этим летом наши ребята.

— «Катерпиллар»,— говорю я Владимиру Викторовичу Арсенову.

— Нет,— поправляет он,— не «Катерпиллар», а «Интернейшнл Харвестер компани». Перед самым вылетом из Нью-Йорка ко мне обратился с вопросом корреспондент:

«Сэр, назовите, пожалуйста, три вещи, которые бы желали вы вывезти из Америки в Россию».

Я ответил:

«Хорошие впечатления об американском сельском хозяйстве, более совершенное знание английского языка и надежду на расширение хороших отношений между СССР и США».

И тут ко мне устремился представитель «Интернейшнл Харвестер компани» и передал громадную коробку с этими вот миниатюрными тракторами. Уже в самолете прочитал я объяснение к ним, где говорилось, что по моделям можно получить исчерпывающее представление о сельскохозяйственной технике США за последние пятьдесят лет. Но вы уже знаете, что у нас были более широкие возможности это сделать. Ну а модели эти пригодятся в совхозе. Познакомлю с ними наших механизаторов, а заодно и своего отца Виктора Семеновича, работающего трактористом неподалеку в соседнем колхозе. Пусть прокомментирует эволюцию американской техники, тем более что сам он свою трактористскую карьеру начинал на «Фордзоне».

* * *

Арсенов не скрыл от меня, что уже с первых дней возвращения домой окунулся в кучу непредвиденных дел, трудностей. За окном шло строительство большого многоэтажного жилого дома для рабочих совхоза. На эту стройку Арсенов возлагал большие надежды, но стройка явно затягивалась, и молодой директор нервничал, сердился, не мог простить тем, кто в его отсутствие не выполнил того, о чем твердо договаривались.

Вскоре мы вновь вернулись к теме, которая привела меня домой к Арсенову. Я просил, чтобы он рассказал более подробно, какое впечатление осталось у него о фермерах, с которыми он трудился во время американской страды. Арсенов назвал Делла Рейнбоула из штата Айдахо, близ города Рексберга. «Почему именно он запомнился?»— спросил я.

— Прежде всего своей доверительностью. Не было у этого человека тайн от нас. Там называют его «картофельным королем». Это не кличка, высокий монарший титул присвоен ему за то, что он лучше всех разбирается в выращивании картофеля. У них там существуют специальные общества по отдельным сельскохозяйственным культурам. Как-то приглашает он меня поехать вместе с ним в район плотины. Едем. Он останавливает машину, выходим, и перед нашими глазами возникла картина ужасающего человеческого горя. Повсюду перевернутые вверх колесами грузовики, разбитые, заржавленные комбайны, разрушенные дома, громадные лужи. Спрашиваю Делла: «Разве и у вас была война?» «Нет,— отвечает,— это не война. Прорвало дамбу и залило все фермы, унесло верхний покров почвы, погибло несколько тысяч голов крупного рогатого скота, разрушены почти все фермерские дома. Убытки превышают миллион долларов». «Когда все это произошло?» — спросил я. «Больше года тому назад»,— ответил он. «Почему же ничего не восстановлено?» «Ждем, пока подсчитают убытки и выплатят фермерам страховку».

И тут вновь вспомнился наш белорусский колхоз «Рассвет». И разве только он один. Я поделился своими мыслями с Арсеновым.

— Знаете,— ответил Арсенов,— есть одна общая черта у всех фермеров в Соединенных Штатах. При всей их динамичности, напористости, широте натуры они ставят превыше всего сводки цен на бушель зерна. Сводки обычно передаются несколько раз на день по радио, публикуются в газетах, но все равно фермерский транзистор всегда настроен на станцию, передающую сводки. О, эти сводки, эти бушели! Там, в Америке, нам говорили, что кардиологи уверяют, что от сводок часто зависит и давление крови у фермеров и количество ударов пульса. Бушели эти бывают причиной не только гипертонических кризов, но и инфарктов.

«Как же вы не понимаете,— говорили они,— что наше фермерское благополучие очень зыбкое и целиком зависит от рыночных цен. Надо всегда быть начеку и знать, продавать ли зерно сегодня или лучше попридержать дома, не продешевить, не прогадать. Но разве угадаешь конъюнктуру, сегодня упали цены, а может случиться, что и завтра и послезавтра будут падать, как тогда?»

Не потому ли нам не раз встречались фермеры, которые на зиму нанимаются в мастерские простыми рабочими, ремонтируя там старые тракторы, комбайны. «Мы живем интересами семьи,— отвечали они, когда их спрашивали, зачем понадобилась эта несвойственная им работа.— Так спокойнее жить, хоть на время отдыхаешь от биржевых фокусов».

Арсенов познакомил меня со своей супругой Анной, студенткой Елгавской сельхозакадемии, старшей дочерью — трехлетней Дианой.

— Отбился он совсем от дома,— жаловалась жена.

Но тут выяснилось, что и ее не назовешь домоседкой. Несмотря на то, что родился сын, учебу в академии не пожелала прерывать и новый учебный год начала в ее аудиториях. Владимир также сообщил мне о своих товарищах, вернувшихся домой. Показал их письма, рассказал, что Садриддин Мухамедов вскоре после отъезда от сенатора Лакнесса получил письмо, в котором тот высоко отозвался о молодых советских специалистах, писал, что сделал о них доклад в Ротари-клубе (клубе бизнесменов). Письмо сенатора заканчивалось следующей строкой: «Я и наша семья сделаем все, чтобы отношения между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки стали намного лучше. Мы все уважаем и вас, и ваши большие знания, и ваше стремление дружить с нами».

Владимир Викторович Арсенов, достав свой американский дневник, в котором было множество рисунков, чертежей, расчетов, собирался еще что-то сообщить мне, но был прерван громким плачем, донесшимся из соседней комнаты.

Это подал голос сын Арсенова Денис, появившийся на свет, когда отец в Южной Дакоте убирал хлеб нового урожая на одном поле с семьей американского фермера.

ГЛАЗАМИ УЧЕНОГО И ПУБЛИЦИСТА

Немало публикуется у нас книг и путевых очерков, рассказывающих о жизни других стран и народов. Но совсем непросто автору повести читателя за собой, сделать участником увлекательного путешествия. Именно это удалось советскому востоковеду О. Герасимову, которого советские читатели знают по очеркам и книгам, в том числе «10 000 км по Месопотамии» и «От гор Синджара до пустыни Руб-эль-Хали», в которых он рассказывает о своих поездках по странам Арабского Востока. И новая его книга «На ближневосточных перекрестках» богато насыщена фактическим материалом. Наиболее удачны и интересны очерки об Ираке, стране с богатейшей историей, памятниками мусульманской культуры, где живет талантливый и трудолюбивый народ. Рассказы о нравах и обычаях иракцев и курдов, мусульман и христиан, кочевников Северного Ирака и жителей южных болотистых местностей — это рассказы взволнованного очевидца.

В последнее время страны Аравийского полуострова начинают играть все более заметную роль в политической жизни Ближнего Востока. Об этих странах у нас уже появилось несколько солидных книг и исследований. Однако вряд ли кто будет оспаривать мнение, что лучше понять мотивы политических событий можно лишь в том случае, если наши представления об этих краях обогатятся знанием их истории, культурных традиций народа. В этом смысле книга О. Герасимова, его рассказы о Саудовской Аравии, Кувейте, Омане и Южном Йемене дополняют имеющуюся у нас специальную литературу по проблемам этих стран, делают наши представления о них более точными и верными.

В книге «На ближневосточных перекрестках» проявились характерные для О. Герасимова вкус к детали, образное видение, пластичный стиль изложения, хороший литературный язык. Иными словами, это в полном смысле слова добротный писательский труд, сделанный свежо и свободно, окрашенный личным отношением автора к описываемым людям и событиям.

Г. ТАРАСОВ

О. Г. Герасимов. На ближневосточных перекрестках. М., «Наука», 1979, 502 стр.

О. Г. ГЕРАСИМОВ

НА БЛИЖНЕ-ВОСТОЧНЫХ ПЕРЕКРЕСТКАХ

Возвращение резидента

Олег ШМЕЛЕВ
Владимир ВОСТОКОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Глава 18

О КЛЮЧАХ

Орлов допрашивал Кутепова в Бутырской тюрьме поздним вечером в понедельник 29 мая.

Если арест и произвел на Кутепова какое-то действие, то выражалось это лишь в заторможенности. Он отвечал на вопросы охотно, но с замедлением, каждый раз переспрашивая. Это можно было расценить и как обычную уловку человека, старающегося выгадать время на обдумывание.

На привинченном к полу столе лежали вещи, обнаруженные у Кутепова при обыске: портфель с бритвенными принадлежностями и носовыми платками, документы, деньги — восемьсот рублей, аккредитивы на десять тысяч, блокнот, авторучка и прочие карманные мелочи. В бумажнике, в отдельном кармашке, нашли половинку разорванного пополам рубля, уже бывшего в обращении, не нового.

Свой чемоданчик с вещественными доказательствами Орлов поставил под стол. Начал он с обычного:

— Где вы были в ночь с двадцать первого на двадцать второе мая?

— Я?.. Я ехал в поезде... сюда, в Москву... Тут,— Кутепов показал на стол,— тут должен быть мой билет.

Орлов уже видел билет в блокноте и нашел его быстро.

— Компостером не пробит.

— Сейчас билеты в поездах иногда не отмечают,— помог Кутепову Семенов.

Орлов удовлетворился объяснением.

— Вы знакомы со Светланой Суховой, гражданин Кутепов?

— Со Светланой Алексеевной? Которая работает в универмаге? Да, знаком.

— Когда вы видели ее последний раз?

— Я?.. Недели две, пожалуй... нет, недели три назад.

— Знакомы ли вы с Алексеем Дмитриевым?

— С Дмитриевым? Первый раз слышу эту фамилию.

— Я хотел спросить, знаете ли вы, где живет Алексей Дмитриев, но ваш ответ делает это излишним. Не правда ли?

— Совершенно верно.

Орлов взял с пола свой чемоданчик, раскрыл его на коленях, извлек связку ключей на веревочке и два конверта, в которых лежало по ключу. Все это он показал Кутепову.

— Это ваши ключи? Вы узнаете их?

— Возможно, мои, а возможно, и нет.

Орлов дал ему прочесть акт изъятия ключей из квартиры и гаража Кутепова, подписанный понятыми, и спросил:

— Что вы скажете теперь? Ваши ключи?

— Я должен верить акту.

— Отвечайте прямо — ваши или нет?

— Мои.

Орлов достал из чемоданчика замок, вынутый из двери квартиры Дмитриевых, и вместе с ключом дал его в руки Кутепову.

— Попробуйте, подходит ли ключ к замку.

У Кутепова на лице появилось обиженное выражение: мол, простите, за кого вы меня принимаете и что это за детские игрушки? Но истинные его чувства были, понятно, иными. В подобных случаях принято говорить, что человек был объят острым беспокойством и предчувствием надвигающейся катастрофы. Кутепов пощелкал замком.

— Подходит.

Орлов дал ему прочесть заключение экспертизы и сказал:

— Ключ принадлежит вам. Замок изъят из двери квартиры, где живет Алексей Дмитриев, которого вы якобы не знаете. Как вы это объясните?

Кутепов словно бы смертельно устал и не имел сил ответить.

Затем та же процедура была проделана с висячим замком от гаража, и снова на вопрос «Как вы это объясните?» Кутепов не ответил.

Орлов забивал гвоздь по самую шляпку — он показал Кутепову план пустыря с обозначением забора и частных гаражей. Затем сказал:

— Сухову ударили разводным гаечным ключом.

— Я такими ключами не пользуюсь,— хмуро и уже неохотно отвечал Кутепов.

— У Алексея Дмитриева пропал такой ключ.

— Возможно, все так и есть. Но какое это ко мне имеет отношение?

— Вы адвокат и прекрасно понимаете, к чему я веду. Вы не всегда отвечаете, но я на этом не настаиваю. Будем считать этот допрос предварительным знакомством. Моя задача — показать вам, чем располагает следствие. Убежден, что вы, как юрист, оцените положение правильно. Еще несколько вопросов, и мы закончим. Вы по-прежнему утверждаете, что в ночь с двадцать первого на двадцать второе ехали в поезде, направлявшемся в Москву? Прошу: только да или нет.

— Да.

— Вы брали из гаража Дмитриева гаечный ключ?

— Нет.

— Вы проникали в квартиру Дмитриевых летом прошлого года?

— Нет.

— Отлично. Теперь прочтите и подпишите протокол, если в нем нет искажений.

Кутепов внимательно прочел и потом подписал каждый лист протокола. Орлов сказал в заключение:

— Вы несколько затрудняете мою работу, вынуждая опровергать ваше мнимое алиби. Я найду проводников того вагона, в который был куплен ваш билет. Вы должны понимать, что память им за давностью времени не откажет. Если вы летели в самолете, я найду корешок билета.

Когда Кутепов уходил, сопровождаемый конвоиром, у него был вид человека, которому обещали интересное зрелище, а потом вывели на самом интересном месте. Ему хотелось продолжать, он был разочарован краткостью допроса. На это и рассчитывали Орлов с Семеновым.

Они не торопились уходить. Орлов закурил, открыл форточку в зарешеченном окне.

— Ты ему жгучие темы для размышлений подкинул,— сказал Семенов.

— Подумать-то ему, конечно, есть над чем. Первое — жива ли Сухова?

— Как, по-твоему, что для него лучше?

— Попробуем влезть в его шкуру. Как он сейчас рассуждает? Главное для него — точно определить, чем мы еще располагаем.

— Неопровержимых доказательств его покушения на Сухову у тебя нет.

— Верно. К тому же мотивов покушения мы не знаем, а это большой пробел. Если Сухова заговорит, у него не будет выхода. Она скажет, кто ее ударил и почему.

— Следовательно, ему лучше, если Сухова не жива.

— Да. Но тут есть неразрешимое противоречие. Ты бы назвал его жгучим.— Орлов слегка пошутил, однако Семенов не обратил на это внимания.— Кутепов подлежит розыску как государственный преступник. Остальное мне неведомо, но и этого достаточно. Как только он поймет, что ему не уйти и от этого обвинения, он пожалеет о Суховой. Зачем брать еще один тяжкий грех на душу?

— Но он может мерить по-другому. Семь бед — один ответ.

— Вряд ли. Не забывай: он адвокат.

— В таком случае нужно прямо объявить, что Сухова жива.

— Скрывать это ни к чему. Я должен уличить его во лжи насчет поезда. Тогда ему легче будет признаться. И больше мне здесь делать нечего.

Поездная бригада, которую искал Орлов, в понедельник 29 мая вернулась из Москвы в город К. Ей полагался трехсуточный отдых, но он был прерван. Бригадир и два проводника того вагона, в котором якобы ехал Кутепов, были вызваны в городское управление милиции, где дали письменные показания.

Помощник Орлова разыскал в Аэрофлоте корешок билета с фамилией Кутепова и переслал его подполковнику.

Проводники утверждали, что отлично помнят свою смену за 21—23 мая. Одиннадцатое место оказалось незанятым, и они сообщили об этом, как положено, бригадиру. Бригадир по радиотелефону дал сводку о свободных местах на следующую станцию, где скорый поезд имеет трехминутную остановку. На этой станции место номер одиннадцать занял молодой мужчина. Контроля в ту поездку не было.

Собранных данных вполне хватило, чтобы опровергнуть алиби Кутепова.

Семенов в понедельник получил из города К. важное известие: посланные туда ключи подошли к замкам квартиры Нестеровых. Он доложил об этом Маркову.

Во вторник, 30 мая, Орлов и Семенов вновь приехали в Бутырскую тюрьму.

На этот раз Орлов начал не с вопросов. Он дал прочесть Кутепову показания железнодорожников и предъявил корешок авиабилета.

Кутепов читал, казалось, как-то нехотя. И на корешок поглядел безразлично. Подумав, он сам неожиданно задал вопрос, обращаясь к одному Орлову и избегая взгляда Семенова:

— Вы ведь из угрозыска?

— Да.

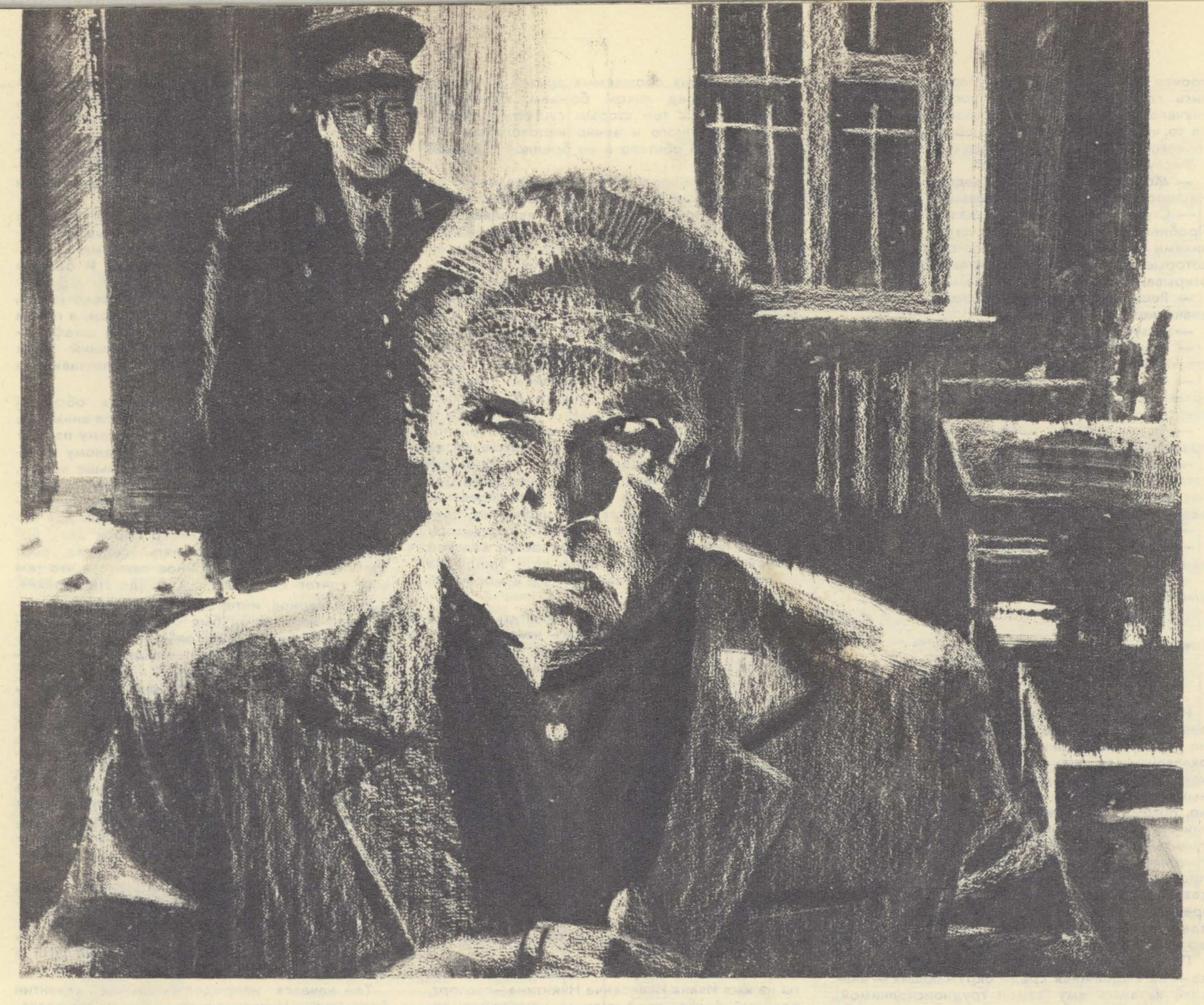
— В таком случае я хочу сделать заявление. Прошу дать бумаги.

Орлов положил на стол пачку зеленых разлинованных листков и шариковую ручку.

— Прошу.— Он поднялся из-за стола и жестом пригласил Кутепова.

Тот встал с привинченной к полу табуретки и пересел на место Орлова.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 17—28.

Вероятно, у Кутепова заранее было продумано каждое слово. Писал он не отрываясь и без единой помарки.

Заявление было короткое:

«Ввиду того, что я располагаю важными сведениями, касающимися интересов государственной безопасности, прошу предоставить мне возможность дать показания следователю КГБ. Прошу также при решении моей дальнейшей участи принять во внимание, что это заявление сделано мною добровольно и по собственной инициативе».

Кутепов сел на свое прежнее место. За какие-нибудь две-три минуты он преобразился. Теперь он был торжественно спокоен.

— Я не настаиваю, но не хотите ли вы здесь же закрыть эпизод с покушением на Сухову?— спросил Орлов.

— Это не эпизод,— сказал Кутепов печальным тоном.— Это узел. Я все расскажу, но не сейчас.

— Ну, что ж, пока идите.

Орлов вызвал конвоира. Кутепова увели в камеру.

— Нет, ты не даром ешь хлеб,— сказал Семенов.

— Стараемся.— Орлов подмигнул ему.— Потому мы и вернемся в родной город намного раньше вас. А вы, молодой человек, учитесь у стариков.

Но радоваться было еще рано.

Орлов действительно в тот же день уехал в К., оставив Семенову папку с собранными по делу материалами и все вещественные доказательства.

Второй раз Кутепова допрашивали в кабинете Маркова. Кроме полковника, были еще Павел Синицын и Семенов.

Начал Марков.

— В своем заявлении вы пишете, что имеете важные сведения. Что это за сведения и откуда они у вас?

— Мне кажется, я принимал участие во враждебной нашему государству акции. Ответить кратко на ваш вопрос мне затруднительно.

— Хорошо. Разобьем его на части. Каким образом вы стали участником этой акции?

— Меня вовлек некто Маттинелли, он работал инженером на химическом комбинате в нашем городе. Я действовал по его поручению.

Семенову показалось, что он ослышался.

Последовало долгое молчание. Потом Марков сказал так, словно Кутепова тут не было:

— Как это понимать, Евгений Михайлович?

— Разрешите я разъясню гражданину Кутепову, что он избрал ложный путь?

— Сделайте одолжение.

Семенову пришлось сдерживать себя, когда он обратился к Кутепову.

— Послушайте, вы ведь не настолько наивны, чтобы считать наивными нас. Если хотите узнать, как выглядит ваша позиция со стороны, пожалуйста, можно рассказать. Вы стремитесь затянуть разбирательство, осложнить задачу следствия. Когда стало ясно, что от обвинения в покушении на убийство уйти невозможно, вы сделали свое заявление. Если удастся вовлечь в дело итальянского инженера Маттинелли, следствию понадобится время, чтобы отмести эту версию. Все это слишком примитивно для вас.

Кутепов слушал, разглядывая ногти на руках.

Марков перекидывал листки настольного календаря. Когда Семенов умолк, он сказал Кутепову:

— Будьте благоразумны. Вы настаиваете относительно Маттинелли?

Кутепов поднял голову.

— Решительно настаиваю.

— Вы усугубляете свою вину,— с сожалением сказал Марков и, секунду подумав, добавил: — Учтите, вам еще предстоит объяснить следствию очень многое. Например, в каких отношениях вы состояли с оберштурмфюрером СС Карлом Шлегелем. А вы стараетесь навлечь на себя и дополнительные неприятности. Несолидно для человека ваших лет и вашей профессии.

Кутепов не мог скрыть, что упоминания о Шлегеле он не ожидал, а если ожидал, то боялся. Спокойно-безразличное выражение лица, которое он тут же вернул себе, не могло обмануть наблюдавших за ним Маркова и Семенова.

Марков надавил кнопку на телефонном столике и сказал Кутепову:

— Обдумайте свое положение. Когда решите говорить честно, попросите, чтобы вас вызвал полковник Марков.

Кутепова вывели из кабинета. У него был точно такой же вид, как тогда, после первого допроса. Ему хотелось продолжения...

Павел сказал:

— Даже не верится.

— Чему?— спросил Марков.

— Неужели они весь расчет строят на итальянце?

— Раз Кутепов именно тот человек, с которым велено встретиться Павлу Синицыну, значит, все правильно. Они же знают, что Павел убивать Кутепова не будет. Кутепова арестуют.

— Но это же несерьезно. На Кутепове столько навешано.

— На то и рассчитывают. Не станет он сразу во всем признаваться. Сначала назовет Маттинелли — это Кутепову выгодно: уводит от его старых дел, и следствию работы хватит. Хоть и временная, но все же путаница возникнет.

Зазвонил телефон.

— Марков слушает. Да. Хорошо, жду вас.

Положив трубку, он сказал:

— Спасибо Орлову. Они, конечно, не думали, что Кутепова так быстро найдут. Во всяком случае, не раньше, чем к нему придет этот турист Ваня. Тут они плохо рассчитали. Зато все предыдущее мы не оценили по достоинству.— Загородившись рукой от света, Марков посмотрел на часы.— Сейчас придет один товарищ, расскажет нам о профессоре Нестерове, о его работе. А после мы с вами кое-что уточним.

Капитан, которому Марков поручил составить справку о научной деятельности Николая Николаевича Нестерова, сам эту справку и

прочел вслух, потому что у Маркова разболелись глаза,— с ним это в последнее время случалось все чаще, и его утешало единственно то, что глаукомы врачи не обнаружили, хотя точного диагноза поставить все еще не смогли.

Выслушав, Марков спросил:

— Можно ли считать последние изыскания Нестерова принципиально новыми?

— Строго говоря, нет,— сказал капитан.— Проблема, которой он занят, стоит перед физиками уже не первый год. Но он получил некоторые промежуточные частные результаты, открывающие доступ к проблеме в целом.

— Решение проблемы имеет прикладное значение?

— Безусловно.

— Чем же наиболее интересна работа Нестерова?

— Когда общая задача известна, остается только найти верное направление поиска. Нестеров его нашел.

— Каким образом можно установить это направление? Что для этого надо узнать?

— Специалисту достаточно получить две-три готовые формулы. Разумеется, если они в совокупности составляют ряд, показывающий развитие мысли.

— А если без формул?

— Идею профессора можно описать и словами, но это будет более громоздко.

— Благодарю вас. Больше вопросов не имею.

Глава 19

ДОМ ЛИНДЫ НИКОЛАЕВНЫ

Из всего, чему учился Брокман у многочисленных инструкторов разведцентра, в том числе и у Михаила Тульева, наиболее полезными оказались для него сведения о порядках, обычаях и нравах, царящих на советских железных и автомобильных дорогах. И это понятно, потому что первой его заботой по прибытии было как можно быстрее добраться из Батуми в подмосковный город, где жила Линда Николаевна Стачевская. И все его дальнейшее пребывание здесь теснейшим образом было связано со средствами передвижения, ибо ему предстояло выполнить два задания: одно — вдали от маленького подмосковного города, другое — совсем неподалеку.

Первая заповедь всякого агента и разведчика — не выделяться среди окружающих — вначале казалась ему самой трудноисполнимой, так как в последние годы он упорно делал как раз обратное, все силы клал, лишь бы не быть похожим на толпу. Теперь он жалел об этом, но надеялся на свою наблюдательность, и она его не подвела.

Он добрался до дома Линды Николаевны, как до собственного, ни у кого нигде не спросив дороги. Никто никогда не посмотрел на него, как на белую ворону.

Его предупреждали, что сообщенный ему пароль уже справил свое двадцатилетие, но Линда Николаевна, оказывается, пароль не забыла.

Он видел Линду Николаевну только на портретах, где она была красивой женщиной лет двадцати пяти — двадцати шести, но тотчас ее узнал, едва она открыла ему дверь.

Ему было известно, что перед войной, в сороковом году, она стала машинисткой германского посольства в Москве и вскоре сделалась доверенным лицом и любовницей военно-морского атташе. Он ее и завербовал. Во время войны ее увезли в Берлин, где она за год сменила нескольких шефов, имевших отношение к той или иной разведке. В конце концов она очутилась у власовцев, сумела от них уйти перед самым концом войны, а что произошло дальше, Брокману не говорили.

Прошлое богатое, но все это было так давно, что ручаться за нынешнюю пригодность и готовность Линды Николаевны к тайному сотрудничеству никто не мог. Однако опасения Брокмана оказались напрасными.

Линда Николаевна помнила не только пароль. В ней были живы и воспоминания о нежных отношениях с людьми, которых она считала высшими существами, и их наставления. Она так долго томилась в ожидании какого-нибудь пришельца, который бы принес ей магический знак из молодых лет, из далекого далека, что уже устала ждать. А год назад, выйдя на пенсию (она работала машинисткой в одном из московских издательств), специально ходила в церковь, чтобы помолиться за упокой души своих обожаемых друзей и господ, а заодно перед ликом божьим проститься окончательно с тем вторым существом, алчущим недоступного и вечно недовольным сущим, которое обитало в ее бренной телесной оболочке.

Можно себе представить, как обрадовало ее появление гостя «оттуда». Это, можно сказать, было для нее не появление, а явление.

Когда Линда Николаевна как следует разглядела Брокмана и сравнила его с хранимыми в душе образами, он показался ей мужланом. Зато от него веяло энергией, той особой аурой, которой обладают только люди, привычные к опасности, и которая была ей знакома со времен войны, и это помирило ее с недостатками.

Линда Николаевна, будучи одинокой и имея возможность заработать на машинке столько, сколько необходимо (она и сейчас подрабатывала), не нуждалась в деньгах. Дом ее был обставлен хорошей мебелью и содержался в образцовом порядке. Принадлежащую ей половину сада обрабатывал за соответствующее вознаграждение сосед, мастер текстильной фабрики. Его жена убирала в трех комнатах Линды Николаевны, за что получала отдельно. А их дети, мальчик и девочка, школьники, приходили иногда смотреть к ней по телевизору цветные передачи, а в благодарность с великой охотой бегали по поручению тети Линды за хлебом в булочную и за творогом в молочный магазин.

Линда Николаевна могла оплатить любые услуги, если не хотела делать чего-то собственноручно, денег у нее хватало. Тем не менее она была обрадована, увидев положенные Брокманом на стол красные червонцы, довольно пухлую пачечку. Эти деньги восстанавливали ее в ее прежнем качестве и потому были неизмеримо дороже их номинальной стоимости. Это были для нее не банковские билеты, а волшебные грамотки, удостоверяющие ее возрождение в ранге особо доверенного лица могущественных сил, облеченных тайной властью. Это было именно так, хотя Брокман прозаически заявил, что триста рублей дает на первый случай, как задаток за жилье. Он даже не подозревал, что она готова служить даром, это было недоступно его пониманию...

Вечером за чаем — от коньяка и водки Брокман отказался — они обсудили план ближайших дней и, так сказать, гражданский статус Брокмана.

У него были безупречно сделанные документы на имя Ивана Ивановича Никитина—паспорт, военный билет, профсоюзная книжка, трудовая и даже водительские права. Во всех графах всех документов, за исключением графы «Ф. и. о.», в точности повторялись данные, относящиеся к Владимиру Уткину. Последнее место работы — техник телефонного узла в городе С., откуда уволился Уткин. Сам Брокман этого не знал, но он по первоначальному замыслу должен был унаследовать и фамилию Уткина, а не только его биографию, если бы в последний момент начальство разведцентра не внесло поправок.

Брокмана беспокоило прежде всего его положение в доме Линды Николаевны. С какой стати он у нее поселился? Кем он ей приходится? Соседи могут этого и не спросить, а участковый вправе заинтересоваться. И обязательно ли ему прописываться?

Линда Николаевна сказала, что еще в не столь давние времена сдавала одну из комнат одиноким мужчинам на разные сроки — от недели до полугода. Как правило, это были командированные, приезжавшие на предприятия или на какие-нибудь курсы. Стало быть, ничего из ряда вон выходящего никто не усмотрит, если она пустит к себе человека, приехавшего в поисках нового места работы и нового местожительства. Где и как они познакомились? В электричке. Разговорились, и Линда Николаевна сама ему предложила остановиться у нее.

Что касается прописки, то тут все зависит от сроков. Если он думает прожить несколько месяцев, можно будет прописать его временно.

Брокман не собирался жить у Линды Николаевны так долго, и вопрос с пропиской отпал. Если же возникнут нежелательные коллизии, Линда Николаевна бралась их уладить.

Брокман, понятно, не рассказал ей, для чего приехал в Советский Союз, да она и не позволила себе интересоваться. Ее лишь волновало, какое участие она примет в будущих делах — что они обязательно будут, сомневаться не приходилось. Она жаждала деятельности, и Брокман заверил, что ей представится отличный случай проявить себя.

Линда Николаевна отвела ему угловую комнату с двумя окнами — одно смотрело в глубину сада, из другого между кустами сирени была видна улица.

Брокман приехал с чемоданом, в котором лежали белье, полотенце, бритвенные принадлежности, транзисторный радиоприемник «Спидола» и коробка батареек к нему. И больше ничего.

После чая он пошел в комнату, осмотрелся, покурил перед открытым в сад окном, а потом освободил чемодан. Белье убрал в шкаф, коробку с батарейками сунул в нижний ящик письменного стола, а «Спидолу» поставил на стол.

Линда Николаевна, пришедшая обсудить продовольственный вопрос, обратила внимание на скудость багажа и сделала по этому поводу замечание, что, мол, всякому солидному человеку положено иметь немного больше вещей, даже если он не обременен семьей и ведет кочевой образ жизни. Брокман согласился, достал еще пачку денег и просил купить для него в Москве рубахи (размер сорок два), костюм получше (размер пятьдесят два, рост третий), плащ, демисезонное пальто и что там еще сочтет необходимым Линда Николаевна.

Ей, наверное, интересно было бы узнать, насколько хорошо он был оснащен для выполнения той, безусловно, опасной миссии, которая на него возложена. Не увидев при нем никакого реквизита, который во всеобщем представлении непременно должен сопровождать шпиона, Линда Николаевна была слегка уязвлена. Но она не ведала, во-первых, о подлинном назначении «Спидолы», во-вторых, о начинке батареек, в-третьих, о маленьком фотоаппарате и маленьком пистолете, лежащем у Брокмана в кармашке на «молнии», вделанном в большой брючный карман. Десятизарядная обойма этого пистолета снаряжена патронами, в которых вместо обычных пуль были короткие оперенные стрелки диаметром в обыкновенную швейную иглу.

Они решили, что питаться Брокман будет только дома — никаких столовых и ресторанов. Линда Николаевна сказала, что еще не разучилась готовить мясные блюда по рецептам одного незабвенного друга, любившего и умевшего поесть.

Так начался непродолжительный карантин Брокмана — Никитина в доме Линды Николаевны Стачевской.

За пределы сада он не выходил. Так как хозяйка сказала, что в его выговоре чувствуется легкий акцент, он решил с посторонними не беседовать. Ему хотелось бы не знакомиться ни с кем, но это было трудно, потому что сад, как сказано, принадлежал на равных правах двум хозяевам и не имел перегородки, а соседи, жившие за стеной, были людьми общительными. Правда, Линда Николаевна устроила так, что дети не донимали нового жильца расспросами и даже перестали ходить на цветные передачи.

По вечерам Брокман слушал радио. Он брал приемник, ложился на кушетку и вставлял в ухо маленький наушник, чтобы не мешать Линде Николаевне, которая в гостиной смотрела телевизор.

За завтраком, обедом и ужином они разговаривали. Линда Николаевна рассказывала кое-что из своей богатой событиями жизни или отвечала Брокману, который расспрашивал ее о пустяках, касавшихся повседневного быта.

Раз он заговорил об окрестностях города, так сказать, о памятных местах и достопримечательностях. Но ничего примечательного в ближней округе не имелось, и тогда Брокман поинтересовался, куда горожане ездят в выходные гулять. Линда Николаевна рассказала о селе Пашине на берегу Клязьмы. Там на много километров тянется глухой лес, а за лесом лежат обширные плоские, как бильярдный стол, поля — это бывшие торфяные разработки, ныне заросшие кустарником, а за ними дорога, а потом опять лес. До Пашина километров семь или восемь, ходит туда автобус от рыночной площади.

И вот на следующий день, во вторник, 23 мая, Брокман решил совершить первую вылазку — чтобы размяться, как он сказал.

Продолжение в № 31.

ЖИЗНЬ, ДОСТОЙНАЯ ПОДРАЖАНИЯ

■

Чуть склонив чубастую голову, он подошел к столику, перед которым разместились призывники. Полковник, на груди Золотая Звезда, но в разговор вступил так, словно перед ним были равные ему по возрасту и боевому опыту друзья.

Заиндевелые брови. Губы трогает непринужденная улыбка. Сквозь голубоватую паутинку усталых глаз лучится теплота с искорками иронии. Голос тихий, склад речи неторопливый, и каждое слово, каждая фраза, скрепленные энергией ума и боевого опыта, стали заполнять небольшое помещение событиями, лицами, атмосферой боевой жизни далекого гарнизона пограничников...

Таким увиделся мне Сергей Александрович Борзенко — писатель, журналист, воин храброго сердца и пытливого ума — в час встречи с призывниками Тушинского райвоенкомата.

Он говорил призывникам о традициях их отцов, о подвигах советских воинов в годы Великой Отечественной войны, о своих боевых друзьях, с которыми отражал атаки фашистов на подступах к Днепру, на Кубани, на Малой земле, сражаясь на Крымском полуострове, затем, став корреспондентом «Правды», прошел с передовыми частями через Румынию, Венгрию, Польшу и ворвался в Берлин. Этот путь он обрисовал в искренних воспоминаниях о героях-воинах, которые жили в его памяти. А о себе, о своих подвигах — ни слова.

Так он утверждал нравственные нормы нашей и своей жизни. Но то, что не хотел и не успел рассказать он о себе, помнят его боевые друзья.

Перед моими глазами страницы сборника воспоминаний участников боев в районе Новороссийска. Полковник в отставке С. С. Пахомов вспоминает:

«...Вернувшись с Малой земли, начальник политотдела 18-й армии полковник Л. И. Брежнев зашел в редакцию армейской газеты «Знамя Родины» и предложил провести летучку. «Почему знают десантники корреспонденцию Сергея Борзенко «Родина мужества и отваги»?—спросил Леонид Ильич и тут же ответил:— Потому, что Сергей Александрович точно, выразительно нарисовал образ Малой земли... Согласитесь, очень хорошо сказано: «Со всех сторон спешили сюда отчаянные десантники, горевшие негасимой ненавистью к врагу. Тот, кто попадал на Малую землю, становился героем. Трусы или умирали от разрыва сердца, или сходили с ума. Там не было метра площади, куда бы не свалилась бомба, не упала мина или снаряд. Семь месяцев вражеские самолеты и пушки вдоль и поперек перепахивали землю, на которой не оставалось ничего живого — ни зверей, ни птиц, ни деревьев, ни травы. Никого, кроме советских воинов».

В те дни С. А. Борзенко не было в редакции, он оставался на Малой земле. Позже он об этом скажет так: «Я полюбил Малую землю и ее людей. Что ни человек, то своя судьба, свои склонности, привычки, волнения и тревоги — любовь к Родине роднит их, как братьев».

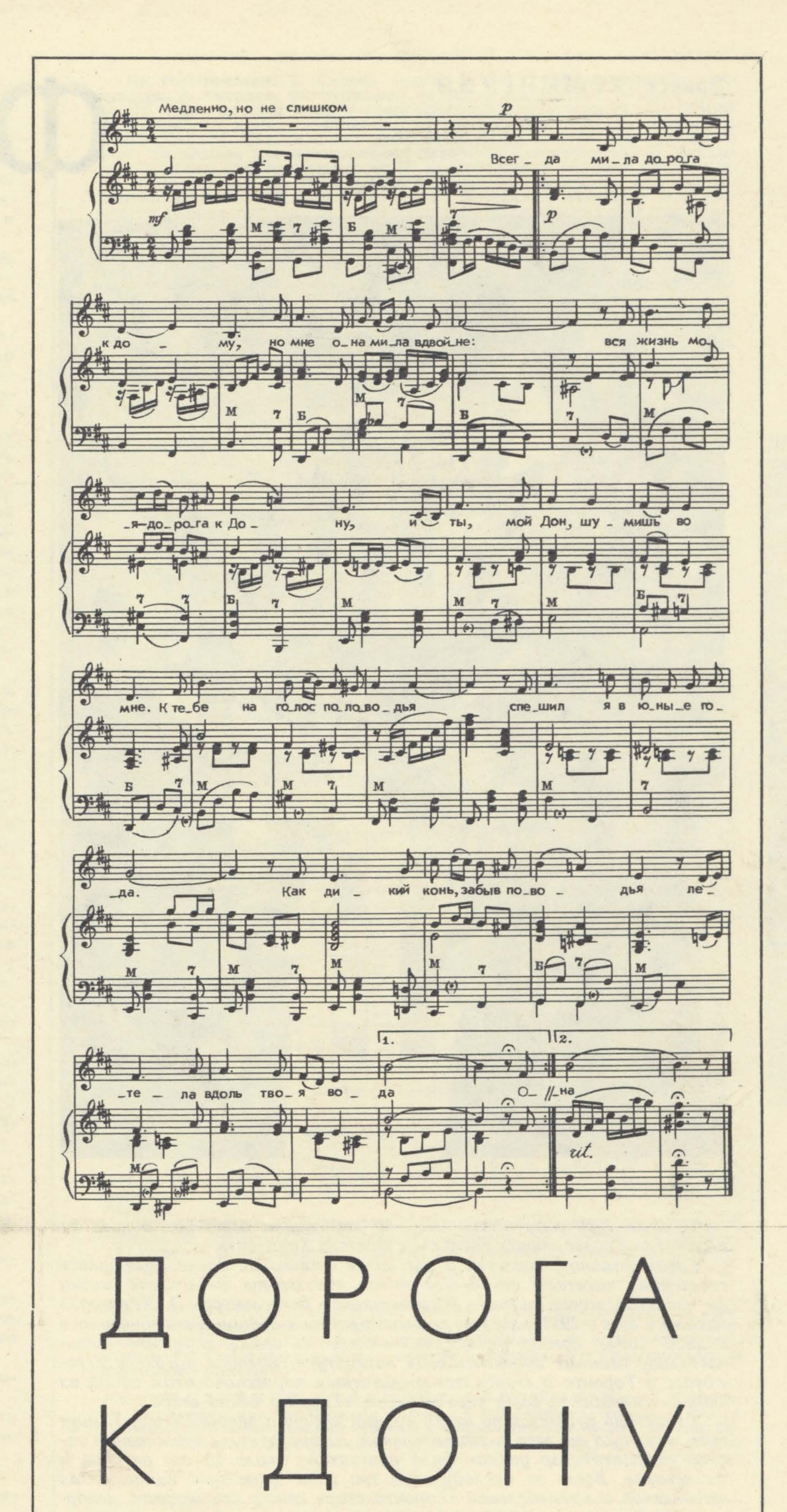
В воспоминаниях участников десанта на Эльтиген вырисовывается образ журналиста удивительной отваги и работоспособности. Возглавив батальон морских пехотинцев, он умело организовал захват выгодных позиций; за один день шесть раз поднимал бойцов в решительные контратаки, а ночью, в разбитом сарае, под светом пылающей крыши написал знаменитые пятьдесят строк о десанте, о начале освобождения Крыма от гитлеровских захватчиков. Именно из корреспонденции С. А. Борзенко командованию армии и фронта стало известно о ходе форсирования Керченского пролива и о завоевании плацдарма в районе Эльтигена. За свой подвиг Сергей Александрович Борзенко был удостоен звания Героя Советского Союза — первый писатель с Золотой Звездой на груди.

После Победы он, не снимая шинели, более двадцати лет оставался корреспондентом «Правды».

Он неутомимо заполнял свой блокнот, делал заготовки для осуществления замысла многотомного романа «Какой простор». Первые два тома этого романа, а также более десяти повестей, сборников рассказов, очерков о военной поре он успел опубликовать при жизни. Большую и напряженную работу прервала смерть 19 февраля 1972 года.

Но в эти дни, когда отмечается семидесятилетие Сергея Александровича Борзенко, он по-прежнему жив для своих боевых друзей, товарищей, читателей. Живут и упорно отстаивают наши позиции, как верные солдаты в боевом строю, его книги. Слово, вынесенное из огня сражений, не теряет своей упругости, как добротно закаленная штыковая сталь в рукопашном бою. Борзенко и теперь, в пору напряженной борьбы с идейными противниками, помогает нам.

Иван ПАДЕРИН

ДОРОГА К ДОНУ

Стихи Виталия ТАТАРИНОВА

Музыка Семена ЗАСЛАВСКОГО

Всегда мила дорога к дому,
Но мне она мила вдвойне:
Вся жизнь моя — дорога к Дону,
И ты, мой Дон, шумишь во мне!
К тебе на голос половодья
Спешил я в юные года.
Как дикий конь, забыв поводья,
Летела вдаль твоя вода.

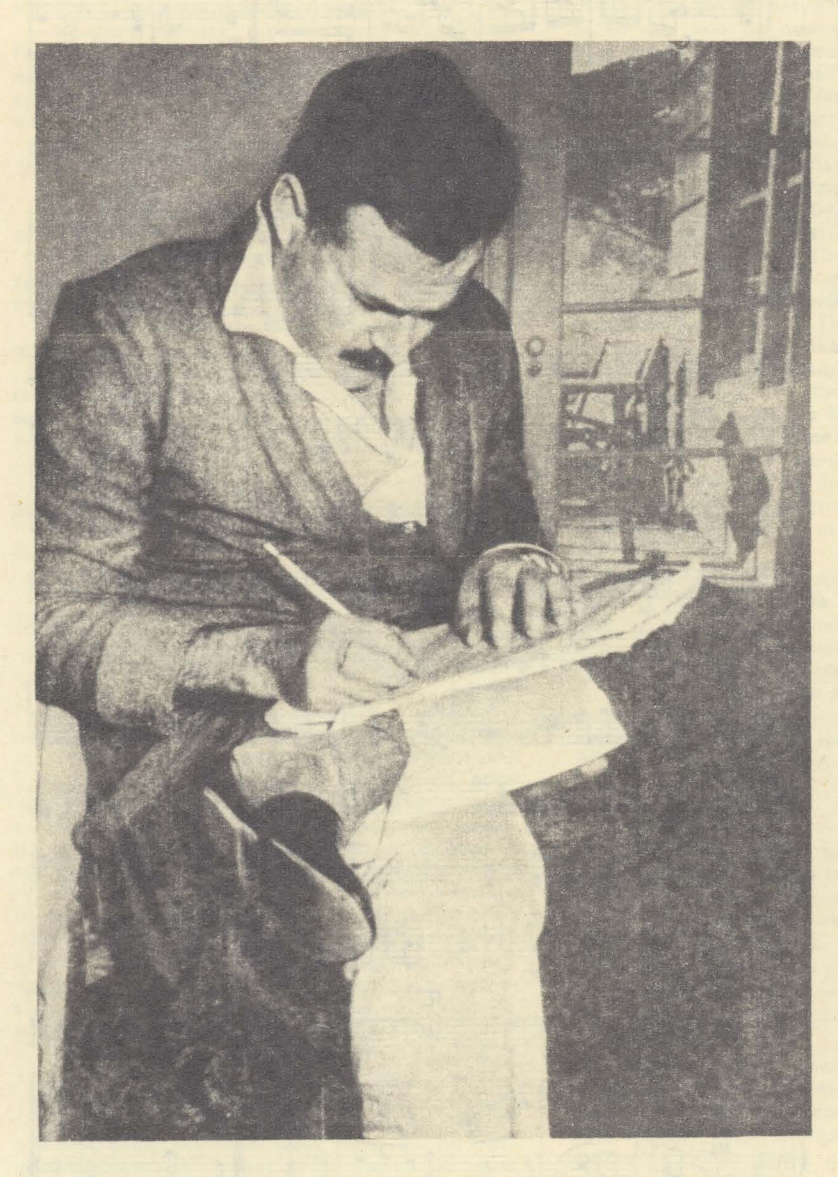
Осенним праздничным нарядом
Меня встречает берег твой...
Не здесь ли мы с любимой рядом
Бродили давнею весной?

Когда-нибудь с последней песней
Приду, как сын, к твоей волне,
Пусть вечный свет твоих созвездий
Напомнит людям обо мне.

Как синева твоя бездонна!
Как сердцу грустно и светло!
Ах, пойте, пойте, ветры с Дона,
О том, что было и прошло!
И нашей жизни продолженье
На все века и времена —
Пускай стремит свое движенье
Твоя бессмертная волна!

Эрнест ХЕМИНГУЭЙ

ФЕЛЬЕТ

21 июля 1979 года исполняется 80 лет со дня рождения одного из крупнейших современных писателей, Эрнеста Хемингуэя.

Герои романов, повестей и рассказов Хемингуэя давно полюбились советскому читателю, но не все знают, что многие годы своей жизни он посвятил журналистике. Журналистская деятельность Э. Хемингуэя началась еще в 1917 году, затем была прервана войной и возобновилась в 1920 году, когда, демобилизовавшись из армии и приняв окончательное решение посвятить себя литературе, молодой писатель переезжает в Торонто и становится внештатным корреспондентом одной из ведущих канадских газет того времени, «Торонто дейли стар».

Редактору пришелся по вкусу полный юмора и энергии стиль Хемингуэя, и только за лето в еженедельном литературном приложении газеты «Торонто стар уикли» было напечатано около 20 его очерков и фельетонов. Всего за последующие три года Хемингуэй написал для ежедневной и еженедельной «Торонто стар» свыше ста очерков, репортажей и фельетонов.

Интересы Хемингуэя-журналиста были чрезвычайно разносторонними. Посвятив многие из своих статей нравам послевоенной Америки и Канады, он отправляется в качестве зарубежного корреспондента «Торонто стар» в Европу, где пишет как о крупнейших политических событиях и проблемах того времени (греко-турецкой войне, Генуэзской экономической конференции, Мирной конференции в Лозанне, оккупации Рура, угрозе фашизма в Италии), так и моральном разложении заполонившей парижские кафе американской богемы, модах, инфляции, рыбной ловле и развитии туризма.

Большинство очерков, опубликованных Хемингуэем в канадской газете, были написаны под острым сатирическим или критическим углом. Самый первый материал, напечатанный в «Стар уикли» 14 февраля 1920 года, представлял собой фельетон, высмеивающий снобизм мещан Торонто, бравших напрокат картины местных художников. Под этим фельетоном не было подписи, и его принадлежность перу Эрнеста Хемингуэя была установлена библиографами писателя на основании записи в платежной ведомости газеты.

Предлагаем вниманию читателей этот фельетон, а также еще два не переводившихся ранее на русский язык фельетона Эрнеста Хемингуэя, опубликованных в разное время в «Торонто стар уикли».

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

КАРТИНЫ ПЕРЕХОДЯТ ИЗ РУК В РУКИ — НОВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ВЫСОКОМ ИСКУССТВЕ В ТОРОНТО

Если ваш дом еще не украшают (насколько новое искусство вообще может что-либо украсить) произведения будущего Коро, современного Милле или потенциального Тициана из Торонто, то вы можете легко восполнить этот пробел, приобретя ненадолго, но за сущий пустяк лучшие работы модернистов.

Движение по обмену картинами зародилось в Торонто в доме № 63 по Фарнхэм-авеню, где проживает миссис У. Гордон Миллс, которая прошлой весной обратилась к одному из выдающихся художников города с просьбой одолжить ей на лето одно-два полотна. Мастер, один из тех, что «привнес ярость в искусство», быстро согласился, и вместе они обсудили возможность создания передвижной картинной галереи с выдачей картин на дом. Ряд молодых замужних дам Торонто восторженно поддержали эту идею, и вот передвижка в полном разгаре, или, точнее, циркуляции.

По словам миссис Кеннет Т. Янг, 152 Блоор-стрит, циркулирующая галерея превратилась сегодня в чрезвычайно закрытое акционерное общество. Когда автор этих строк попросил у вышеназванной миссис от имени «Торонто стар уикли» данные для статьи о новом применении закона циркуляции Гарвея[1], то она, посоветовавшись с другими акционерами, решила, что публикация их имен, а также имен художников придаст всему предприятию дух торгашества и испортит дело. Кроме того, что за радость иметь у себя в доме картины, если их может заполучить любой платежеспособный гражданин.

Однако корреспонденту все же удалось установить, по какому принципу действует передвижная галерея. Молодые матроны выбирают понравившиеся им работы процветающих, полуголодных или просто нуждающихся художников — все зависит от степени современности мастера и его умения рекламировать свой товар — и платят им десять процентов предполагаемой стоимости картин, после чего получают право распоряжаться ими в течение шести месяцев. Каждая из дам берет себе по две картины, и после того как они перестают доставлять удовольствие или, говоря проще, осточертевают настолько, что обмен становится более чем желателен, ими меняются с ближайшим членом-пайщиком галереи.

Так, например, картина одного из художников, который, по словам миссис Миллс, «привнес ярость в искусство», обладает такой силой, что обменять ее уже можно по истечении нескольких дней, вероятно, по требованию мужа.

Другая картина оказывает такое умиротворяющее воздействие, что с ее помощью муж делается управляем, как кобра под дудкой факира. Эта картина может оставаться в доме бесконечно долго, помогая мужу стойко переносить такие потрясения, как прорезывание зубов, покупка весенних шляпок или превышение кредита в банке.

Художник тоже не внакладе. Таким образом он хоть что-нибудь получает, а кое-кто, пусть даже немногие, лицезрят его картины, а по истечении шести месяцев он снова может выставить их для продажи. Но торгашеским духом здесь и не пахнет.

1920

[1] Гарвей Уильям (1578—1657) — английский врач, открывший кровообращение.

ДИКИЙ ЗАПАД ПЕРЕБРАЛСЯ В ЧИКАГО

В Канаде никогда не было своего Дикого Запада. В основном, возможно, потому, что стоило кому бы то ни было прибыть из-за границы и попробовать «дикозападничать», как канадская северо-западная конная полиция без лишнего шума отправляла его туда, где он никому не мог причинить никакого беспокойства.

Зато в Соединенных Штатах Дикий Запад процветал. Все было, как мы привыкли видеть в кино. Были игорные притоны, города «открытого порока», самогон, профессиональные игроки в сюртуках, ковбои-бандиты, убийства с разбором и без разбора, в общем, жизнь била ключом.

Но все это в прошлом. Там, где когда-то тихий ночной воздух сотрясали выстрелы, теперь тихой ночью вас не побеспокоит ничего, кроме телефонного звонка.

Где некогда бродили только сохатые, сегодня вместе с ними бродят масоны и прочие члены тайного братства. Иными словами, на смену старому порядку пришел новый.

Но Дикий Запад не исчез. Он только перебрался на новое место. В настоящее время он находится на юго-западной части побережья озера Мичиган, а его бандиты хозяйничают в районе огромных закопченных каменных джунглей, именуемых Чикаго.

Ежегодно кто-либо из конгрессменов или сенаторов докладывает конгрессу США о том, что за минувший год в Мексике было убито двадцать семь, а то и целых тридцать два американских гражданина. Все конгрессмены дружно вздрагивают. И то понятно: Мексика — скверное место. Нужно принимать меры.

Зато в городе Чикаго с января по ноябрь этого года было убито всего сто пятьдесят человек. Сто пятьдесят убийств за десять месяцев, то есть по одному убийству каждые сорок восемь часов.

Конечно же, это пустяки по сравнению с первыми приисковыми городами штата Невада, где, как гласит молва, каждое утро к завтраку было по одному убитому. Правда, в Неваде меню на завтрак разнообразилось также за счет шерифов и полицейских, расправлявшихся с бандитами, а сведения по Чикаго приводятся

ОНЫ

без учета деятельности полиции, хотя наверняка и здесь стражи порядка каждый день кого-нибудь убивают.

Чикаго считается «сухим» городом. Но всякий, кто в состоянии вложить двадцать долларов за кварту виски, может приобрести все, что душе угодно.

Игорные дома после небольшого затишья вновь процветают. Конечно, некоторые виды азартных игр могут существовать в любом городе, несмотря на усилия полиции. Игры эти не требуют специального оборудования, и играть в них можно практически в любом месте. Например, игрокам в кости во время облавы достаточно не открывать дверь ровно столько времени, сколько нужно для того, чтобы сгрести все деньги в саквояж из оленьей кожи, стоящий наготове на бильярдном столе, выбросить кости за окно, и никаких доказательств.

Зато существование рулетки невозможно без покровительства полиции. Рулетку не спрячешь и не выбросишь в окно — она громоздкая, тяжелая и дорого стоит. Открывая игорный дом, его хозяева должны быть совершенно уверены, что будут заранее предупреждены о начале облавы, чтобы у них хватило времени припрятать оборудование.

Весь город говорит о расположенном в западной части Чикаго игорном доме с рулеткой, где ставки не уступают игорным домам Монте-Карло. Как видите, убийства, алкогольные напитки и азартные игры чувствуют себя на новом Диком Западе ничуть не хуже, чем на старом.

Что до полиции, то размеры преступности в Чикаго лучше всего характеризуют ее деятельность. Но даже если вам удалось миновать гибели от рук злоумышленников, то в Чикаго у беззубой с косой припасено для вас немало других сюрпризов. Только в этом, еще не окончившемся году под колесами автомобилей здесь почило еще четыреста двадцать человек.

1920

ГОРЯЧАЯ ВАННА В ГЕНУЕ — РИСКОВАННОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ

Ллойд Джордж утверждает, что конференции значительно лучше и дешевле, нежели войны. Однако, насколько мне известно, Ллойд Джорджу не доводилось быть взорванным в итальянской ванной. А вот мне довелось, и это одно из многих различий между нами.

Взорвавшаяся ванна — удивительно неприятная штука. Чувствуешь себя совершенно беззащитным. Уж лучше подорваться в окопе — в этом хоть есть свои плюсы: вы можете оставить окоп и отправиться в госпиталь, а поправившись, даже немного похвалиться ранением. Подорваться же в ванне значительно хуже. Ведь вы так или иначе намеревались выйти оттуда с минуты на минуту, раны не облегчают вашего положения, а, напротив, унижают вас, и в довершение всего сразу после взрыва вам предстоит приниматься за работу.

Я вошел в ванную, предвкушая предстоящее удовольствие, полный любви к Италии и итальянцам. Я выскочил оттуда обожженный прозрением, ненавидя все и вся.

Ванна была горячей и глубокой, и в подвешенном на стене большом медном баке весело урчал газ.

Для развития рассказа следовало бы добавить еще несколько вступительных фраз. Но, к сожалению, это очень короткая история.

Неожиданно бак стал свистеть и фыркать. Потом из него, шипя, как приближающийся снаряд, вырвалась под давлением струя пара, и без дальнейших церемоний бак взорвался. Ударная волна выбросила меня из ванны и пригвоздила к двери. Комнату заполнило рычащее облако пара, и я в чем мать родила распластался на двери подобно морской звезде, и, наконец, догадался повернуть ключ в замке.

Пролетая от ванной к двери, я, кажется, ударился об эмалированный таз и стул — предположение, подтверждавшееся глубоким порезом на правой голени и большим, быстро зеленеющим кровоподтеком на левом бедре. Я растянул правое запястье, и кожа с ладони сошла почти полностью. Дно медного бака вырвало взрывом.

Швейцар нырнул в пар и перекрыл калорифер. Кто-то из прислуги накинул на меня огромное полотенце. От взрывной волны у меня перехватило дыхание, и говорить я мог только шепотом. Правда, шептал я чрезвычайно выразительно.

Появился хозяин гостиницы, и я стал шептать ему по-итальянски.

— Вы говорите по-французски? — спросил он.

— Немного.

— О, тогда побеседуем по-английски? — Он взволнованно развел руками.— Мосье причинили неудобства?

— Похож я на счастливчика? — прошептал я, надевая халат.

— Но мосье должен радоваться. Его могло убить. Мосье здорово повезло.— Он улыбнулся во весь рот.

— А нога,— прошептал я с горечью,— ей тоже повезло?

— Да, да, мосье. Могло быть намного хуже. Я пошлю за йодом.

Он мгновенно исчез.

Позднее коридорный растолковал мне, что катастрофа была неминуема.

— Видите ли, синьор,— объяснял он по-итальянски, улыбаясь,— бой, который ремонтирует ванны, поставил в sicura — предохранительный клапан — маленькую пробку, очень старую пробку. С такой пробкой вода нагревается гораздо быстрее. Мы всегда так делаем. Бой — очень хороший малый — просто забыл вынуть эту пробку. Предохранительный вылет забило.— Он очаровательно улыбнулся и закончил: — Теперь синьор сам видит, что взрыв был совершенно неизбежен.

Что ж, подождем, не предъявят ли мне счет за пузырек с йодом, который прислал хозяин.

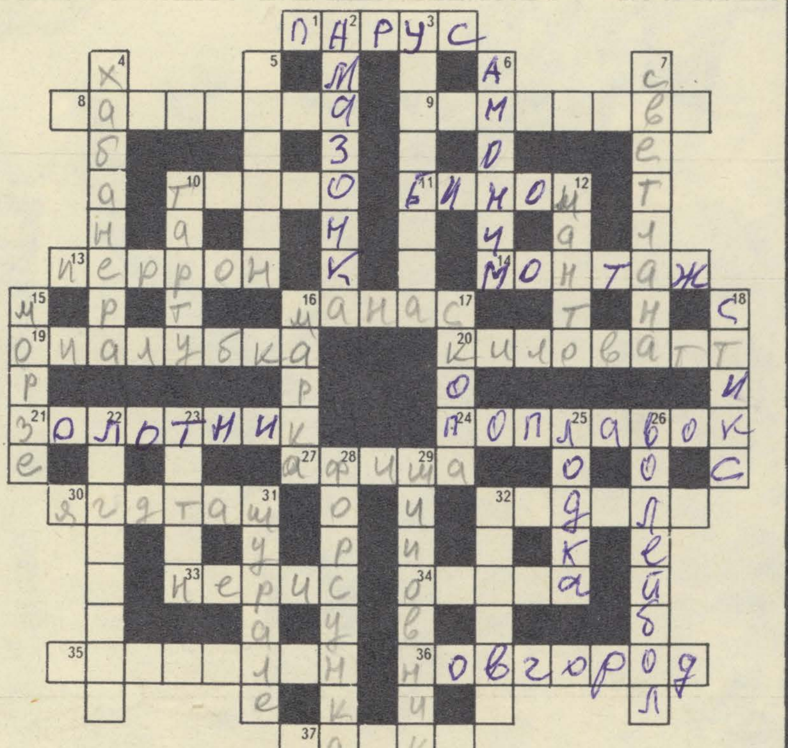
Перевел с английского Виктор ПОГОСТИН.

1922

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Снасть судна. 8. Вид изобразительного искусства. 9. Актриса, выступавшая на сцене московского Малого театра. 10. Надстрочный знак в средневековой письменности. 11. Сумма или разность двух алгебраических выражений. 13. Пассажирская платформа. 14. Сборка и установка машин. 16. Киргизский народный эпос. 19. Форма для изготовления бетонных конструкций. 20. Единица мощности электрического тока. 21. Старинная русская мера веса. 24. Часть удочки. 27. Объявление о спектакле, концерте, лекции. 30. Охотничья сумка. 32. Порода собак. 33. Литовская поэтесса. 34. Кремнистая горная порода. 35. Спортивное приспособление или сооружение. 36. Областной центр в РСФСР. 37. Снаряжение военнослужащего, пожарного.

По вертикали: 2. Река в Южной Америке. 3. Украинский духовой музыкальный инструмент. 4. Испанский народный танец-песня. 5. Химический элемент. 6. Слово, однозвучное с другим, но отличное от него по значению. 7. Баллада В. А. Жуковского. 10. Город в Эстонии. 12. Дамское пальто. 15. Американский изобретатель, составивший телеграфный код. 16. Знак почтовой оплаты. 17. Хищная птица. 18. Инструмент скульптора. 22. Вспомогательный сплав в металлургии. 23. Спутник планеты Сатурн. 25. Небольшое, обычно гребное судно. 26. Спортивная игра. 28. Устройство для распыления жидкого топлива. 29. Дикая роза. 31. Балет Ф. З. Яруллина. 32. Рыба семейства карповых.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 28

По горизонтали: 3. Каштан. 4. «Шахтер». 6. Байкал. 9. Табло. 10. Пегас. 12. Август. 15. Техникум. 16. Анатомия. 17. Редуктор. 20. Единорог. 23. Альбом. 26. Косяк. 27. Оникс. 28. Нансен. 29. Аркада. 30. Ацетон.

По вертикали: 1. Саврасов. 2. Барбадос. 4. Шаблон. 5. Хлопок. 7. Купала. 8. Лугано. 11. «Вертер». 12. Амфора. 13. Тандем. 14. Диктор. 18. Унисон. 19. Теркин. 21. Идиома. 22. Орбита. 24. Лестница. 25. Оператор.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Торжественный пролог. Так открывалась VI Спартакиада народов СССР. Под этими знаменами пройдут по Центральному стадиону имени В. И. Ленина и участники VII Спартакиады. (См. в номере материал «VII Спартакиада на финишной прямой».)

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Мария Филатова выполняет упражнения на бревне. * Преодоление препятствий. * Трехкратный олимпийский чемпион по прыжкам тройным Виктор Санеев. * Зебинисо Рустамова — сильнейшая лучница мира. * Старт.

Фото А. Бочинина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456. Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 25.06.79. Подписано к печати 10.07.79. А 01084. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 1780. Заказ № 822.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

Фото А. БОЧИНИНА

МОЗАИ

Если бы художник захотел создать мозаичное панно, выражающее душу спорта, ему надо было бы слить воедино такие проявления человеческих чувств, как целеустремленность, волевой порыв, вдохновение. Только тогда он смог бы рассчитывать на успех в своем начинании.

Таким мозаичным панно станет наша Спартакиада. А вот ее беглый, скупой эскиз: стремительный бросок эстафеты, убежденность в новой победе замечательного гонщика Ааво Пиккууса, неудержимый взлет баскетбольных гигантов, ритмичное мелькание под солнцем байдарочных весел, зарождение на наших глазах нокаутирующего удара одного из лучших боксеров мира, Виктора Рыбакова, и готовый к рекордному рывку неутомимый Давид Ригерт...

А теперь помножьте эти семь снимков, представляющих семь видов спорта, по крайней мере на четыре — и перед вами возникнет панорама VII летней Спартакиады народов СССР во всем ее грандиозном размахе: с ее программой, состоящей из тридцати видов спорта; с ее созвездием имен, которых и не перечислишь. А ведь к этим именам в ходе борьбы обязательно примкнут еще и те, о которых мы еще ничего не знаем сегодня.

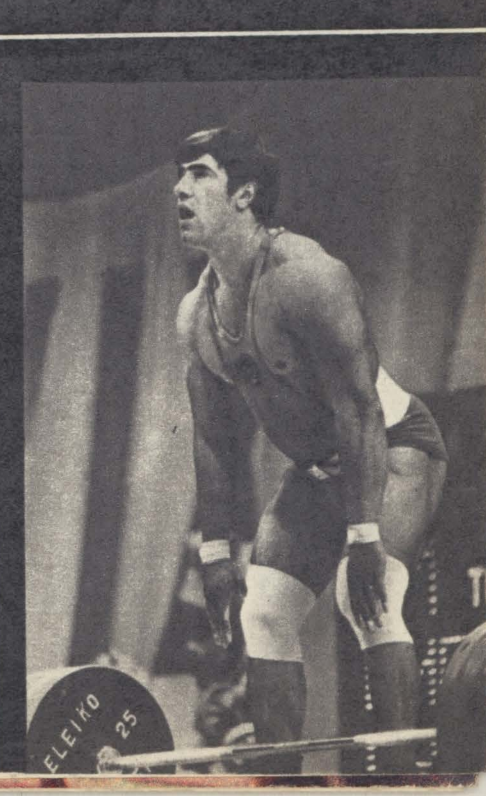
В. ВИКТОРОВ

КА СПОРТА

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663

